

ЮНОСТЬ

3
1963

С. МАРШАК

Из лирической тетради

Чудо из чудес

Когда был черный этот лес
Прозрачным, оголенным,
Казалось чудом из чудес,
Что будет он зеленым.

Но чудо каждою весной
Бывает в самом деле.
Смотри: деревья пух сквозной,
Расправившись, надели.

Стоят, стряхнув зимы покров,
Не горбясь, не сутулясь,
Как сестры, что под отчий кров
Невестами вернулись.

Разговор с малиновкой

— Ты думал, мир не тот, не тот,
Какой ты видел в детстве? —
Щебечет птица, что живет
В саду — со мной в соседстве.

— Да, многого не узнаю
Я в наши дни, но все же
Вы на прабабушку свою,
Малиновки, похожи.

Я с ней отлично был знаком,
Когда в лесу весеннем
По скользким веткам босиком
Взлезал, как по ступеням.

Песня

Небо. Море.
Море. Небо.
Позабудешь о земле,
Словно ты на ней и не был,
Век провел на корабле.

Но когда впотьмах на койку
Заберешься, как в жилье,
Видишь землю, землю только,
Только землю
Да ее.

Ласточка

Так много ласточек летало
Почти с тех пор, как мир стоит.
Но их не помнят, их не стало,
А эта ласточка летит.

Ночной костер

Горел костер под небом Крыма,
Стреляя звездами во тьму,
А мне смолистый запах дыма
Напомнил Горького в Крыму.

Он слушал буйный шум прибоя
И треск обугленной коры.
И, верно, видел пред собою
Свои походные костры.

Равновесье

Человек ходил на четырех,
Но его понятливые внуки
Отказались от передних ног,
Постепенно превратив их в руки.

Ни один из нас бы не взлетел,
Покидая Землю, в поднебесье,
Если б отказаться не хотел
От запасов лишних равновесья.

Манолис ГЛЕЗОС

ЛЮБИТЬ, МЕЧТАТЬ, БОРОТЬСЯ, ПОБЕЖДАТЬ!

Манолиса Глезоса во всем мире называют «Антифашист № 1». В дни, когда нацизм был в расцвете своего разбойничьего могущества, когда многие западные капиталистические страны были оккупированы, а правительства других дрожали перед мощью его армии, в припадке мании величия маньяк Адольф Гитлер приказал водрузить нацистское знамя на вершине Акрополя, считающегося колыбелью европейской культуры.

Акрополь — каменистый холм, господствующий над Афинами в Греции, увенчан прекраснейшим из зданий древности — Парфеноном. Стены холма отвесны. Только одна дорога ведет на его вершину. Эта дорога была заминирована по бокам, надежно защищена колючей проволокой. Подходы к ней и вершина холма усиленно охранялись. Знамя с ненавистной народам паучьей свастикой развевалось на фоне колонн Парфенона как символ каннибальского фашистского торжества.

И вот однажды, когда солнце поднялось над Акрополем, афиняне увидели, что ненавистное знамя исчезло, а на флагштоке развевается бело-голубой флаг Эллады. Этот факт мгновенно облетел всю мировую печать. Надменный нацистский фюрер, перед которым дрожали западные правители, в Греции получил пощечину, звук которой разнесся по всему миру.

Люди, и в особенности сами греки, знавшие неприступность каменного холма, недоумевали: как это могло произойти? Как могли неизвестные смельчаки подняться на кручу или проскользнуть по заминированной дороге мимо часовых? Подвиг этот начал уже окутываться дымкой легенды, когда весь мир узнал имя героя: Манолис Глезос, юный афинянин, студент, участник Сопротивления. Вот тогда-то и назвали его «Антифашист № 1», и имя его стало известно любому ребенку, как имена героев древней Эллады.

И вот этот легендарный герой, ставший после войны одним из руководителей прогрессивной партии ЭДА, главным редактором его центрального органа — газеты «Авги», одним из зачинателей и активнейших участников борьбы за мир, был схвачен агентами греческой охранки — Асфалии, и в результате инсценированного вздорного, организованного полицией процесса, по решению военного суда брошен в тюрьму. «Прикованный Прометей» — так стала называть его миролюбивая общественность всего мира, начавшая долгую и упорную борьбу за освобождение Глезоса.

В конце прошлого года редакция «Юности» обратилась к Глезосу с просьбой рассказать ее читателям о том, как удалось ему сорвать с Акрополя нацистское знамя, и поделиться мыслями о молодежи, о ее сегодняшних задачах. Глезос из тюрьмы известил редакцию, что начал писать эту статью. Он закончил ее, уже после того, как в результате дружных усилий мировой общественности был выпущен на свободу.

Я охотно откликаюсь на просьбу журнала «Юность». Это большая радость — беседовать с молодыми людьми Страны Советов. Времени у меня здесь, в тюрьме, сколько угодно, а вот бумаги почти нет. Придется писать на крохотных листочках папиросной, выводя текст микроскопическими буквами, а это трудно — и бог знает, когда напишется эта статья. Редакции «Юности» придется набраться терпения.

Отсюда, из глубины тюрьмы, чистое синее небо Греции все рассечено решетками окон и дверей. Эти перекрещивающиеся решетки словно бы хотят уничтожить горизонт и оградить тебя от мира, затемняют любимые лица матери, жены, ребенка, когда они ненадолго появляются на свидание. Ведь и в эти короткие минуты приходится видеть их через проволочную сетку, сквозь нее слышать родные голоса. Ко всему привыкают. Но вот к решетке человек, вероятно, не привыкнет никогда, как птица не может привыкнуть к клетке.

В тюрьме все так устроено, чтобы заставить тебя забыть, что ты человек, забыть все человеческое. Придумана целая система, чтобы тебя обесчеловечить, убить в тебе мысль, вытравить чувства, отучить думать, размагнитить волю. Ты изолирован от общества. Тишина окружает тебя, она как бы давит на тебя со всех сторон. Сейчас зима. В камере страшный холод. Окоченевшие руки едва держат перо. Но холод — это ничто перед одиночеством, перед этой непрекращающейся агонией ожидания.

СТАТЬЯ НАПИСАНА ПО ПРОСЬБЕ ЮНОСТИ

Все, что напоминает тебе о том, что ты человек, здесь запрещено. Запрещено хотя бы сквозь сетку поцеловать мать, жену, прикоснуться к руке сына. Пространство для твоего тела ограничено, ограничен воздух для легких. Запрещены стулья, запрещены часы, родным и близким запрещено приносить продукты, запрещены даже безобидные книги, запрещены цветы, запрещен даже смех. День и ночь ты точно в каменном гробу. Все вокруг тебя неподвижно, и приходится насиловать память, чтобы вспомнить, что, кроме черного и белого, есть и другие цвета. И все-таки человека в человеке убить не удается. Я продолжаю жить. Хотя стены отделяют меня от всего мира, мысленно я с моими друзьями, в их рядах, мысленно я с вами, люди земли, с вами, борцы за мир.

Вы написали мне, если я правильно понял ваше письмо, что журнал ваш имеет 550 тысяч подписчиков,[1] что все это — юноши и девушки, жадные до всего хорошего и потому желающие знать подробно о том, как когда-то два греческих парня-студента сорвали с флагштока на Акрополе фашистское знамя.

Человек все может, если только он этого очень захочет и если он, как говорят у вас в России, Настоящий человек. Для человека нет пределов. Люди XX века расщепили атом. Уже тут, в тюрьме, я узнал, что не рожденный поэтическим воображением легендарный Икар, а сын человеческий, по имени Юрий — смело устремился в звездные выси и открыл людям путь в космос. Мы, люди века Дмитрия Менделеева, супругов Кюри, Ивана Павлова, Альберта Эйнштейна и Юрия Гагарина, лучше, чем все люди прошлого, знаем беспредельность не только человеческих мечтаний, но и человеческих возможностей.

И то, что мой товарищ и я совершили в ночь с 30 на 31 мая 1941 года на Акрополе, хотя это и получило в свое время отзвук во всем мире, было не больше, чем проявлением духа нашего великого века. Нацистский флаг болтался на холме, священном для всех культурных людей! Он высоко над Афинами и виден отовсюду. Он как незаживающая, кровоточащая язва на теле нашего города. Мы видели его каждый день, каждый час, этот надменный символ фашизма, расовой ненависти. Он оскорбление не только для нас, греков, это осквернение колыбели европейской культуры. Разве это можно было терпеть?

И вот весной 1941 года мы с моим другом студентом Апостолосом Сантосом решили этот флаг убрать. Опасно? Конечно. За это могут казнить? Разумеется. Но разве в нашей истории мало людей умерло за свободу? Одна чудесная женщина прекрасно сказала: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Эти слова — великий завет для юношества нашего времени.

Редакция просит рассказать, как это удалось сделать. Я знаю, на эту тему существует много рассказов, изобретенных людьми с хорошей фантазией. Все было проще и обыкновеннее. И трудно и легко. Трудно потому, что Акрополь, эта гигантская скала, с трех сторон действительно неприступен. По отвесным его стенам не вскарабкается даже коза. Действительно, дорога с четвертой стороны, по которой когда-то на холм поднимались торжественные процессии древних эллинов, была по сторонам заминирована, оплетена проволокой, и каждый марш ее охранялся. И все-таки это было не так трудно. Во всяком случае, не очень трудно физически. Нам на помощь пришло одно обстоятельство. В детстве, играя, мы облазили весь этот холм. Мальчишки всего мира, как известно,— великолепнейший народ. Еще в детстве мы отыскали в одной из отвесных стен подземный ход, по которому, как можно полагать, на холм поднимались жрецы богини Афины Паллады. О ходе этом было известно афинским мальчишкам, но, вероятно, не известно гитлеровскому командованию. Вот этим-то мы с Сантосом и решили воспользоваться.

Взобраться по этому ходу и даже пробраться через камни, которыми он был завален сверху, оказалось не столь уж сложно. А вот в светлую ночь, освещенную полной луной, подобраться к флагштоку, который находился в отдалении, было куда труднее. Но, повторяю, для человека, задумавшего доброе дело, нет невозможного. И мы то ползком, как ящерицы, пробираясь меж руин, то перебегая через освещенные площадки, вскоре приблизились к высокому столбу, на котором был флаг.

Мы легли возле него, и нам было хорошо слышно, как от зенитных пушек, замаскированных возле Парфенона, доносится немецкая речь, слышны шаги часового, охранявшего флаг. Мы хорошо видели в отдалении его фигуру, и он, вероятно, легко бы смог разглядеть нас, но ему приходилось смотреть против света, и мы были для него в угольно-черной тени. С моря дул теплый, душистый ветер. Нацистский флаг, развеваясь в воздухе, потрескивал, как кнут пастуха, и звуком этим поддразнивал нас.

Лежа у подножия флагштока, мы видели, как часовой наконец стронулся с места, неторопливо пересек освещенное пространство и подошел к солдатам, что шумно разговаривали, должно быть, устроив выпивку в тени колонн Парфенона, возле своих зенитных пушек. Все они и мысли не допускали, что кто-то может пробраться на «покоренный» Акрополь. Теперь настало время действовать. Мы размотали веревку, стали опускать флаг. И веревку наверху заело. Приспущенный флаг продолжал висеть. Я вскарабкался на спину своего товарища. Теперь ненавистное полотнище было у меня в руках. Но оно оказалось неожиданно крепким. Пришлось пустить в ход зубы. Наконец материя поддалась. Она разорвалась со звуком, который мне показался громким, как очередь автомата. Мы с другом замерли. Внизу виднелись Афины, погруженные во тьму.

Они очень хороши, лунные ночи Афин, и ночь была майская, теплая, душистая. Громкие голоса подгулявших гитлеровцев доносились от развалин.

Мы стали быстро поднимать греческий национальный флаг. Вот он уже наверху развернулся при свете луны,— и, увидев, как бело-голубое полотнище плеснуло на ветру, мы почувствовали такое волнение, что забыли об опасности.

Теперь надо было скрываться. Но нам с другом было всего по 18 лет, и очень трудно было сдержать себя, чтобы не пуститься бежать во весь дух, а отступать осторожно, обдуманно.

Вот, собственно, и все, что мы с моим другом Апостолосом Сантосом сделали и что я могу рассказать читателям «Юности».

О том, что было после, они, наверное, и сами знают, хотя, вероятно, в те времена большинства из них не было на свете. Если не знают, пусть спросят у своих отцов и старших братьев. Об этом в свое время много писали в газетах...

Эту статью, начатую еще в тюрьме, я кончаю уже на свободе. Объединенные усилия людей доброй воли всего мира раскрыли передо мною стены тюрьмы, вырвали меня из этого цементного колодца. Но там

[1] С января 1963 года тираж журнала «Юность» увеличен до 600 000 экз.

еще остается много людей, заключенных лишь за то, что они любят Человека и свою Родину. И поэтому я не могу сейчас не поговорить с читателями «Юности» о них, об этих людях, моих товарищах по заключению.

Кажется странным, что в момент, когда человек вскрыл двери атома и взломал двери космоса, в Греции — на моей любимой Родине, где тысячи лет тому назад родилась демократия, невиданно развились науки и процветало искусство,— много людей заключено во мрак тюрем по оговорам и ложным обвинениям. Здесь, в стране солнца и синего моря, где каждый камень может рассказать иноземцу историю первой демократии, бойцы за свободу своей Родины сидят в застенках. В Греции, маленькой прекрасной стране, где в борьбе с фашизмом, в сражениях, от расстрелов и голода погибло около шестисот тысяч человек, ни один военный преступник не был расстрелян и ни один не находится сейчас в тюрьме. И в то же время в тюрьме гниют по восемнадцать—девятнадцать лет около тысячи двухсот борцов национального Сопротивления. Они лишены свободы только за то, что боролись с оружием в руках против фашизма, за Родину, за мир, за прогресс.

И об этом хочу я сказать советскому юношеству, которое имело счастье родиться в свободной стране, которое растет, закаляется для трудов в счастливой атмосфере социализма. Я рад сказать, что в греческих тюрьмах, где, кажется, само время не имеет ни конца, ни начала, потому что все дни одинаковы, души борцов Сопротивления не сломлены. Их сердца бьются в унисон с сердцами всех свободолюбивых людей. Вместе со всем человечеством узники страшных тюрем мечтают о свободе, о человеческом счастье для молодежи всех грядущих поколений, о мире на нашей старой и маленькой планете.

Это великий пример для всех молодых. Отдав Родине и народу свою молодость, лучшие годы своей жизни, они и теперь предпочитают умирать стоя, чем жить на коленях, они отказываются отречься от своей истории, от своих идеалов и с гневом отвергают предложения купить личное освобождение ценою предательства.

Они полны мечтаний, эти узники. Они носят в себе мечты тысяч своих товарищей, погибших в сражениях и от пуль тюремщиков. Мечты о радостном будущем молодежи всего мира и о той поре, когда единственным противником молодых будет только невежество, когда исчезнут войны и на земле победит мир.

И еще мне хочется сказать читателям журнала «Юность»: человечество переживает критическую эпоху. Уже во многих странах покончено с режимом эксплуатации человека человеком. Этот режим уже уступил место системе, в которой всеми благами природы, всей суммой знаний, всем, что можно видеть вокруг себя, пользуются все люди. Это факт, который осознается все большим и большим количеством людей во всем мире.

В прекрасной стране живете вы, молодые друзья! И сама эта страна, само ее существование, ее великие достижения вселяют бодрость в сердца юношества всей земли.

Когда порою в тюрьме мне приходилось трудно, я всегда думал о знамени, под которым сражались и ваша героиня Зоя Космодемьянская и героиня моего народа Илектре Апостолу, которые погибли, но не сломились. Я думаю о миллионах молодых людей Советского Союза, Греции и других стран, которые общими усилиями отразили чудовище фашизма.

Борьба не кончена, дорогие друзья. Она продолжается, борьба за мир, прогресс, за свободу. И каждый из вас, советских юношей и девушек, должен ощущать себя постоянно борцом среди борцов, партизаном мира.

В тишине тюрьмы я много думал о юных советских людях нового поколения, о Юрии Гагарине и его друзьях-космонавтах, о тех молодых людях, что, покоряя целину пустынь, набивают амбары своей страны золотым хлебом, о тех, кто в обширных лесах, которые трудно даже представить человеческим воображением, строит гигантские заводы и электростанции. Они близки и дороги моему сердцу, как и наша греческая молодежь, храбрая, трудолюбивая, носящая в самой крови свободу и демократию, стремление к миру и волю его защищать.

Так примите же мой дружеский привет, молодые читатели «Юности», и передайте его всем своим сверстникам. Не теряйте золотого времени молодости — мечтайте, любите, боритесь и побеждайте!

Ваш

Повесть

ГЕОРГИЙ САДОВНИКОВ

СУЕТА СУЕТ

1

Я — чемпион! Это сразу стало ясно, как только в коридоре затопали. Словно кто-то пробежал с полным двухпудовым мешком на руках. Пробежал, вминая половицы. Сусекин торопится в туалет, в этом ни у кого нет сомнений.

В нашу комнату вошел член жюри, дежуривший у постели Сусекина, и деловито сообщил:

— Сусекин спал двадцать два часа, семь минут, тринадцать и восемь десятых секунды.

Можно вставать, но я лежу с закрытыми глазами — жду официального признания своей победы.

— Итак, звание чемпиона общежития по сну завоевал Лев Зуев! — объявил председатель жюри.

Он склонился надо мной и участливо спросил:

— Идешь на побитие рекорда?

Я открыл глаза.

— Нет, нет,— сказал я поспешно.— Мне это ни к чему,— сказал я спокойнее.— Я не тщеславен.

— У меня даже оскома на зубах. Вот, думаю, терпит,— содрогнулся член жюри, парень со спортивного факультета, и скрипнул зубами.

Я не спеша сел на кровати. Жалок тот чемпион, что, завоевав первенство, сразу бежит в туалет. Это не победа, а убогое зрелище. Поэтому я терпел и даже сделал несколько гимнастических упражнений по системе йогов. Затем влез в брюки. Набросил пиджак. Причесался. И только тогда пошел в туалет. Не торопясь, вразвалочку.

— Не дай бог там уборщица! — ужаснулись за моей спиной.

Я остановился у стенгазеты. Прочитал передовицу — она призывала блюсти порядок в душевой, и, заложив руки в карманы, двинулся дальше.

— Знай наших!

Это Кирилл Севостьянов гордился моей выдержкой. Он мой однокурсник и лучший друг.

Рисунки Ю. Вечерского.

Выдержка у меня действительно железная. Я не преувеличиваю.

Как-то еще в десятом классе ребята спорили, кто выведет меня из равновесия. На что они бились об заклад, я не помню. Помню, что дело было на большой перемене. Я тогда играл в шахматы. Запутанная сложилась ситуация. Я мог сделать мат. Я это чувствовал, но не мог найти подходящий ход. Я стал усиленно думать. В тот момент ребята и поспорили. Мне не понравились их намерения. Не то, чтобы я боялся, просто хотелось доиграть партию — уж очень выгодная для меня была позиция. Я на секунду отвлекся от доски и пообещал треснуть стулом каждого, кто вздумает мешать.

Ребята еще плохо знали меня. Ко мне подошел Вася Сусекин, снял с доски слона, сунул в карман и вызывающе посмотрел мне в глаза. Вася уже тогда имел первый разряд по вольной борьбе. Он взял ферзя и отправил туда же — в карман. Но я не расстроился и не стал ругаться. Я не люблю ругаться и считаю это занятие недостойным культурного человека. Я только встал, поднял стул и опустил его на череп Сусекина. Как и обещал. Затем сел на тот же стул и выиграл партию. Оказывается, у меня был блестящий ход. Но я его просто не замечал. Спасибо Сусекину. Едва он пришел в себя, я поблагодарил его.

Признание Кирилла для меня очень ценно. Он гордо сказал: «Знай наших». И вообще-то он никак не поймет, что выдержка прежде всего, а потом уж может быть и все остальное. Он вечно суетится, будто на пожаре.

А я считаю так: держись спокойно, и все будет в порядке. Некоторые остряки ничего не понимают и смеются над этим. Они прозвали меня Йогом. За мою непроницаемость.

Я вернулся в комнату. Посреди комнаты сидел Сусекин и сжимал руками живот. Он взглянул на меня с надеждой.

— И у тебя болит? — спросил он.

— С чего бы? Для меня это — плевое дело.

— У меня болит.

— Не связывайся с Йогом,— сказал ему председатель жюри,— это добром не кончится. Может, у тебя оторвался мочевой пузырь? Шутка ли — двадцать два часа.

— Только не пузырь! У меня первенство зоны,— испугался Сусекин.

Васе не везет со мной. Повалить и то не может, хотя два года держит первенство области по борьбе. Я не имею представления о технике борьбы, но стоит мне двинуть рукой, ногой — и Сусекин лежит на лопатках, будто приклеенный к полу. Тихий такой и умиротворенный. Лежит и размышляет. Анализирует. И не поймет до сих пор, в чем загвоздка. А загвоздка в моем спокойствии. Он нервничает, бросаясь на меня. Он слепнет и ничего не соображает. А я безмятежен. Ничего страшного не случится, если меня и повалят. Я встану, отряхнусь — и все, будто и не был на полу. Поэтому я не волнуюсь. Я ставлю Васе заурядную подножку и толкаю в плечо — он падает на землю. Это продолжается с первого класса. Именно из-за фанатичного желания взять реванш он занялся борьбой и поступил на спортивный факультет. Теперь он носит значок мастера спорта, но и это ему не помогает. Видать, такая у него судьба.

Сусекин уже боится меня. Кажется, он скоро начнет верить в существование нечистого. Пока он держится из последних сил. Реванш стал его единственным стремлением. Его идефиксом. Его проклятием. Вот и сегодня он ввязался в безнадежную авантюру, решил переспать меня и при этом пустился на всякие ухищрения. На время соревнования поменялся койками со студентом из соседней комнаты. Чтобы не видеть мое невозмутимое лицо. Оно приводит его в трепет. Чем кончилась его затея, известно. Я покачал головой и дал Васе совет:

— Займись гимнастикой для йогов. Великие люди эти йоги.

2

Бывало, шагаю по этой лестнице через две ступеньки, а навстречу спускается Женя Тихомирова. Она смятенно опускает глаза и держится ближе к перилам.

«Нервы,— командую я себе.— Нервы».

Я прохожу мимо, не здороваясь, даже не глядя на нее. Странные у нас были отношения. Мы передавали друг другу приветы через общих знакомых. Встречаясь, делали вид, будто незнакомы.

После зимней сессии она сразу же уехала во Владивосток. Мне остались одни воспоминания. Да бесполезный номер домашнего телефона, который я запросил в справочном бюро Владивостока. Сделал это сгоряча, в первые дни. Нервы тогда еще не были достаточно крепкими...

Я медленно поднимаюсь по лестнице и вспоминаю. Меня догоняет Кирилл. Не отдышавшись, говорит:

— Достал Лорку.

Он имеет в виду сборник Гарсии Лорки. За его стихами мы охотимся второй месяц. Я специально зафлиртовал с хозяйкой одного такого сборника. Напросился в гости. Стянул книжицу из шкафа и сунул под пиджак. И лицо у меня, как всегда, было каменное. Но вот поди же, хозяйка догадалась и обыскала в прихожей. Даже не попрощалась потом.

Мы входим в аудиторию. Приветствуем всю группу скопом — сами поделят. Получаем в ответ разнобойный град голосов и пробираемся к себе, в конец аудитории. Тут нас караулит староста Жилина.

— Вас к декану обоих.

— Сию минуту?

— Ишь хитрые! В перерыв, конечно. Накапал Гусаков.

Вчера мы удрали с лекции Гусакова. Кирилл — в знак протеста. Он считает его лекции пустым времяпрепровождением. Я — по другой причине: мне предстоял финал чемпионата по сну.

Звонок. Открывается дверь, входит кандидат филологических наук Николай Николаевич Гусаков.

Конспекты лекций написал Гусаков лет пятнадцать назад. Теперь он будет читать их всю жизнь. Завидная работенка у человека — листай, читай и в ус не дуй. Гусаков так и делает. Он даже не вникает в смысл читаемого. По-моему, у него где-то есть подобие кнопки. Нажал — и пошла лекция. Я так предполагаю. Я философ по натуре и отчасти склонен к технике.

Кирилл, тот не рассуждает, он взял да перевернул конспект Гусакова на две страницы назад. Гусаков оставляет конспекты на кафедре и уходит на перерыв, не утруждает себя человек. Вот Кирилл взял да и перевернул две страницы. После звонка

Гусаков вернулся на кафедру и стал читать то, что уже читал предыдущие сорок пять минут.

...Итак, Гусаков нажал кнопку, и мы занялись своим делом. Кирилл открыл Лорку, а я подмигнул Елочке.

Елочка сидит у стены, под углом к кафедре. Она пользуется этим и сидит вполоборота ко мне. Она демонстрирует профиль. У нее потрясающий профиль. Он принес ей титул «Мисс первый курс».

Я не против того, чтобы она демонстрировала профиль. Но ей очень важно лично удостовериться, какой эффект производит ее профиль на окружающих. Для этого Елочка изо всех сил косит глазом. Удостоверившись, она радуется вместе со всеми. Она не эгоистка и считает свой профиль общественным достоянием.

Вот и сейчас Елочка исподтишка следит за мной. Я подмигиваю вновь. Она не выдерживает, оборачивается и еле заметно показывает язык. Обычно в ответ она чарующе улыбается. Такая установилась традиция. Ежедневно в начале лекции я подмигиваю, а она улыбается.

Но сегодня Елочка сердита. Она недовольна Кириллом. Он игнорирует ее. Он читает Лорку.

Если бы Лорку читал я, а подмигивал Кирилл, Елочка бы злилась на меня. Она до сих пор не разберется, кто ей больше нравится — Кирилл или я. Она морочит нам головы в равной степени. Может, виной тому наша внешность. Мы с Кириллом похожи. Оба высокие. Оба чернявые. Энергичный разрез на подбородке — и тот одинаков. Нам обоим по девятнадцать лет. Даже профессия до института у нас была одна и та же. Он работал слесарем на ремонтном заводе, я — слесарем в мастерских научно-исследовательского института. Мы долго хохотали, когда выяснилось все это. Для смеха мы теперь носим черно-красные ковбойки. Такое у нас сходство. Я разве что немного поплотнее, тяжелее в плечах и особенно в нижней части туловища. Но к этому нужно еще приглядеться. Люди малознакомые так и зовут: «Эй, Севостьянов-Зуев! Иди сюда!» Чтоб было наверняка.

Наше тождество, вероятно, смущает Елочку. Пока нам удалось единственное — отвоевать ее у футболистов. Теперь она официально считается нашей девушкой. Желающих приударить за Елочкой отныне предостерегают:

— Бросьте. Не суйтесь. У нее парень. Даже двое.

Я озабоченно кидаю на Гусакова взгляд механика. Поршни и шестерни у того работают бесперебойно. Очевидно, у него там все смазано. И смазка первый сорт, можно не беспокоиться.

Я опять занимаюсь Елочкой и все-таки выжимаю из нее причитающуюся улыбку.

Тут же раздается звонок. Гусаков убирает конспект в папку, смотрит в нашу сторону и сухо говорит:

— Севостьянов и Зуев, в деканат!

Кирилл нехотя закрывает книгу. Трет лоб. Я подталкиваю его.

— Шевелись!

Мы идем в деканат.

— Ни пуха ни пера! — кричат однокурсники.

Комсорг Бурлаков хлопает меня ниже спины. Хлопок сопровождается цитатой из Франсуа Вийона: «И сколько весит этот зад, узнает скоро шея».

— Ладно. Мелочная, низкопробная зависть,— огрызаюсь я.

— В чем дело? — сурово допрашивает декан.

Он еле выглядывает из-за телефонного столика. Зато плечи его гораздо шире. Такое впечатление, будто телефонный столик раздвинули наподобие обеденного стола.

У окна скучает Гусаков.

Я невозмутимо смотрю на декана, на Гусакова и молчу. Это проверенный годами метод. Сколько бы меня ни ругали, я молчу. Отвечать ругающему — только подбрасывать ему свежие мысли. Со мной он иссякает быстрехонько. Не получив отдачу, он невольно начинает слушать свой голос. Ему становится стыдно за себя: мол, экий я тугодум, экий корявый у меня язык. Теперь уж не поймешь, кто виновник — я или он.

— В чем дело? — повторяет декан.

И Кирилл срывается.

Сколько раз я учил его уму-разуму, так нет — он срывается.

— Я ушел в знак протеста! — горячится Кирилл.— Разве у него лекции? Он писал их двадцать лет назад. За это время вышли тысячи книг, а он читает лекции двадцатилетней давности. Только вычеркнул некие изречения. Вот и весь труд!

Никудышные у Кирилла нервы. Я согласен: лекции Гусакова — дрянь. Вероятно, они ему самому осточертели порядком. Только переписать заново не доходят руки. Лень или заела обыденщина. И лезть из-за этого на скандал ни к чему. Просто нерационально во всех смыслах. Трудно, что ли, отсидеть два раза по сорок пять минут? Отсидел — и ступай на четыре стороны. Но Кириллу обязательно надо орать и размахивать руками. Суетливый он человек.

— Севостьянов, не забывайтесь,— ворчит декан,— вы всего-навсего студент, а Николай Николаевич — ученый, знающий свое дело.

— Пусть говорит, пусть говорит,— кротко просит Гусаков.

— Он Сартра называет мракобесом, трубадуром мировой реакции,— возмущается Кирилл.— А Сартр ездил на Кубу и писал о Фиделе. В Сартра бросили бомбу. Какой же он мракобес?

— Николай Николаевич — специалист,— уклончиво отвечает декан. Сам он преподает средневековую историю, а зарубежную литературу считает монополией Гусакова.

— Видите ли,— снисходительно поясняет Гусаков,— речь идет о Сартре-писателе. Вы путаете Сартра-писателя с Сартром-человеком.

— Это же неотделимо! — вопит Кирилл.

— Ну вот.

Гусаков разводит руками: полюбуйтесь на этого студента,— но тот почему-то сразу затихает.

— Можно посещать лекции другого преподавателя? Разрешите? — миролюбиво просит Кирилл, я бы сказал, умоляюще просит.

— Разрешите ему, разрешите,— оскорбляется Гусаков.

— Не разрешаю,— хмурится декан.— Порядок есть порядок. Заработайте кандидатскую степень, тогда и капризничайте. А пока марш на лекции.

Мы выходим в коридор.

— Ты словно Сусекин. Ты кисель, ты размазня,— говорю я Кириллу.— На экзамене Гусаков припомнит. Будет тебе наука.

— Я сам припомню! — петушится Кирилл.

У окна маячит Елочка. «Болеть» за нас она считает своим священным долгом. В качестве нашей девушки.

До этого она «болела» за футбольную команду. Раньше за ней ухаживали одиннадцать футболистов — команда мастеров класса «Б» в полном составе. Так было, пока в это дело не вмешались мы с Кириллом.

Елочка берет Кирилла под руку. Я это предчувствовал. То, что она возьмет под руку Кирилла, а не меня. Еще бы, он читал книгу и не смотрел на Елочку.

Кирилл мягко отнимает руку.

— Болит, возьми Йога.

— Вот как?

Елочка обиженно уходит по коридору. Что тут скажешь? Не владеет собой Кирилл. Так ли трудно пройти с Елочкой до аудитории? Даже если болит рука, хотя я раньше не замечал, чтобы она у него болела. Но сейчас я молчу. Меня это устраивает. То, что Елочка уходит. Она уходит не от меня. Она уходит от Кирилла. Я немного доволен. Мы не только друзья, но и соперники.

— Не забудь, вечером литгруппа,— напоминает Кирилл. Он задумчиво смотрит вслед Елочке.

Следующую лекцию, по истории СССР, читает доктор наук Спасский. Он грузно разваливается на стуле, чешет мизинцем ухо и ведет речь о стрелецком бунте. Временами доктор достает из бумажника пожелтевшие блокнотные листы и цитирует летописца.

Кирилл завороженно следит за Спасским: уж очень интересно читает этот доктор наук. Я и сам не могу заниматься посторонним делом. Пробовал листать Лорку — ничего не вышло. Лишь временами удается бросить взгляд на Елочку. Она сидит к нам спиной. Она сердита.

Всегда заметно по затылку, сердится человек или нет. Если сердится, затылок точно каменный. Твердый на взгляд.

После лекций мы подходим к Елочке. Она слишком увлечена своей папкой бежевого цвета и нас не замечает. Она перекладывает в папке учебники и конспекты. Закрывает замок «молнию». Сосредоточенно морщит лоб. Тянет замок «молнию» в обратную сторону, словно распарывает папку, и вновь копается в ее недрах. Будто от этого зависит ее молодая и прекрасная жизнь. Разве заметишь в этакой серьезной ситуации двух мужчин? Тех, что подошли и терпеливо ждут. Куда там! Тут не до мужчин...

— Хватит тебе. Хочется есть,— произносит Кирилл укоризненно.

— Я еще должна с вами обедать? — спрашивает Елочка обреченно и поднимает глаза.

Они печальны. Они говорят: что ж, терзайте меня, нежное, беззащитное создание.

Я ни слова, мои нервы начеку. А вот на лице Кирилла страдание.

— Идем, Елочка, ну, пожалуйста.

— Что ж, идем,— грустно кивает Елочка.

Мы молча шагаем. В середине Елочка, Кирилл и я по бокам. Ее конвой. Елочка прерывисто вздыхает. Кирилл кривит губы. Я единственный держу себя в руках. Это тянется до первой магазинной витрины.

— Туфли! — вскрикивает Елочка и вспархивает к витрине.— Ой! — Она указывает на красные остроносые туфельки.

— Очень милые туфельки,— льстиво подтверждает мой друг Севостьянов.

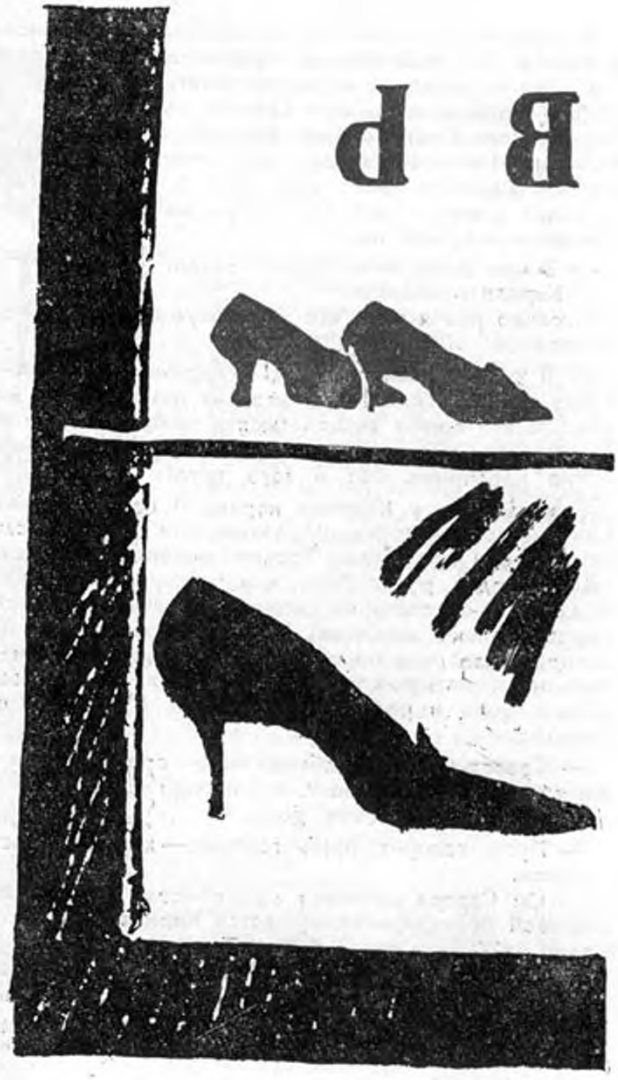
Но Елочку теперь не остановишь, на этом она не успокоится. Пропал наш обед.

— Юбка!

Юбка из толстой шерсти — мечта Елочки. Когда

у нее будут свои деньги, она первым делом купит такую юбку. Это нам известно давно, тем не менее минут двадцать мы топчемся вокруг молодой дамы (дама судачит с продавщицей кваса) и обсуждаем ее юбку, толстую, волосатую, будто сшитую из войлока.

Мы передвигаемся с минимальной скоростью, на какую способен человек. Если пойти в обратную сторону, и то больше шансов попасть в столовую. Во всяком случае, можно выйти с противоположной стороны земного шара. Нас гложет червь голода, а мы дискутируем возле каждой витрины. Вернее, Елочка дискутирует сама с собой. Она решает проблемы, волнующие блондинок и брюнеток тысячелетиями. Мы только изнеможенно бормочем: «Да, да...» Нам бы вопить во все горло. Но Кирилл не решается протестовать. А для меня это лишний повод потренировать нервы. Раз уж он подвернулся, почему бы его не использовать?

З

В столовую мы в этот день все-таки попали. Заявились в самое неподходящее время — в часы «пик». Нас, пожалуй, только и не хватало. Мы оптимистично пристроились в хвост очереди, вьющейся между столиками. Нам уже не важно, будет ли обед. Дорог сам факт: чудо произошло — мы все-таки в столовой. Словом, тот случай, когда стремление, вытряхнув свою материальную суть, становится самоцелью. Упрощенно, то есть по-житейски, это звучит так: когда человек лишился всяких шансов поесть, для него уже важен сам принцип. Нет на свете более принципиальных людей, чем голодные.

Впрочем, нам повезло. В голове очереди мелькнула тщедушная фигура волосатого студента-медика Жукова, нашего приятеля. Мы ему обрадовались вдвойне. То, что он стоит у самой раздачи,— это уже вполне объяснимый повод для радости. Кроме того, каждый студент считает за благо обедать за одним столом с медиком Жуковым. И чем меньше у студента денег, тем выше это благо... Нет, Жуков не меценат. Я в жизни не встречал более нищего студента. Дело тут в другом. Мы сейчас начнем обедать, и непосвященным все станет ясно.

Жуков взял и на нашу долю. Расплатился я. У меня всегда водятся деньжата, и при этом я добрый, компанейский парень. Кирилл, тот может посоперничать с Жуковым. Я имею в виду безденежье. Он существует на одну стипендию. Летом он еще кое-как перебивается редиской. Зимой ему туго. Тем не менее нет на курсе студента, который не был бы ему должен. Я тоже частенько даю взаймы, и странно получается: мне отдают, а ему не возвращают. Словно его карман — общекурсовой котел.

Мы несли подносы с обедом осторожно. Образовалась очень торжественная процессия. Елочка махала рукой из угла зала. Она заняла столик, на который много претендентов. Претенденты негодовали.

Мы заложили крутой вираж, и наши подносы точно сплакировали на столик. Жуков прочистил горло и обратился к претендентам с речью.

— Товарищи,— сказал Жуков,— не ругайтесь! Скандалы в столовой ухудшают пищеварение, что ведет к неприятным последствиям и язве.

Напуганные претенденты оставили нас в покое. Жуков отправил в рот первую ложку перловки и деловито заметил:

— Между прочим, многие недооценивают перловку. Перловка — весьма калорийная пища.

Он назвал астрономическую цифру калорий. Мы жадно кинулись на перловку.

Как-то, взяв на ужин блинчики, он многозначительно произнес:

— Белки!

И тощие, сухие блинчики тогда мне показались самым вкусным блюдом из всех тех, что я уничтожил за свою жизнь. Таков авторитет науки. И удивительное совпадение: самая калорийная и полезная пища — самая доступная по цене. Вот почему каждый студент почитает благом откушать вместе с медиком Жуковым.

И особенно приятно жевать высококалорийную кашу и при этом смотреть на Елочку.

Вообразите Шоколадницу Лиотара с современной прической. С этаким слегка рассыпавшимся

стогом соломы на голове. Оденьте Шоколадницу в короткую юбку колоколом, и получится портрет Елочки. Лиотар предвидел, что на улицах нашего земного шара появится Елочка. И написал ее. Одел он ее чуточку старомодно. Откуда ему было знать, до чего докатится женская мода. Тут уж его фантазия спасовала.

Кирилл подпер голову кулаком и тоже уставился на Елочку. Он отключил свои челюсти. Он завел их и оставил. Ушел в мысли. Челюсти теперь работают самостоятельно и чаще вхолостую, перетирая воздух.

Елочка нравится нам по-разному. Мы как-то спорили из-за этого. У Кирилла все выходит шиворот-навыворот. По его мнению, в наше время красивые женщины мало кого волнуют. В наше время мужчин привлекают женщины с «изюминкой». Каждый мужчина ищет свою «изюминку».

Я спросил, что он подразумевает под «изюминкой». Он не мог ответить. Ему трудно сформулировать сразу. Но, мол, у Елочки много всяких «изюминок». По этому поводу я недурно сострил:

— Широкий ассортимент! Как в булочной номер пять!

Потом я изложил свою точку зрения. Мне по душе истинная, классическая красота. Не будь у Елочки легкой асимметрии лица, я бы отнес ее к разряду классически красивых женщин.

Кирилл стукнул кулаком по столу и закричал:

— Асимметрия? Так это и есть ее «изюминка». В этом ее прелесть. В асимметрии!

Спор закончился вничью. Каждый унес свое мнение. Каждому до сих пор нравится в Елочке свое. Мне — ее сходство с Шоколадницей. Кириллу — то, что у нее одна бровь немного выше другой.

Елочка догадывается об этом. Она села сообразно нашим вкусам. Ко мне — великолепным профилем. К нему — асимметрией.

Я ничего не сказал о Жукове. Он развлекал ее по-своему. Она для него обаятельная слушательница, он щедро выложил перед ней все новые сведения о миокардите.

Я десять минут жевал одну ложку каши и не мог прожевать. Постепенно догадался, в чем дело. Осторожно полез пальцем в рот и достал гвоздь.

— Без паники! Только без паники!

Я предупредил своевременно. Ибо Елочка смертельно побледнела. А Кирилл приготовился к прыжку. Он еще не знает, на кого прыгать, свирепо водит глазами, выбирая цель, но еще минута, он прыгнет, и начнется грандиозный скандал.

— Перфорация... Экзитус леталис,— пробормотал Жуков, изучая гвоздь.

Я знаю, что такое экзитус леталис. Я парень начитанный. Медики под такой штукой подразумевают смертельный исход.

— Ты брось эти свои «экзитус»,— посоветовал я Жукову.— Нервы не годятся? Я просто пошутил. Гвоздь был у меня в кармане. Вот здесь.

Пусть они думают, что это правда.

— А я бы им показал,— пригрозил Кирилл, все посматривая в сторону кухни.

— Лучше поторопись с кашей. Опоздаем на литгруппу.

Я попал в его уязвимое место. Институтская литературная группа — его слабость. Он ходит на ее заседания, чтобы прочитать свой очередной рассказ, выслушать чужие стихи и потом, разругавшись вдребезги, уйти. Впрочем, «уйти» не совсем подходящее для него слово. Для него необходимо новое понятие. Оно пока еще не найдено. Это — дело чести лингвистов, ибо он не уходит — он вылетает за дверь со снарядным шипением. И дверь за ним грохочет, будто взрыв. Кое-кто ходит на литгруппу только из-за Кирилла. Это народ из категории любителей боя быков. Они ходят смотреть, как бушует Кирилл.

На улице Елочка нежно взглянула на меня и взяла под руку. Ее можно понять. Она едва не лишилась Левы Зуева. Из-за этого противного гвоздя у него мог быть экзитус леталис. По той же причине она села рядом со мной и на литгруппе.

Ядро литгруппы составляем мы, студенты историко-филологического факультета. На остальные факультеты приходится три-четыре человека. Среди них — мастер спорта Сусекин. Он физически олицетворяет литгруппу. Без него мы были бы сборищем хлипкой и худосочной интеллигенции. Сусекин—наш пигмент. Наши бицепсы. Крепкая шея. Вася подражает Есенину и, выступая на литгруппе, каждый раз к месту и не к месту полемизирует с Фихте. Да, он изучает Фихте. Я сам видел: он стоял на четвереньках, разминал шею и читал Фихте. Знаете, как борцы разминают свою шею? Они упираются головой в ковер и медленно крутятся вокруг своей головы, используя ее в качестве шарнира. Так вот Сусекин при этом еще держит в руках Фихте и читает его.

Сам я не пишу. Писать только потому, что к этому тянет, я не собираюсь. У меня хватает силы воли сдерживать себя.

Заседание открыли, и первым, конечно, вызвался Кирилл. Он извлек из внутреннего кармана пиджака трубку бумаги, раскатал ее и принялся читать очередной рассказ. Я не люблю его рассказы. Они чересчур сентиментальны. Точно до Кирилла никто не любил людей за все миллионы лет их существования. Вот он и старается в один прием выдать человечеству эту миллионную норму любви. Можно представить, что у него получается.

Пока Кирилл читал, я развлекался как мог. Я пробовал привлечь Елочку к этому занятию, но она отмахнулась. Тогда я вытянул ящик стола. Вытряхнул клочья записок и стал их складывать. Передо мной поплыли события дня. «Во! Спасай! Если не пришлешь конспекты, я погибла. Твоя несчастная Ни». Мир праху твоему, милая Ни!

«Ты вчера не пришла. Что это значит?» В самом деле, что это значит?

«Лошади тих булоч Сася негоден брдяг». Эта мозаика собрана из разных записок.

Тем временем Кирилл закончил чтение. Он сразу сбычился. Ждал, кто первым покажет красный плащ.

— Неплохой рассказ,— громко сказал Сусекин.

Его поддержали. Поговорили о рассказе, и, к моему удивлению, все обошлось. Видно, надоело возиться с Кириллом. Трудно, что ли, выдать пару комплиментов? Зато потом тишь и спокойствие.

Кирилл подсел ко мне. Ноздри его еще вздрагивали. Он явно недоволен исходом. Ему подавай скандал.

После него сунулся со стихами Вася. Но с ним моментально расправились. Причем обошлись своими силами. Кириллу и рот открыть не дали.

А ему неймется. Наконец он растолкал другие голоса и высказался.

— Тихо уж слишком в институте,— заявил он с тревогой.— Уж больно все спокойно. Такая гладь и божья благодать, даже как-то не по себе. Тоска прямо. Хоть пиши декадентские стихи.

Что же плохого, если все спокойно? Значит, собрались выдержанные, волевые люди. Все-таки институт не базар какой-нибудь. Но кое-кто в литгруппе другого мнения. Кое-кто спросил у Кирилла:

— Разве? Ты думаешь?

— Думаю.

— Что же ты думаешь?

Кирилл думает, что следует внести некоторое оживление. Он предложил издать свою литературно-сатирическую газету. Стенную, разумеется. Не листок сатирический, а газету с фельетонами и стихами.

Я облегченно вздохнул. Я опасался большего. От Кирилла можно ждать чего угодно. Он способен предложить пожар. Или бомбу в качестве катализатора. А газета — вещь безобидная. Даже интересная. Я сам поддержал Кирилла.

Идею с газетой одобрили все. Проголосовали: единогласно! Затем Кирилл предложил в главные редакторы меня.

— А что ему иначе делать в газете? Он ничего не умеет. Ему только и остается быть редактором.

Такое соображение высказал Кирилл. И он прав. Писать фельетоны я не умею. Способностью рисовать природа меня обошла. Сделала крюк километра два. Чем-то я ее напугал. Должно быть, орал излишне громко, когда на белый свет появился. Тогда я еще плохо собой управлял. Теперь мне ничего другого не остается, как быть главным редактором. Я понял это и дал согласие баллотироваться в редакторы. Ребята, в свою очередь, проявили чуткость и проголосовали «за».

Я занял председательский стул и провел первое редакционное собрание. Мы поделили прочие должности. Кириллу достался отдел фельетонов. Елочке, и той подобрали работенку. Она будет курьером.

Мы еще немного поболтали о красках, о бумаге и затем толпой вывалили в темный коридор. Впереди всех шагал Кирилл, окруженный поклонниками. В другое время Елочка не потерпела бы такого, но сейчас она цепко держится за мой локоть. Она боится привидений. Чего, чего, а привидений в нашем институте полно. По ночам коридоры кишат ими. Особенно много их слоняется у дверей деканата и кафедр. Привидения в нашем институте особенные. Все они в прошлом — провалившиеся студенты. Говорят, среди них есть очень милая пара выходцев с филологического факультета. Один — высокий, худой и неунывающий оптимист. Второй — печальный толстяк. Когда-то они завалили зачет по старославянскому. Пересдавали раз десять, и все неудачно. До сих пор бедняги ходят на кафедру в надежде получить «зачет». Жалко ребят. Такие славные привидения!

На улице Кирилл развязался с поклонниками, и мы проводили Елочку.

Она снимает угол в старинном особнячке, запрятавшемся в конце длинного двора.

Елочка ушла, а мы долго стояли под раскидистым ореховым деревом. Кирилл распространялся насчет смысла жизни. В конце концов мне это надоело. Я сказал:

— Жизнь бывает разная. У кого серая, у кого веселая. Что тут мудрствовать! Пойдем лучше спать.

— Подожди. Все зависит от самого человека. Есть у него талант к жизни или он бездарь.

— Как это понять?

— У тебя бывают скучные дни?

— Сколько угодно.

— А у меня не было ни одного. За всю жизнь.

— Не верю.

— Клянусь!

— Заливаешь. Идем спать.

— Подожди. День складывается из деталей. Иной человек их воспринимает. С иного — как с гуся вода. В этом и талант жить и бездарность.

— Довольно. Какие еще детали?

— Подожди. Вот ты проходишь мимо окна, а там Сарасате. «Цыганские напевы». Какие-то секунды — и ты прошел. Но одна деталь уже есть. Идешь даль-

ше. У каких-нибудь ворот сидит умная чеховская Каштанка. Маленькая, неуклюжая, лохматая, сидит и, высунув язык, доброжелательно смотрит на тебя. Разве это не деталь?

— Хватит трепаться. Сентиментальный незрастеник.

— Подожди. Приходишь в институт и слушаешь мудрую лекцию Спасского. А вечером Елочка. Может такой день быть скучным?

Скрипнула дверь, высунулась Елочка и заявила тоном, исключающим возражения:

— Конечно, не может.

Она всплеснула руками и добавила:

— Мальчики, а вы у меня такая деталь! Даже не представляете. Словом, вот!

Она осторожно спустилась по ступенькам, подошла к нам. Встала на цыпочки, обняла Кирилла за шею и поцеловала в подбородок. За ее спиной руки Кирилла совершали неуверенные пассы — он не знал, что делать. Обнять или все-таки воздержаться.

— Вот вам! — сказала она.— На двоих, пополам.

Она так же осторожно поднялась на крыльцо. Мы будто наблюдали удивительный танец.

Этот поцелуй первый, полученный нами от Елочки. Принял его Кирилл. Такая ему выпала честь. Мне только непонятно одно: я-то стоял к ней ближе. Меня-то целовать было сподручней. Незачем делать лишний шаг. Я бы уж подставил Шоколаднице свой подбородок с удовольствием.

4

«Цыганские напевы» Сарасате — деталь нашей жизни. Так утверждает Кирилл Севостьянов. Вчера он неспроста помянул «Цыганские напевы». Я люблю их, и Кириллу это известно. Правда, сочетание немного нелепое: я — человек железной натуры, а тут... безвольная музыка Сарасате. Мне и самому непонятно, в чем дело. Но тем не менее я люблю Сарасате. Особенно его «Цыганские напевы», и от этого никуда не денешься.

В «Напевах» есть одно место: скрипка, распустив нюни, тоненько и тоскливо поет. Когда я слушаю ее, мне вспоминается Женя Тихомирова. Скрипка поет, и я вижу Тихомирову, будто это место написано для нее. Женя робко улыбается. Она очень застенчива, а тут ей приходится позировать в качестве видения, и она теряется совсем. Я в жизни не видел более пугливого существа. Елочка по сравнению с ней — истинный башибузук.

Я слушаю скрипку, смотрю на Женю, и в груди начинает ныть. Знаете, когда проворонишь что-нибудь важное в жизни, хочется скулить по-собачьи, протяжно и безысходно. Вот такое появляется у меня состояние. И приходится брать себя в руки. А ведь ничего особенного не произошло. Да и сама она простенькая девушка. Только и всего, что в начале учебного года мне было приятно смотреть на нее. Бывало, встретишь в институтском коридоре, взглянешь на нее, и на душу нисходит какая-то благодать. Тихо так становится. До сих пор не разберусь, что это такое, но тогда я начал ей улыбаться. В первое время мои улыбки пугали ее. Потом она осмелела и улыбалась сама. Нерешительно. Чуть-чуть, словно не была уверена, можно ли ей делать это.

За Женей еще никто не ухаживал. Некому было обратить на нее внимание — до того она неприметная. Училась она на отделении романских языков. Там у меня есть знакомые ребята. Они дали о ней все сведения. Они же устроили так, что мы с ней попали в одну компанию, гулявшую на чьей-то свадьбе.

Не думайте, я не гонялся за ней. Я распускаться себе не позволю. Все это получилось без шумихи и беготни. Я только намекнул ребятам, и они пригласили меня и ее. Им это не стоило труда.

Там я взял бутылку апельсиновой воды, подсел к Жене и принялся подливать в ее рюмку. Вокруг нас колобродила свадьба. Мы так и не поняли, кто молодые. По команде «горько» целовалось около десятка пар. Нам было немного не по себе среди малознакомых людей, и мы старались держаться друг друга. Я все время пытался затеять непринужденный разговор, но он у меня как-то не выходил. Я парень не робкого десятка, но тут что-то расклеился. Волнуюсь. Совсем потерял над собой контроль. Пришлось весь вечер бороться с собой.

Потом я разговаривал с ней несколько раз на перемене. Обычно это происходило возле расписания. Подойду к расписанию, а она стоит здесь и читает, какие занятия ей предстоят и в какой именно день. Я подумал и начал ходить к расписанию на каждой перемене. Приду, а она на месте. Постепенно выяснилось одно весьма важное обстоятельство. Мы оба не видели заграничный фильм «Смелый, как тигр». Для культурного человека это — непростительное упущение. Он обязан смотреть все фильмы. Я так и сказал Жене. Она согласилась с моей точкой зрения. После чего я довольно тонко намекнул на кое-что. Дескать, неплохо было бы сходить на этот фильм вдвоем. В одиночку можно упустить некоторые важные моменты. А двое — как-никак коллектив. Я очень ловко повел дело, и Женя согласилась. Ювелирная работа с моей стороны. Женя сама это оценила и посмотрела на меня с признательностью.

После лекций я потолкался у кассы предварительной продажи. Раздобыл билеты на вечер и пришел на место встречи в условленное время. Минута в минуту. Ну, может, и не совсем минута в минуту. Но и не так чтобы уж рано. Я умею себя приструнить. На каких-то десять минут я пришел раньше.

Я пришел и остановился на углу двух улиц. Я стоял на одном углу, а тут их еще три таких угла. Это я сообразил только сейчас. Раньше мне не приходило в голову. Я назвал ей угол вообще. Теперь неизвестно, какой из четырех выберет она. Может, у нас разные вкусы. Я раскинул мозгами и нашел выход. Определил точку, общую для всех углов. Она оказалась там, где стоит милиционер. Я прошел к нему и стал рядом. Милиционер козырнул, свистнул и велел пройти на тротуар. Я спокойно стоял и не уходил до тех пор, пока не пришла Женя.

Она подошла ко мне и застенчиво покраснела. Я исподтишка оглядел ее. Она ради меня надела новенькое платье из черной тафты. И умопомрачительно узкие туфли. В них не очень-то ей удобно. Но она терпит специально из-за меня.

До сеанса было полтора часа, и мы побрели в сторону парка. После некоторых усилий я наладил разговор. И тут Женя разговорилась. Рассказала свою биографию до малейших подробностей. Как-то так у нее получилось, что она стала откровенной.

Ее с матерью бросил отец и укатил во Владивосток. Даже это не утаила она. Видно, железное я внушал доверие, если она начала исповедоваться. В общем, она говорит, а глазенки ее так и блестят.

Подошли к парку, и я показал часы. Великолепные у меня часы — светящиеся. Я показал на зеленоватые стрелки — мол, еще целый час до сеанса. Она посмотрела на часы, подумала и нерешительно сказала:

— Извините, но я не пойду в кино.

— Почему?!

— Болит голова.

Причина серьезная. Тут уж действительно не до кино. Придется отложить до следующего раза. Я так и сказал. Больше того, я предложил взять в аптеке цитрамон. Но Женя отказалась. Цитрамон не помогает ей.

Как только я сказал, что в кино не пойдем, Женя повеселела и перешла к студенческому периоду своей жизни. Рассказывает разные случаи и смеется. Потом запрыгала на одной ноге. Весело так, будто головная боль для нее — большая радость. И меня осенило: она притворяется. Вовсе не болит голова. Просто она решила испытать на мне свою женскую силу. Намерилась взять меня под башмак. Вернее, под изящную туфельку тридцать четвертого размера. Этакую с каблучком-гвоздиком.

Я догадался, в чем дело, и пожал плечами. Бедная, наивная Женя! Она не имеет понятия о моей выдержке. Жене явно не повезло. Для такой цели ей поискать бы кого-нибудь другого.

Мы повернули от парка назад, и, когда проходили мимо кинотеатра, я напомнил:

— Еще сорок минут. Может, пойдем?

— Нет, нет!

А по глазам видно: хочет пойти. Могла бы отказаться от затеи с больной головой. Да отступать поздно, из-за принципа.

— Проводите меня домой. Потом пойдете в кино. Успеете,— прошептала она упавшим голосом.

Я еле расслышал. Это было как дуновение. Едва уловимое движение воздуха, щемящее сердце. Но я взял себя в железные руки. Крепко так взял.

— Добро,— сказал я бодро и отвел ее домой.

Там, возле подъезда, я спросил еще раз:

— Может, пойдем все-таки? Надо же посмотреть фильм.

— Нет, нет! — чуть ли не закричала она.— А вы ступайте. Опоздаете.

— Бегу. Иначе и вправду опоздаю. До завтра! В восемь вечера зайду. Хорошо?

— Хорошо!

Я побежал, как меня учили в спортивной секции, прижав локти и выбрасывая ноги далеко вперед. Дабы она видела, что я вполне владею собой. Честно-то говоря, были минуты, когда я смалодушничал и готов был остаться. Мне пришлось изрядно позозиться с собой. Все же я укротил всякие там слабые чувства и заставил себя отсидеть фильм до конца.

Завтрашнего вечера я едва дождался. В восемь часов я прошагал через длиннющий коридор. Женщины-соседки стояли шпалерой возле своих газовых плит. Пока я шагал, нервы мои немного распустились. Сердце заколотилось ни с того ни с сего. Дыхание стало учащенным, и вдобавок заныло в животе. Я уж молчу о коленках. Я остановился перед дверью Тихомировых и привел себя в порядок. Духовно. Только после этого постучал. Вышла пожилая женщина с добрым лицом и осведомилась:

— Вы Лева?

— Да. Я Лева.

— Женечка ушла в кино.

Я смотрел на женщину бестолково. Она на меня — добродушно.

— Что передать Женечке?

— Ни... ничего... До свидания.

— До свидания.

Я ужасно долго шел назад по коридору, и соседки с любопытством взирали на меня. И шептались. Конечно, они сообразили, в чем дело. У них на такие случаи нюх. Я был возмущен. Мы взрослые люди. Не дети. Какая несерьезность! Если не нравлюсь, скажи прямо в лицо. Откровенно и мужественно.

Я хотел высказать Жене это. Я увидел ее тут же, в двух кварталах от дома. Она бежала, и вид у нее был встревоженный. Она бежала по той стороне улицы. Над ней раскачивался свет фонарей. Каблучки туфель отчаянно стучали по каменным плиткам тротуара. Я стоял в тени дерева, и Женя не заметила меня. Она торопилась. Она спешила ко мне. Я догадался сразу и хотел окликнуть. Но не понадеялся на нервы. Они тогда еще не были достаточно тренированы. До нужной прочности. И я промолчал.

Утром я встретил ее в институте и не поздоровался. Прошел мимо и бровью не повел. Это было глупо. Я хотел исправиться на другой день. Но и на другой день позторилось то же самое. И так случалось каждый раз, когда я встречал Женю. Пока она не уехала во Владивосток. Она и мать помирились с ее отцом. Тот вызвал их к себе.

В день отъезда мы столкнулись с Женей у входа в институт. Я знал об отъезде от ребят и все же не выдавил ни звука. Не пойму до сих пор, что со мной произошло. Возможно, я перетренировал нервы, и они теперь сильнее меня.

Как-то в шашлычной я поведал Кириллу историю с головной болью и билетами в кино. Кирилл медленно отодвинул тарелку в сторону, оперся грудью о стол и выпалил единым духом:

— Идиот! Это же поэзия. Это же немного «Алые паруса» Грина. Это же повесть о крошечном милом капризе юной девушки. Ты понимаешь, у нее никогда не было кавалера. Ей неведом вкус женской власти. Безобидной, нежной власти над огромным мужчиной. И вот, когда бог послал кавалера, она робко решила попробовать свои чары. Откуда бедной девчонке было знать, что ей подвернулся олух! Дубина!

Он качал высокопарно, а потом стал просто орать. Он кипел от негодования. Может, он в чем-то и был прав, все же я сказал:

— Не горячись. Спокойнее. Добивайся, чтобы пульс бил только шестьдесят ударов. Не больше. Лучше пусть будет меньше.

С нами сидел медик Жуков. Мы пригласили его пообедать. По каким причинам, известно. Он и теперь, подняв глаза в потолок, прикидывал, сколько калорий в чахохбили, которое мы съели. Я призвал его в свидетели.

— Нормальный пульс — это основное в жизни. Подтверди, Жуков!

Жуков встрепенулся.

— Нормальный пульс?

— Да, нормальный пульс.

— Нормальный пульс — свидетельство равновесия в организме,— изрек Жуков.

Я горжусь своим пульсом. Он всегда показывает равновесие.

5

За восточной трибуной рычат мотоциклы. Ни дать ни взять львы перед выходом на арену. Я потираю руки. Сейчас начнутся мотогонки на гаревой дорожке. Это — сногсшибательное зрелище. Сногсшибательное в прямом смысле слова. На этих гонках можно толкать локтями, резать соперникам дорогу и вообще нарушать правила, установленные ОРУДом, сколько душе угодно. Всласть. Даже лучше сказать так: чем больше ты их нарушишь, тем скорее придешь к финишу. И будет тебе и честь, и слава, и золотая медаль. Автоинспектора, попавшего случайно сюда после третьего заезда, непременно отправляют в психиатрическую больницу. Благо на гонках присутствует карета «Скорой помощи». И ему даже не удастся побуянить вволю. Его скрутят в один миг — и в карету.

А потом карета вернется на стадион как ни в чем не бывало. Через какой-нибудь десяток минут. Ей долго задерживаться нельзя. Она тут нужна. И еще тут нужна пожарная машина. На всякий случай она стоит возле южной трибуны. Ее бока полыхают багровым огнем. На траве сидят бдительные пожарники. Все это будоражит нервы. Поэтому я хожу на мотогонки отрабатывать центральную нервную систему.

Рядом ахает Елочка. Она впервые на гонках. Сама напросилась и теперь тихонько жалеет об этом. До начала гонок пятнадцать минут, а она уже трусливо жмется ко мне. Ее пугает карета «Скорой помощи» и красная пожарная машина. Их ярая готовность ринуться на место предполагаемой катастрофы приводит Елочку в дрожь. Под стогом Елочкиных волос рисуются кровавые видения.

Я утешаю:

— У нас не Запад. У нас смерть исключена. Подумаешь, сломают ключицу. Вывернут ребро. Вместо ребра вставят железный прут. Это даже лучше для гонщика. Еще спасибо скажет.

Приходит Кирилл. Он пробирается между рядами. В руках мороженое. Не знаю, где больше сладкого — в мороженом или в глазах Кирилла, устремленных на Елочку. Пожалуй, в глазах. Тем не менее Елочка без колебаний выбирает мороженое.

— Внимание!

Комментатор объявил состав первого заезда. Но гонки задерживаются. Динамики стадиона бормочут на разные голоса — видно, совещается судейское начальство.

— Судейская коллегия приняла решение! — возвестил комментатор.— Решение полить гаревую дорожку. Шофер поливочной машины вызывается к машине.

Трибуны заволновало.

— Шофер поливочной машины, где вы?!

— Не хватало, чтоб сбежал шофер! — волнуется Кирилл.

Он ерзает по скамье. Ему не терпится. Он уже настроен на гонки.

— Осторожней. Помнешь платье,— предупреждает его Елочка.

— Кирилл, спокойнее. Будь мужчиной,— говорю я.

С южной трибуны полетел дружный свист. Внизу вдоль трибуны бежит долговязый мужчина — шофер поливочной машины. Он на бегу вытирает губы. Хватил пивка.

Поливочная сделала круг. В ее пышных водяных усах играла радуга. Машина бережно пронесла радугу перед зрителями и уползла за трибуну. Гонки открыты!

На арену выкатываются четыре гонщика на чешских мотоциклах «Эсо». Я даю Елочке пояснения:

— Специальные мотоциклы. Без тормозов. Чтоб уж гнать так гнать!

Елочка трепещет.

Гонщики медленно подруливают к старту. Они в черных масках. Холодно блестят очки.

— Ой!

Елочка хватает меня за локоть. Я кажусь ей бывалым, стойким человеком. На меня можно положиться. Да так и есть на самом деле. Я не то, что Кирилл. Его здесь никто не примет всерьез. Крутится, будто на стержне. Лезет к соседу в таблицу заездов. Елочка хватает меня за локоть, а Кирилл все портит своей прозой.

— Маски — это так. От грязи. Из-под колес летит грязь,— говорит он обыденно.

Елочка облегченно вздыхает. Но по ее глазам заметно: она разочарована. Где-то в глубине души ей хочется немножечко страшного. С этими самыми масками.

Мотоциклы надсадно трещали, готовясь к рывку. Они выходили из себя. Подумать только, их всего-навсего сдерживала желтая резиновая лента. Ее тянул судья. Мотоциклисты совсем впали в ярость. Повеяло едким, приторным запахом метанола. Тогда судья отпустил ленту — мол, черт с вами, гоните. Резина сверкнула желтой змейкой, освобождая путь. Машины рванули с места. Оказывается, до этого они ревели в треть силы. Всего лишь шутили. Теперь они показали, что такое здоровый, полноценный рев. И что такое порядочная скорость показали. Одна из машин вылетела из-под гонщика в синем нашлемнике, подскочила вверх и, сотворив сальто, грохнулась на спину. Гонщик едва отскочил в сторону.

Зато гонщика в белом шлеме вынесло на вираж первым. Его машина хотела кинуться на барьер и разбить барьер в щепы. Но недаром этот гонщик был чемпионом страны. Он повернул машину боком и оттолкнулся от дорожки левой ногой, обутой в стальной башмак. Из-под башмака посыпались искры. В таком виде чемпион миновал поворот. А на прямой дал мотоциклу волю — помчался на заднем колесе. Переднее стлалось над землей. За чемпионом рвались гонщики в красном и желтом шлемах.

Был момент, когда чемпион опрометчиво повел машину вдоль внешней бровки, уступив внутреннюю соперникам. В открывшийся коридор устремился гонщик в красном шлеме.

— Дробязго атакует чемпиона! — сообщил комментатор сквозь грохот.

Трибуны взвыли, соревнуясь с моторами.

— Дробязго! Голубчик! — исступленно орал Кирилл.

— Дробязго! — визжала Елочка.

А ведь до этого сидела, уткнувшись в носовой платок,—брезговала метанолом.

Мне тоже хотелось закричать. Хороший, полновесный вопль так и просился наружу. Я, может,

многое бы отдал, только бы запустить его ввысь. К белым облакам. Но я не таковский.

«Спокойнее. Нервы»,— приказал я себе.

Я представляю себя в седле чемпиона. Я не умею водить мотоцикл и не знаю, что там, зачем и как все делается. Но я энергично сжимаю руль и стараюсь держать себя в руках. Мотоцикл рвется подо мной. Гудит наждачная дорожка. Но я остаюсь хладнокровным. И мы с чемпионом вновь вырываемся вперед. Дробязго остается за спиной. Вот что значат нервы! Мы проходим четыре круга первыми и зарабатываем три очка.

После четырех заездов дорожку трамбуют. Трибуны на это время затихают и погружаются в умственную работу: подсчитывают в таблице очки. А всего сегодня двадцать заездов.

Двадцать заездов — неплохая зарядка для такого человека, как я. Я спускаюсь с трибуны еще более закаленный. Готовый к новым испытаниям железный человек. А Кирилл и Елочка спорят. Елочка что-то недопоняла, и Кирилл доказывает. Елочка уперлась на своем — и ни в какую. Не согласна — и все. Хоть тресни. Чудаки! У них нет контроля над собой. Вот и спорят.

Над южной трибуной поднимается новый свист. Опять свистят шоферу поливочной машины. Он идет внизу с путевым листом. Неожиданно он стал тут популярным человеком. Ему свистят. Шофер величественно потрясает правой рукой. Он быстро привык к славе, будто всю жизнь только и делал, что купался в ее лучах.

— Шесть часов! — спохватился Кирилл.

Он потянул Елочку за собой. Они разом обогнали меня. Их головы замаячили в толпе у выхода. Сегодня мы выпускаем первый номер «Бучи», и Кирилл боится опоздать. Он трясется от нетерпения. А я вот не трясусь. Я главный редактор. Я отвечаю за газету и, как видите, не трясусь. Я только увеличиваю шаг.

Эх, суета сует!

6

Я откинулся на спинку стула и осмотрел свою армию. Семнадцать красавцев мужчин и Елочка — одно загляденье. И я у них главным редактором.

— Пли! — крикнул я, и ребята взялись за авторучки. И за кисти. По-моему, это остроумная команда. Я придумал ее сам. Я, признаться, парень с юмором. Иногда как скажу что-нибудь, так все лопаются от смеха.

Я решил еще раз попробовать свои силы в юморе.

— Ну-ка подбрось тему,— приказал я Мите Лаврову, заведующему отделом происшествий.

Митя полистал блокнот и предложил тему. Что-то о неуспевающих студентах.

— Не отвлекай,— сказал я Елочке и разложил на столе пачку чистой бумаги.

Смешно не получалось. Видно, сегодня я не в ударе. Тогда я оставил это дело и занялся своими прямыми обязанностями. Прежде всего прошелся по аудитории, в которой мы обосновались. Мое внимание привлек художник Петя Востряков. Он бездельничал.

— Почему не работаешь? — спросил я у Пети.

— Думаю.

— Что же думать? Вон дирекция открыла новый спортивный зал, а плакат «Добро пожаловать!» не повесили. Вот и нарисуй: зал открыли, а плаката нет.

— Как же я нарисую, что плаката нет?

— Прикинь. Думаешь, все это просто? Тяп-ляп? Хитер парень!

Я проверил другого художника. Другой художник, Коля Филиппенко, рисовал обобщенный образ девицы-стиляги. Он усадил перед собой Елочку и рисовал стилягу с нее.

Я сделал замечание:

— Идешь по пути наименьшего сопротивления, Коля. Так сможет каждый дурак.

— А я и есть каждый дурак. Не мешай,— увлеченно буркнул Коля.

— Да, не мешай,— жеманно поддакнула Елочка.

Еще бы: она позирует впервые в жизни. Для нее неважно, кого рисуют с нее. Коль ее внешность принадлежит обществу, пусть рисуют что угодно. То, что нужно. Она так рассуждает. Я знаю.

Я глянул за Колино плечо. Обобщенный образ стильной девочки получался на славу. Вылитая Елочка. Я зашел сбоку, закрыл правый глаз и посмотрел на нее одним левым.

— Ты, оказывается, стильная,— сказал я Елочке.— А мы с Кириллом не знали. Вот новость!

— Что еще? — фыркнула Елочка.

— Не мешай,— механически повторил Коля.

Он высунул язык и водил пером по бумаге. Даже забыл макать перо в тушь. Я посмотрел на Елочку одним правым глазом.

— Ты ее лучше отсюда рисуй. Отсюда она вылитая герлс. Видел в «Крокодиле»? Отсюда она точно такая.

Елочка зашипела в сторону, где я стою. Она боялась шевельнуться и не видела меня. Могла лишь предполагать.

Я пошел к Кириллу. Он сидел в углу аудитории и быстро строчил шариковой авторучкой. Она так и бегала по бумаге. Я сел рядом. Вспомнив, что он заведующий отделом фельетонов, спросил:

— О чем?

Он долго молчал. Все строчил. Потом, не поднимая головы, сказал:

— О Гусакове.

— Ты просто неврастеник.

Он не отвечал.

— Кирилл, а Елочка, оказывается, стильчая. Я только сейчас заметил.

Он ожесточенно затряс кистью руки: отойди, не мешай.

У окна меня перехватил Вася Сусекин. Он сунул пачку бумаг.

— Здесь все прогульщики. Я побежал.

Он показал спортивный чемоданчик. Вася тренирует курсантов, ему и вправду надо бежать. Военные любят пунктуальность.

— Ладно,— сказал я.— Отдай бумажки Бурлакову.

Комсорг Бурлаков у нас ответственным секретарем. Он собирает готовые материалы и клеит на лист зеленой бумаги. Это занятие называется версткой. То есть когда человек ползает по полу с ножницами и банкой клея.

— Валяй, валяй,— подбодрил я Бурлакова.

Это мой долг — вливать бодрость в других. Ско-

рее даже обязанность. Иначе мне станет стыдно. Если я не буду делать это, получится, что я бездельник.

Я совершил круг по аудитории и вернулся к Елочке. Теперь она позировала Пете Вострякову. Тот рисовал обобщенный образ передовой студентки. Я зашел со спины Вострякова, приставил ладонь к бровям и посмотрел на Елочку из-под этого козырька. Если смотреть на нее таким манером, она действительно похожа на передовую студентку. Не поймешь Елочку. На кого она все-таки похожа? На стильную девицу или передовую студентку?

Хлопнула дверь, и вбежал наш собственный корреспондент.

— Готово! — сообщил он и жестом удалого картежника швырнул на стол колоду фотографий.

Сверху в качестве туза лежал Вася Сусекин. Уж не знаю, какой он туз, бубновый или трефовый, но только именно он открывал колоду прогульщиков. Его сняли вполоборота. Словно его окликнули, и он обернулся. Я строго взглянул на корреспондента.

— Это как понять? Почему среди них Вася?

— Он драпал с лекции. Я окликнул, он обернулся — я сразу щелк! — похвастал корреспондент и показал, как нажимал на спуск фотоаппарата.

— Все равно нельзя. Он заведует отделом прогульщиков.

— Так это ж сенсация!

— А престиж?

— Без сенсации нет газеты. Сенсация — основа.

— А-а, золотая лихорадка? Клондайк? Ты это брось. Нервы и престиж. Вот главное сейчас.

Но он не согласен. Он разводит руками. Он пожимает плечами. Он кривит губы. Он призывает ребят в свидетели. Я смотрю на ребят: скажите ему в конце концов!

— Это не по-комсомольски,— важно произнес Бурлаков.— Васю нужно на самое видное место.

Я моментально сообразил, в чем дело.

— Вася не в твоей организации. Он на спортфаке. В этом все дело.

— Дурак!

Бурлаков обиженно отвернулся. Он меня обозвал дураком и при этом еще обиделся. Из своего угла пришел Кирилл. Сейчас он поможет.

— Никто не думает о чести мундира. Мы только образовались, и нельзя сразу пятнать мундир. Он совсем новенький. Правда, Кирилл?

— Наоборот, нас станут уважать. Ты неправ, Йог.

— Но...

Тут я подумал: «Я спорю — значит, распустились нервы. Это плохо».

— Хорошо. Даю санкцию. Вот она. Берите.

Я положил ладонь на фотографию Сусекина.

Потом дела пошли гладко. Ребята разошлись вовсю. Стихи, фельетоны и рисунки плодились, будто при массовом производстве. На фоне поэтов и художников я выглядел здесь лишним. На меня покрикивали:

— Эй, не путайся под руками!

— Эй, положи на место!

Будто я не руководитель. Я подумал и пришел к выводу, что виноват сам. Кто же руководит, слоняясь по аудитории? Руководить надо сидя. Через курьера. Я уселся за стол и подозвал Елочку.

— Вызови такого-то,— распоряжался я.

Елочка приводила такого-то, и я допрашивал:

— Над чем трудишься?

Или:

— Покажи, что ты там сделал?

И никто ни слова поперек. Все понимают: так надо. Бурлаков тащил свои листы по полу из конца в конец аудитории и после этого хотя бы бровью повел. Покорно выслушал замечания, кивнул — будет сделано,— так же безропотно уволок газету на прежнее место. Я не особенно-то вмешивался в его дела. Только попросил покрасить рубаху на одном рисунке в голубой цвет. Этот цвет мой любимый. А ребятам ничего не стоит покрасить рубашку в голубой. Им-то все равно, какого цвета будет она.

Елочка доставила Кирилла. Я прочитал фельетон о Гусакове. И не стал ругаться. Лишь сказал Кириллу, как друг:

— Ты развинтился окончательно.

— Разве что-нибудь не так? В фельетоне?

— Все так. Все правильно. Только к чему шум? К чему паника? Потом профком доставай путевки в нервно-соматический санаторий. А где их столько взять, путевок? Будь люди поспокойней, так и не нужны были бы нервные санатории. Люди сами виноваты. Все суета. И смотришь, вокруг сплошные шизофреники.

Кирилл счастливо засмеялся и легонько двинул меня в живот.

— Я рад, что получилось,— сказал Кирилл.— Я очень старался.

Он сочинил фельетон в форме стенограммы и здорово застенографировал лекцию Гусакова. Я так и представил, как тот нудно читает стихи Уитмена. И вставляет в стихи свое «так сказать» и «э-э, понимаете».

Кирилл ласково хлопнул меня по шее и понес фельетон Бурлакову.

Во втором часу ночи Бурлаков наклеил последний столбец и опять протащил газету по полу. Ко мне, разумеется. Я сполз на пол. Такой стенгазеты наш институт еще не видывал. Два метра в длину и метр в ширину! Куда там разным «Ежикам» и «Колючкам»! На мой затылок горячо дышали шестнадцать мужчин и Елочка. И где-то, после занятий в спортивном зале военного училища, думал о газете заведующий отделом прогульщиков. Я специально на миг ослабил управление собой и воскликнул:

— Высший класс!

Мы вынесли газету в коридор, положили на пол, взялись за руки и сплясали вокруг нее танец победы. Я тоже плясал. Я позволил себе такую слабость.

Газета лежала в параллелограмме света, выброшенном из аудитории в темный коридор. Наши лица исчезали в полумраке, и тогда из полумрака бешено сверкали счастливые глаза и белые зубы.

Из черной глубины коридора вышел вахтер. Он включил свет и спокойно смотрел на нас. Его удивить трудно. Он лучший друг институтских привидений и запросто с самим домовым.

Покончив с пляской, мы стащили газету в вестибюль и там торжественно приколотили. Прежде чем выйти на улицу, оглянулись: у газеты торчал ее первый читатель — вахтер.

На улице Кирилл затянул песню:

Глухо лаяли собаки
В затухающую даль.
Я пришел к вам в черном фраке,
Элегантный, как рояль.

Мы поддержали Кирилла. Эту песню нам оставили московские киношники. Они снимали в нашем городе фильм о гражданской войне, и мы прини-

мали участие в массовках. Я, как сейчас, помню Кирилла в конноармейской буденовке. А вообще кем мы только не были! И партизанами и махновцами. Даже брели в крестном ходе. Зато нам уплатили за каждый съемочный день и еще подарили эту песню:

Вы сидели на диване,
Походили на портрет.
Молча я сжимал в кармане
Леденящий пистолет.

Елочка висела на наших руках. Глаза ее слипались. Она подпевала тоненьким голоском.

На главной улице наша орава рассыпалась. Часть залезла в дежурный троллейбус. Остальные стояли на углу — ждали, когда я и Кирилл свернем с Елочкой направо.

— Потопали,— сказал я.

— Лева...— Кирилл помедлил.— Проводи Елочку один. Я еще поболтаю с ребятами кое о чем важном. Спокойной ночи, Елочка.

Елочка сказала что-то вроде «подумаешь», схватила меня за рукав и сердито потянула за угол. Я обернулся. Кирилл поднял руку, прощаясь. Ребята тоже подняли руки.

Куда исчезла Елочкина сонливость? Елочка летела по тротуару со скоростью гонщика, вышедшего на финишную прямую. Ее туфельки без пятки, похожие на шлепанцы, стучали на весь город. Кто-нибудь, проснувшись, мог подумать, что бежит лошадь.

— Елочка,— сказал я, запыхавшись.— Пора вы-

брать одного. Таскаешь за собой и Кирилла и меня. Он тебе нравится больше?

— Нужен он мне сто лет!

— В чем же дело? Встречайся только со мной.

— Больно он воображает. У меня было одиннадцать футболистов и еще один запасной. Вратарь. Они все за мной ухаживали и дарили цветы. Один раз я опоздала на матч, так они чуть не проиграли кубок. А у него, подумаешь, дела! Дела в два часа ночи! Просто лень пройти четыре квартала.

— Елочка, вот и пойдем завтра в театр. Вдвоем. Без Кирилла.

— И без него обойдемся.

— Так пойдем в театр?

— Обязательно. И в театр. И в кино. А он пусть решает свои важные дела.

Мы остановились у ее ворот. Я раздумывал: пора целовать Елочку или пока еще рано? Я предложил напрямик:

— Поцелуемся, что ли?

— Потом,— ответила Елочка.

Я пришел в общежитие. Кирилл еще не вернулся. Он, очевидно, бродил по городу с ребятами. У не-

го есть такая нелепая привычка. Я сидел на кровати, не ложился: хотел поговорить с Кириллом насчет Елочки, не откладывая.

Как назвать мои чувства к Елочке, я еще не знал. Зачем она мне нужна, я и этого не мог бы сказать. Мне понятно только одно: она очень красивая, и с ней наверняка приятно целоваться. И вообще пройтись с ней по городу — одно удовольствие. Словом, во всем этом еще следует разобраться. Может, я люблю ее даже? Это не исключено.

Я сидел впотьмах. На соседней койке сладко посапывал чемпион области Сусекин. Сегодня утром его ждет сюрприз. Его, заведующего отделом прогульщиков.

Я раздумал ждать. Незачем. Главное, я пойду с Елочкой в театр. Поэтому можно спать спокойно. Я разделся и лег. Перед тем, как провалиться в сон, увидел Женю Тихомирову. Без помощи Сарасате. Я приподнял голову. Прислушался к радио. Ни звука. В три часа ночи ему положено молчать. Я зарылся лицом в подушку и уснул.

7

Утром мы приступили к научному эксперименту. Наш объект — Стась Коровин с физико-математического факультета. Стася портят бюрократические замашки. С тех пор, как его избрали в институтский профком, он стал совершенно невыносим. Недавно я читал записку, которую он написал самому себе. Полюбуйтесь на ее содержание: «Уважаемый товарищ Коровин, Вам поручен инструктаж профоргов. Крайний срок — 24 апреля».

Под запиской его собственная подпись. Вот до чего докатился Стась Коровин! Но это еще не все. Он таскает в портфеле добрый десяток фолиантов, тяжелых, как свинец. С портфелем он не расстается, ходит даже на танцы. Но открывает его не чаще раза в неделю. Мы подозреваем это. Подозрения решено проверить с помощью широко поставленного научного эксперимента. Ставит опыт Вася Сусекин. Я ассистирую.

Едва Стась ушел в умывальник, Вася взялся за портфель и вытряхнул содержимое. Я подавал заготовленные булыжники. Завершив операцию, Вася застегнул портфель и прикинул на вес. Вес вызвал у него опасение.

— Коровин не выдержит,— сказал Вася.

— Выдержит. Он не такое носил.

Стась вернулся с полотенцем на шее. Наскоро съел кусок колбасы. Надел пиджак и схватился за портфель. Крякнул и, накренившись на левый бок, выбежал за дверь. Мы пили чай и вели наблюдение.

— Вес взят! — регистрировал Сусекин.— Запиши число. Это входит в обязанности ассистента.

Одеяло на Кирилловой койке зашевелилось. На белый свет высунулся Кирилл. Он пришел к утру и затем безуспешно пытался наверстать упущенное.

— Опаздываешь! — крикнули мы.

Кирилл взвился к потолку. Через десять минут мы мчались в институт. Кирилл на ходу жевал вчерашнюю булку.

В вестибюле толпа. Она опоясала дугой нашу «Бучу». Но возле газеты пустота. Кто-то не подпускает читателей. Мы врезались в толпу и увидели уборщицу. Она держала швабру наперевес. Ее поставил на часы сам директор института. Что-то не понравилось ему в «Буче». Однако снять газету он не решился. Черт знает, кто ее повесил? Нарвешься на скандал. И до выяснения выставил этот караул, вооруженный шваброй.

— Безобразие! — заорал мой друг Севостьянов и ринулся на второй этаж.

Я сообразил, куда он бежит. Я представлял, чем это ему грозит. И мне тоже. Я догнал его и ухватил за полы пиджака, но удержать не смог и удержаться не сумел. Въехал вместе с ним в кабинет директора.

Директор диктовал секретарше какие-то цифры. Последние надежды я связывал с ней, с секретаршей. Думал, не пустит. Прикроет телом директорскую дверь. А она, изволите, тут, внутри.

Директор поднял голову и недовольно уставился на Кирилла. И на меня, конечно. В доли секунды я понял все. Если первым откроет рот Кирилл, мы пропали. Тогда я открыл рот. Я еще не знал, что скажу, но рот открыл первым. Я спешил. Я знал: так нужно. Иначе нам каюк.

— Мы из редколлегии «Бучи». Произошло недоразумение. Мы хотели внести свежую струю,— сказал я поспешно.

— Куда внести?

— В институтскую жизнь.

— А кто это «мы»?

— Мы — это институтская литгруппа.

Директор повеселел: опасность миновала. Я покосился на Кирилла. Тот хотя и переминался нетерпеливо с ноги на ногу, но, видать, немного остыл. Морщил лоб. Подбирал аргументы.

Хорошо, когда крепкие нервы. Вот я не потерял самообладание и открыл рот первым. Спас себя. Спас Кирилла. И нашу «Бучу».

— Это — мальчишество,— сказал директор иронически.— Не хватило ума посоветоваться с директором? С партбюро? С комитетом комсомола? Это же так не делается. Мы бы поддержали. Помогли.

— Это не мальчишество! Это взрыв энтузиазма! — запальчиво возразил Кирилл.— И вы должны радоваться. Получили новую газету. Без всякой волокиты. И не пришлось «решать — постановлять». И уговаривать: «Будь добр, выпусти газету».

— А я радуюсь! — рассердился директор.— Но все равно это делается не так. Солидней делается. А у вас по-мальчишески.

Я вновь опередил Кирилла и открыл рот раньше его. Я не трус. Просто незачем трепать друг другу нервы. Я придерживаюсь такого мнения. А то, что я не трус, видно из того, что я сказал директору. Я сказал вполне миролюбиво:

— Ну какие мы мальчишки, Захар Петрович? Судите сами: Кирилл работал слесарем на заводе, я тоже.

Не помогло. Директор оказался слабонервным. Он быстро потерял терпение и разбушевался:

— Да кто считает вас мальчишками? С чего вы взяли? И что еще за фельетон с намеками? Уж не Гусакова ли имеете в виду?

— Обычный художественный образ,— пояснил я дипломатично.

— Да, это Гусаков! — твердо заявил Кирилл.

— Вы порочите преподавателя. Кто дал право?

— Во-первых, это форма критики. Во-вторых, на заводе я писал фельетоны на мастера. Почему я здесь не имею права? — резко спросил Кирилл.

— Здесь институт. Здесь специфика. И Гусаков — педагог.— Директору надсело с нами возиться, и он закончил так: — Отправляйтесь на лекции. Разберемся потом.

Я уже открыл дверь, когда директор спохватился. Он-то не знает наших фамилий. Кирилл казался. А я успел уйти из кабинета. Но потом я подумал, что так или иначе он узнает. К тому же я не трус. Я сунул голову в дверь и сообщил:

— Зуев.

Директор махнул карандашом: катитесь, мол, с глаз долой. Я захлопнул дверь и посмотрел на Кирилла.

— Будем бороться,— произнес тот озабоченно.

— Хватит тебе. Мобилизуй волю и держись.

Мы открыли дверь аудитории и вошли. Лекцию читал Спасский. Он неуклюже повернулся всей тушей. Недоуменно нахмурился. Он не любит опаздывающих. По его понятиям, тогда совсем не приходи.

Он прервал лекцию на полуслове и внимательно разглядывал нас по очереди. Вначале Кирилла, затем меня.

Мы встретили его неодобрительный взгляд независимо. Мы готовы сослаться на директора. К нам не подступись.

Спасский жестом показал: садитесь. И мы проследовали на свои места.

Елочка тотчас развернула ослепительный профиль. Она сделала это с состраданием к нам. С таким видом, вероятно, подают воду погибающему от жажды. По ее расчетам, мы на грани гибели, ибо уже шесть часов не видели ее профиль. Подумать только, на такой продолжительный срок мы были лишены этой жизненно важной необходимости! Она великолепна, наша Елочка! Не зря мы отбили ее у футболистов. Потратили столько усилий и времени. Мы сидели с ней на двух матчах. Ее кавалеры бегали по полю без брюк, а мы им до хрипоты орали «мазилы» и «баобабы». Почему именно «баобабы», сами не знаем. Как-то нечаянно подвернулось это слово на язык. Нашу задачу облегчило то, что Елочка в футболе не разбиралась. Честно говоря, ее ухажеры играли отлично. Но на Елочку подействовали наши вопли и особенно слово «баобабы», очень неуместное на стадионе. На следующий матч она не пошла. Мы торжественно повели ее на заседание литгруппы.

Решающий бой за Елочку произошел через несколько дней. На улице нас остановила футбольная команда. Она выстроилась по бразильской схеме. Перед нами маячили четверо мускулистых, коротко стриженных нападающих. Позади виднелась мощная защита. К сожалению, зрителей не было. Улица пуста. Захотели бы они продемонстрировать свое физическое превосходство, нам бы пришлось плохо. Но футболисты оказались деликатными ребятами. Они понимали: связываться с двумя интеллигентами — недостойное дело для спортсмена. Вперед выступил их центр нападения и сказал с упреком:

— Нехорошо, хлопцы. Елочка — наша девушка.

— Какая же она ваша, если не знает, за что бьют корнер? — мягко усмехнулся Кирилл.

— Елочка, скажи им,— обиженно загалдели футболисты.

— Мальчики, я и вправду не знаю,— прошептала стыдливо Елочка.

— Она шутит! — воскликнул левый край.

Кирилл только этого и ждал. Он сердечно заявил:

— Тем хуже для вас, ребята, если она шутит.

Левый край понял, что заскочил в офсайт. Спохватился. Но мы перешли в наступление.

— А вот кто такой Готфрид Бульонский, она знает,— заметил я как бы между прочим.

— И кто такой Эмиль Верхарн,— участливо добавил Кирилл.

— Ладно, хлопцы,— сумрачно сказал центр нападения своим товарищам.— Мы проиграли. Пойдем лучше потренируемся.

— Эмиль Верхарн — известный бельгийский поэт!— выкрикнула Елочка вслед удаляющимся футболистам.

Разошлись мы с ними любо-дорого. Без ругани. Тем более без потасовки. Как подобает сильным личностям. Втайне я опасался за Кирилла. Думал, все испортит, заведется, и нам намылят шею. А он меня удивил. Был тих и все время виновато улыбался. А когда они ушли, долго стоял молча. Потом грустно сказал:

— Как это нелепо! Насолили славным ребятишкам. А иначе нельзя было.

Такой ценой нам досталась эта Елочка, с которой я, впрочем, пойду в театр. Один. Без Кирилла.

Пока я это вспоминал, прошло пол-лекции. После звонка мы отправились в вестибюль. «Бучи» на месте не было. Слава богу, лекцию читает Спасский, иначе бы Кирилл извелся. Но перед ним он благоговеет. Если говорит Спасский, Кирилл забывает обо всем.

На большой перемене меня потребовали в профком. Там я увидел несчастную «Бучу». Ее распяли на столе для заседаний. Вокруг стола расхаживал суровый Стась Коровин. И еще мне бросился в глаза коровинский портфель, бесформенно громоздившийся на подоконнике.

Стась поднял руководящий перст и указал на «Бучу».

— Исправь героя фельетона Уткина на Сидорова. И вывешивай.

— И все?

— И все. Таков приказ свыше.

Я хотел разозлиться, но передумал. Я спросил спокойно:

— Неужели ты сам не мог?

— Положено рукой редактора. По закону.

Я открыл авторучку и переправил Уткина на Петрова. Не на Сидорова, а именно на Петрова. Чтобы все-таки было по-нашему. Мне даже стало весело. Я пожалел Коровина. Таскает человек этакую тяжесть. Уходя, я посоветовал:

— Ты бы кожаную папку купил вместо портфеля. А можно и клеенчатую. Три рубля с копейкой — красная цена. Зато одно удовольствие: под мышку, и пошел.

— Понимаешь, много литературы,— сказал Коровин.— Папка не та тара.

Я еще прибивал газету, а страсти уже пылали. Особенный успех имел фельетон. Гусакова узнали сразу. Вполне справедливо разделил с ним успех Вася Сусекин. Его снимок вызвал взрывы смеха. Вася — любимец института и вдруг на таком видном месте! Бурлаков приложил к этому особое старание.

Я вовремя слез с табуретки. Прибежал разъяренный Сусекин. Вася глянул на снимок и раскричался:

— Ренегаты! Предатели!

Но я не дрогнул ни единым мускулом.

— Ты ничего не понял. Мы просто принципиальный народ,— разъяснил я Сусекину.

— Кто снимал? Через бедро кину!

— Кинь меня.

Вася сделал вид, что ослышался. Меня-то он не кинул еще ни разу.

— Трусливые душонки! Не дали подпись под снимком! — Вася апеллировал к общественности.

— Вася, подпись есть,— сказали ребята со спортфака и перемигнулись.

— Где?

Ему показали — вот: «Заведующий отделом прогульщиков Василий Сусекин удирает с лекции».

— И вы заодно!

Вася слепо побежал по коридору.

Я вернулся в аудиторию и поискал глазами Кирилла. Мне не терпелось рассказать о событиях этой перемены. Уж очень много смешного случилось за двадцать минут. Кирилл нашел меня сам. Он подошел сбоку, озадаченно потирая лоб.

— Оказывается, мы пригласили Елочку в театр. На сегодня. Она уверяет, но я что-то этого не помню. К тому же у меня нет денег!

— Я одолжу.

— А мы действительно приглашали?

— Было дело.

Попробуй разберись теперь в Елочке.

8

— Ой, приехал твой батя.

— Ну и что?

— Как что? Ждет внизу. Просил поживее. Спешит вроде.

— Ничего. Подождет.

Я лежал лицом к потолку и курил.

— Но он в самом деле приехал и ждет.

— Ну и что?

— Не веришь?

— Верю. Ты у нас воплощение несгибаемой правды.

— Честное слово!

На этот раз я промолчал. Выпустил очередную струю «Любительских» и не сказал ни слова. Только молчанием можно отвадить разыгрывающего. Мы до того дошутились, что уже не верим друг другу. По известным причинам меня разыграть труднее, чем кого-либо из нашей комнаты. Я не поддаюсь искушению. Тем не менее Сусекин пристал ко мне и никак не отвяжется. Но я молчу.

— Могу встать на колени,— застонал Сусекин.

Мне захотелось глянуть на физиономию Сусекина. Я повернулся на бок и увидел трогательное представление. Вася стоял на коленях и, сложив ладони на груди, смотрел на меня умоляюще. На что не пойдет человек, только бы оставить ближнего в дураках! Я поаплодировал.

— Валяй следующий номер.

— Батя приехал,— тупо повторил Вася, поднимаясь на ноги.

В дверь постучали, и вошел отец. Я приподнялся на локтях. Менее всего я ожидал увидеть отца. Должно произойти нечто невероятное, чтобы он вылез из своей лаборатории и отправился в другой город.

— Все такой же соня,— пожурил отец.

— Он чемпион,— буркнул Вася из своего угла.

Отец присел на мою кровать. Мы потерлись щеками.

— Что случилось? — спросил я напрямик.

— Приехал за советом. В общем, это большой и серьезный разговор.

Отец почему-то конфузился. Для меня это новость. Отец рассеянный, отец сосредоточенный — таким я его знаю. Но отец сконфуженный не укладывается в моей голозе. Кроме меня и палеонтологии, его ничто не интересует. Даже к смерти матери он, вероятно, отнесся как к сугубо биологическому факту, вполне объясненному наукой. Мне было пять лет, когда умерла мать, но я так предполагаю. Я слишком хорошо знаю отца. Что же касается меня и палеонтологии, так мы не даем повода для волнений. В нас он достаточно уверен. И мне кажется, стыдливый румянец был для него всегда такой же деталью быта, как веник, ведро или кошка. А тем нет места в его серьезном, строго рассчитанном мире. Впрочем, кошку он однажды заметил. Тогда он вернулся домой после крупного научного успеха. Что-то открыл или в этом роде. Он выдвинул рабочее кресло на середину комнаты, сел в него и благодушно улыбнулся. Тут через его поле зрения прошел котенок. Котенок был еще слаб. Он еле передвигал лапками, точно они прилипали к полу. Отцу захотелось позвать котенка, но он не представлял, как это делается. То есть как манят кошек. После некоторых затруднений он сказал:

— Коша, коша.

Котенок непонимающе посмотрел на отца чистыми голубыми глазами и ушел под кровать.

Может, и сейчас на отца нашло что-то подобное? И он вздумал сконфузиться?

— Погуляем? — предложил отец.

Кириллу повезло. Он сегодня пойдет в театр с Елочкой без меня. Я оставил у Сусекина записку и деньги. И мы с отцом отправились на улицу.

Отец долго стеснялся сказать о главном. Мы исколесили городской парк, переговорили о массе мелочей, а он все не решался. Если бы не случай, неизвестно, когда бы он перешел к делу.

— Как поживает Тамара Ивановна? — спросил я между прочим. Без всякого умысла.

Совместно с Тамарой Ивановной он ведет какие-то сложные исследования. Они торчат в лаборатории до позднего вечера. Потом расходятся по домам. Отец — в нашу гулкую, как собор, квартиру. Тамара Ивановна — в девичью келью. Хотя не пойму, как ей удалось засидеться в девах при такой впечатляющей наружности. Я и то был влюблен в нее по уши, когда еще ходил в желторотых десятиклассниках. Но отец не обращал на нее никакого внимания. Как-то я увидел их вместе и поставил крест. Отец держал Тамару Ивановну за руку и втолковывал непонятные мне термины. И оба при этом хоть бы что. Будто деревянные.

Поэтому я поинтересовался Тамарой Ивановной мимоходом. Поскольку она соавтор отца. Ничего иного я не имел в виду. Это был проходной вопрос, на который отвечать вовсе не обязательно. Но отца он невероятно задел.

— Она передает тебе большущий привет,— сказал он поспешно. Точно я сомневался в ее доброжелательном отношении ко мне.

— Вернешься, передай ей то же самое.

Это заявление обрадовало отца.

— Как бы ты посмотрел... если бы я...

Мне стало ясно: наконец-таки отец заметил, что, кроме палеонтологического таланта, у Тамары Ивановны есть и другие прелести.

— Я не против, отец. Я даже скажу: будь решительнее.

— Да, но...

— У нее кто-нибудь?..

— Нет. Но она, как бы сказать...

— Догадываюсь. Она равнодушна к мужчинам?

— Не то чтобы равнодушна. Вернее, они не интересуют ее в смысле...

— Ясно. Ты в этом твердо уверен?

— Мне кажется...

Отец немного растерян. Впрочем, я его понимаю. Человек для него был просто homo sapiens и вот теперь выкинул такую штуку. Выходит, этот homo sapiens «милый» и «ненаглядный». «Ненаглядный homo sapiens!» — каково на слух отца. Интересно, по каким признакам он выбрал мою мать из общей массы высших млекопитающих? Вероятно, дело решили слаборазвитые надбровные дуги. У матери были голубые выпуклые глаза.

Отец всегда смотрел на людей и события под углом своей науки. Помню, в Москве мы зашли к его старому приятелю. Приятель отсутствовал, и мы угодили в довольно крикливую компанию, собранную его дочерью. Приличия ради нам пришлось поторчать полчаса в этом шуме и гаме. Хозяйка представила отцу долговязого веснушчатого детину.

— Потомок князей Тараканових,— похвасталась хозяйка.

— Это что,— наивно возразил отец.— Ставропольские коллеги нашли скелет южного слона. Прекрасный экземпляр.

Отца сочли остряком и потребовали свежих анекдотов. Тогда мы едва отделались от хозяйки и ее бесцеремонной братии.

И вот к этому геометрически выверенному научному углу добавился светлый блуждающий луч. Отец влюбился. Есть от чего тут растеряться... Но я верю в нервы отца. Я не боюсь за отца.

— Отец, но, может, есть надежда?

— Я не уверен... И не знаю, как... Я приехал за советом. Ты понимаешь больше меня и...

Отец совершенно справедливо считает меня опытнее в некоторых вопросах. Он объективный ученый. В нем нет ложного самолюбия. Понадобься консультация по органике, он пойдет на поклон и к первокурснику химического факультета.

— Отец, есть простой и верный способ. Купи бутылку вина, коробку конфет и пригласи Тамару Ивановну к себе. Домой.

— Это и есть верный способ?

— Да, поставлены миллионы экспериментов. Способ проверен веками. Как ученый, ты не можешь не придать этому значения. Так вот, разлей вино по рюмкам, включи торшер и приемник. И убери остальной свет. Дальше все будет сказкой.

Мы ужинали в номере отца. Пили вермут и ели вкусную холодную индейку, приготовленную специально для меня домработницей тетей Лизой. Когда я впервые уезжал из дому, тетя Лиза плакала. Она абсолютно не придавала никакого значения моему житейскому опыту, ей казалось, что я пропаду в далеком городе. В этом она убеждена по сей день.

Вино ударило в головы, и мы принялись болтать о любви. Я рассказал отцу уйму разных происшествий из этой области. Некоторые я почерпнул из собственной практики. Отец слушал и, когда я заканчивал, начинал говорить о Тамаре Ивановне. Он раскраснелся. Глаза его блестели от вина и новых ощущений.

Ушел я от него в одиннадцать часов. Если бы не хмель, я бы отправился спать. Но я выпил вина, наговорился о любви, поэтому меня понесло в театр. Там я наткнулся на закрытые двери. В подъездах горели дежурные лампочки. Спектакль закончился давно. Не раздумывая, я повернул к дому Елочки. Я хочу видеть ее. Если она спит, я подниму ее на ноги. Я перебужу весь двор, а подниму Елочку на ноги. Она мне нужна — и точка!

В эту ночь Елочкин двор спал безмятежно. Будить никого не понадобилось. Потому что Елочка не спала. Она сидела на крыльце с каким-то парнем и не заметила меня, хотя я шагал довольно шумно. И парень не заметил. Я спрятался за ореховое дерево и стал подсматривать за ними. Вначале я хотел дать нахальному парню по шее. Но потом решил не связываться. Я не размазня какая-нибудь. У меня достаточно контроля над собой. К тому же парень, может, спортсмен. Боксер-тяжеловес.

Парень обнял Елочку за плечи и голосом Кирилла (так это он!) спросил:

— Тебе не холодно?

— Холодно,— сказала Елочка.— Я продрогла до ниточки.

Какая чудовищная ложь! На улице двадцать два градуса тепла. Причем в тени, где стою я. Под луной, там, где они, еще выше. Кирилл притянул Елочку к себе. Она не сопротивлялась. Во всяком случае, я не заметил этого. И они поцеловались!

Вот чего добился Кирилл. А я все мешкаю. Придется наверстывать. Я громко кашлянул и пошел назад, придерживаясь тени деревьев.

9

Коровин носил булыжники три дня. На четвертый он прямо с порога швырнул в нас жалким, отощавшим портфелем. Метил в Кирилла и угодил ему в плечо. Кирилл отправил портфель по обратному адресу. Портфель беспомощно спланировал и опустился на шифоньер. Мы валялись на койках — зубрили к экзаменам — и внимательно следили за его полетом. Когда портфель прочно засел на шифоньере, облегченно вздохнули.

Коровин сумрачно прошагал к своей тумбочке. Открыл. Потарахтел мыльницей и спросил:

— Кто дежурит?

Он по совместительству еще и староста комнаты. Круглое начальство.

— Дежурный кто?

Дежурный не нашелся. Что-то произошло у нас с графиком. Путаница какая-то несусветная.

— А кто не вынес ведро? Последним?

Он имел в виду ведро для мусора.

Дело с ведром тоже оказалось темным.

— Проведем эстафету,— злорадно сказал Стась.

Мы заныли:

— Вечером бы. В темноте бы.

— Я выразился довольно ясно. Вася, готовь аксессуары!

Когда назревает проблема ведра, мы не спорим. Не валим друг на дружку. Мы проводим эстафету.

То есть выносим ведро всей комнатой. Каждый несет ведро на своем этапе.

Так и сейчас. Вася достал из тумбочки аксессуары: финишную ленточку и стартовый пистолет, выданный ему на кафедре легкой атлетики. Появились судьи из соседней комнаты, населенной спортсменами. Судьи по всей форме — с повязками, со значками. Они бросили жребий и развели нас по этапам.

Я стоял в подъезде наготове. На третьем этаже бухнул выстрел, и над головой затопали. Топот приблизился, и по ступенькам скатился Сусекин.

Я, как и положено, вытянул назад левую руку и начал бежать. Сусекин догнал меня и передал ведро. Я прибавил шаг. Я бегу по улице. Рукоятка ведра повизгивает. Мне достался самый неприятный этап — я бегу на глазах у прохожих. Наконец я достиг ворот и передал ведро Кириллу. Тот рванулся вдоль двора. Там, за финишной ленточкой, бак для мусора.

Наконец-таки ведро установлено в своем углу. Коровин немного отвел душу, а нам можно браться за учебники.

Вначале мы готовились втроем: Кирилл, Елочка и я. Хозяева Елочки весь день на работе, поэтому мы засели у нее дома и читали вслух. Вернее, читал я один, как обладатель лучшей дикции. Но, видно, пока я читал, между Кириллом и Елочкой началось это странное, непонятное для меня. Вдруг ни с того ни с сего Кирилл тихо крикнул:

— Елена!

Крикнул будто из далекого пространства. Будто между ним и Елочкой протянулись биллионы километров. Будто между ними лежали столетия. Будто они были в разных концах космоса. Он кричал ей. Я в счет не шел. Словно меня не было.

Она услышала и отозвалась издалека:

— Кирилл!

При этом глаза у обоих были сумасшедшие. Меня такое поведение возмутило. Насколько это слово подходит ко мне, и насколько я позволяю себе возмущаться. Для кого я читаю, спрашивается?

Больше ничего особенного они не делали, но между ними что-то произошло. Именно когда я читал. Тогда я предложил читать по очереди. Тут все и разладилось. Я и Кирилл наперебой сыпали комплименты Елочке, а та порхала по комнате, прихорашивалась и пела: «В чистом небе синева, синева, синева». Или мы по ее инициативе обсуждали шерстяную юбку, которую она когда-нибудь купит.

В первую же минуту отрезвления мы решили готовиться в одиночку. Иначе — провал. С профессором Спасским шутки плохи. Для Спасского билет — только лишь предлог для содержательного разговора. Он беседует со студентом по всему курсу. Собственно, экзамен начинается после ответа на билет.

Вот что такое профессор Спасский. Мы это знали и добросовестно грызли учебники.

Временами я устраивал небольшой отдых и развлекался. Для этого только стоило повернуться к соседней койке. На соседней койке штудировал анатомию Сусекин Вася, неисчерпаемый кладезь для острот. Другую такую удобную мишень для шуток природа вряд ли еще сотворит. Не хватит юмора. Вася — экспромт, который удается раз в тысячелетие. В Сусекина можно попасть с зажмуренными глазами.

Я достал из кармана кусочек провода и подвел к его руке. Вася вскочил и сел по ту сторону кровати. Он боится электрического удара. Каждая проволока, на его взгляд, таит в себе такую опасность.

— Ладно. Ложись.

Я бросил провод и снова стал листать страницы. Их сотни, тысячи. И все нужно прочитать. Я впился глазами в открытую страницу. И вот тут мне в голову пришла мысль о женитьбе. Когда-нибудь к каждому приходит эта мысль. Наступает срок, и она является. У каждого свой срок. Мой настал сегодня.

Я пытался выбросить ее вон из головы. Но ничего не получилось. Поэтому я начал перебирать в памяти всех знакомых девушек, годных для женитьбы. Постепенно остались две кандидатуры: Женя и Елочка.

Я стал думать о Жене. Когда я думаю о ней, у меня возникает тягостное чувство — смесь необходимости и боязни. Необходимости, потому что в эти минуты внутрь меня проникает какая-то потаенная сила, связанная с Женей, и заставляет делать то, что может выйти мне боком. Представьте такую картинку: стоит человек перед пропастью. Над пропастью — трухлявый мостик. Если человек ступит на мостик, то непременно провалится, а там собирай кости. Человек это знает, и, вполне понятно, ему не хочется на него ступать. И нет ему нужды на него ступать. Но он ступает. В животе у него пронзительно ноет, он проклинает свою слабость и отчаянно делает шаг на гнилые, рассыпающиеся доски. Вот и у меня происходит подобный процесс, когда я думаю о Жене. Женя — это что-то вроде пропасти. Отсюда вполне понятна и вторая половина чувства — боязнь.

Черт с ней, с Женей! Как-нибудь обойдемся, я отставил ее кандидатуру. Очень она сложная. С ней не оберешься хлопот. И, может, чего еще похуже.

Ребята перебили мои мысли.

— Йог, ты за брюки с манжетами? Или без? — спросил Коровин.

Сам он, ясно, за манжеты и ждет моей помощи против Сусекина и Кирилла.

— За манжеты,— сказал я, чтобы он отвязался, и опять ушел в свои мысли.

Елочка — самая подходящая супруга. Я представил, как мы пойдем по улице — муж и жена. Это выглядело довольно эффектно. Я в модном костюме с тремя пуговицами. Елочка в желанной шерстяной юбке. Отец пришлет деньги, и мы сразу купим эту юбку. На откладывая.

— Йог, очнись!

Это ребята. Что за народ! Теперь они спорят о ракетах, фотонах и антивеществе. И Стась расправляется с оппонентами шутя. Это не манжеты. Это ядерная физика. Но Кирилл — закоренелый лирик. Он отмахивается от Стася. Законы и формулы отскакивают от него, точно от стенки. Новые открытия Кирилл переиначивает на свой лад. В его голове они принимают совершенно иной смысл. Он своего рода этакий сентиментальный трансформатор.

— Эй, Йог, подтверди! Скажи Коровину: были марсиане на земле? Или не были? — закричал Кирилл.

— Были. Были.

Мне не до марсиан. Я представил совсем другое. К театру подъехало такси. Из машины энергично вылез элегантный мужчина и придержал дверцу. Из-за дверцы появилась стройная ножка Елочки. А вышеупомянутый мужчина, конечно, я. Мы поднимаемся по ступенькам театра. Я вижу это, как в кино. И завистливые физиономии мужчин крупным планом. В манере известного оператора Урусевского.

Елочка на этот раз в вечернем платье. Так она красивее. Некоторые утверждают, что она была очень хороша на майском костюмированном балу. Она натянула черное трико и в таком виде скакала

по залу. А на голове у нее торчали рожки. Я тогда попробовал станцевать с ней один фокстрот и извелся. Она вертелась, дергая людей за рукава, и тянула меня в разные стороны. Я еле держал ее в руках. Запарился.

Теперь она будет ходить в вечернем платье. Оно делает человека спокойным и выдержанным. Заставляет держать себя в рамках. Оно мобилизует. Днем Елочка пусть таскает свою юбку из толстой шерсти. Но если куда, так изволь вечернее платье. Надень, как доспехи перед битвой.

За чем же остановка? Я швырнул учебник на тумбочку, натянул туфли и побежал в дежурку. К телефону.

Тут меня стерегло легкое невезение. На телефон насел рыжий студент-физик. Я ждал, а он бубнил в трубку:

— Я не виноват. На этот вопрос не ответил бы и президент Академии наук... Разумеется, выгнал... И на втором заходе спикировал... Конечно, выгнал... А третий заход и совсем... Да. Выгнал... На пятом выгнал... Пойду на шестой...

Я его знаю: этот рыжий — будущее привидение. До сих пор не может сдать зачет по электронике. Сделал пять заходов, и все пять закончились провалом. Но рыжий не падает духом. Для привидения — это весьма ценное качество. Вместе с нашими привидениями он составит дружную компанию. Я имею в виду привидений с историко-филологического факультета. Говорят, они славные, неунывающие ребята.

Рыжий ушел. Я набрал номер соседей Елочки и долго стоял, пока за ней ходили. В мембране шуршало. Кто-то далеко звал: «Елена! Елена!» Наконец голос Елочки произнес:

— Я слушаю.

— Звонят из Московского дома моделей.

— Йог, не придуряйся. Это уже старо.

— В общем, сегодня в восемь приходи на остановку.

— А что будет?

— Побродим. Посудачим.

— И Кирилл?

— Видишь ли, у него сегодня уйма дел. Задание райкома.

В самом деле, не сказать же ей, что в прошлый раз она была в театре с Кириллом, значит, сегодня мой черед. По справедливости. Так что на ложь я имею право.

— Придешь?

— Ага, приду.

Вернувшись в комнату, я прямо-таки с порога наткнулся на вопросительный взгляд Кирилла. Он будто предчувствовал. Надо ему что-то сказать.

— Тебе привет от Елочки.

— Ты звонил?

— Нет, она звонила. Говорит, занята сегодня. Задание райкома.

— Жаль,— сказал Кирилл.

Вечером он позвал меня в шахматный клуб. Я отказался и пошел на свидание.

Елочка, как правило, опаздывает на полчаса. Я верно рассчитал время. Поколесил по городу, почитал «Комсомольскую правду», развешанную возле «Областной справки», и только тогда побрел на остановку. Я подошел к месту свидания почти одновременно с Елочкой. Мы шли от противоположных углов квартала. Я видел, как она торопилась. Возможно, и она видела меня идущим. Но на всякий случай я сказал:

— Я тут изнываю целых полчаса. Думаешь, это — большое удовольствие?

— Извини, пожалуйста. Я хотела вовремя, но потеряла помаду. Просто ужас! Еле нашла. Ты извини.

— Так и быть. Извиняю.

У нее виноватый вид. Это хорошо. Пусть считает себя обязанной. Я исподтишка оглядел ее. Она прелесть! При первой же возможности обниму ее и поцелую.

Я не стал ждать сложа руки, когда эта возможность придет сама. Я повел Елочку в парк. Там есть подходящие идиллические беседки. Но Елочку тянуло на людные, ярко освещенные аллеи. Только после невероятных ухищрений мне удалось заманить ее на скамейку, спрятанную в густом полумраке.

— Какой у тебя красивый подбородок! Я все забываю тебе сказать,— произнесла Елочка, едва мы сели на скамейку.

У меня волевой подбородок. А еще удачнее челюсти. Моим челюстям позавидует любой боксер.

— И вообще ты очень похож на Кирилла,— продолжала Елочка.

Тем более мне нечего осторожничать, если она это сказала. Значит, то, что можно Кириллу, разрешается и мне. Я так истолковал это.

— Тебе холодно? — спросил я Елочку и, не дожидаясь ответа, протянул руку за ее спиной и положил на плечо.

— Сейчас же убери,— сказала Елочка строго.— Мне не холодно.

Я не стал вилять и рубанул напрямик:

— Кириллу можно — мне нельзя? Чем я хуже Кирилла?

Елочка опешила, но затем сказала:

— Кирилла я люблю.

Возможно, я ослышался. Я не стал разбираться в этом. Я посмотрел на луну и сказал:

— Луна сегодня какая-то чудная.

Это лучшее, что я мог сейчас сделать.

— Ты слышал? Я люблю Кирилла,— повторила Елочка.

— Чудная сегодня луна,— повторил я.

Она дернула меня за рукав.

— Ты слышал, что я сказала о Кирилле?

— О Кирилле? Он неплохой парень.

— Он самый хороший парень.

— Надеюсь, относительно?

— Конечно, относительно. Для меня он самый хороший.

— Ты все-таки взгляни на луну.

Она опять дернула за рукав.

— У нас с Кириллом любовь.

Дальше я уклоняться не смог. Не знал, как. Пришлось признать, что я все слышал.

— А меня водите за нос? Зачем? Ведь я хотел на тебе жениться. Хотел завтра в загс.

— За тебя не пойду. Я люблю Кирилла.

— Но тогда зачем меня за нос? Это нечестно.

— Мы бы сказали, но еще не совсем уверены. Сейчас испытательный срок. Месяц.

— Кирилл установил? Этот месяц?

Что-то не похожи на Кирилла этакие рассудочные поступки.

— Я установила. Он, говорит, уже уверен.

Я вздохнул облегченно. Еще не все потеряно. Елочка колеблется. Но на сегодня хватит. Дальнейший разговор опасен.

— Идем домой. Пора бай-бай.

— Да. Пора,— сказала Елочка покорно.

Я шагал быстро. Она едва поспевала за мной.

— Сердишься? — спросила она, задыхаясь.

— У меня железные нервы. Забыла?

— Не забыла. Помню. Но думала, ты сердишься.

— Куда там!..

Я действительно держал себя в руках. Неприятно, конечно, все это. Я хотел жениться, но ничего не вышло. Кому понравится такое? Разумеется, никому. Теперь кандидатура Елочки под вопросом. Выходит, на всякий случай ищи замену. Ищи-свищи!

Доставив Елочку домой, я быстренько попрощался. Я спешил. Хотелось пробежать главную улицу из конца в конец, пока не разошелся народ, и поискать кое-кого. Я имею в виду подходящую девушку, которая бы заменила Елочку. Такую девушку, с которой не было бы одиноко. А мне стало немного одиноко после того, как Елочка сообщила про свою любовь к Кириллу. Теперь она с Кириллом, а я один. Я не могу быть один. Даже волк — и тот с волчихой. А я же не волк. Я неплохой парень — Лева Зуев.

— Но ведь ты любишь меня по-прежнему? — спросила Елочка с беспокойством.

Ох, уж эта женская жадность! Любить одного и в то же время требовать, чтобы другой хранил верность.

— Еще как! — крикнул я и побежал в сторону главной улицы.

Мне тотчас повезло. На углу главной улицы и той улицы, по которой я бежал, стояла обаятельная толстушка и уплетала большое румяное яблоко. Сплошное загляденье было на нее смотреть. На то, как впиваются ее ровные белые зубки в сочную мякоть яблока.

Я, не мешкая, предупредил:

— Не забывайтесь. Этот плод уже погубил одну женщину. Ее звали Евой.

Я предполагал, что толстушка ответит:

— А я не Ева.

После этого выудить ее имя будет сущим пустяком. А когда имя в кармане, считай: знакомство состоялось.

Но толстушка повернулась в сторону телефонной будки и позвала:

— Мама!

Из автомата вышла высокая пожилая дама и, смерив меня негодующим взглядом, увела толстушку.

Я пошел вдоль главной улицы. Навстречу попадались в основном мужчины. Те из них, что помоложе, стояли небольшими группами. Обсуждали вчерашний футбольный матч.

Но вот прямо на меня идет молодая женщина. У нее все высший класс. И лицо. И талия. И ноги. Только с ней мужчина. Он мягко держит ее под руку. Осторожно, точно она из хрупкого стекла. И стоящие группами мужчины тоже смотрят на нее ласково. Она прошла мимо меня. Я обернулся и посмотрел ей вслед. Любопытно, какая она со спины. И со спины она тоже высший класс.

Меня тряхнули за плечо. Верзила из группы, что стояла поодаль, не снимая руки с плеча, сказал:

— Я бы на месте ее парня дал тебе по морде. Чтобы не смотрел на нее так.

— А как смотрел? — спросил я осторожно.

— Не прикидывайся. Я знаю, как смотрел. Понял?

Он отпустил мое плечо и вернулся к своим. А я хотел ему сказать:

«Зачем мне эта женщина? Пусть она так и идет дальше со своим мужчиной. Мне нужна Женя Тихомирова. Она, единственная».

Я пошел звонить во Владивосток. Заказал квартиру Жени. Сонная телефонистка предложила подождать час. Пока она будет пробиваться через стихии и расстояния. Я уселся в кресло и поглядывал на онемевших в ожидании людей. Их немного. Они томятся, сонно клюют носами. По кабинам бродит дрема. Она-то и спасла меня. Я овладел собой. Я подошел к окошечку и потребовал аннулировать вызов. Телефонистка, уже добравшаяся до прибайкальской тайги, посмотрела на меня с откровенным разочарованием. Она-то старалась ради такого слабовольного типа. Пробиралась сквозь сибирские дебри. Даже сон слетел. Она-то считала, что у типа важное дело. Прибежал, глядя на ночь. Мало что тут подумаешь!

Я простил ее. Откуда ей знать, что как раз все было наоборот.

10

На экзамене Спасского обошлось. Профессор задал девять дополнительных вопросов, я ответил на все. Это у него называется «потолковать с умным человеком». Он увлекся, забыл, что находится на экзамене, обнял меня за плечи и проводил до дверей аудитории. Протянул руку на прощание и пригласил заходить почаще. Оценку он, разумеется, не поставил. Зачетная книжка так и лежала на его столе. Руку его я, конечно, пожал, но и напомнил об оценке. Мне не очень-то хотелось сдавать экзамен вторично. Я дал ему понять это.

— Да, да! А как же? Без оценки нельзя! — спохватился профессор.

Мы вернулись к столу. Спасский взял авторучку, открыл зачетную книжку и замер. Поджал нижнюю губу. Прищурился.

— А что вы думаете?..

Он задал десятый вопрос. На девяти предыдущих мне везло. А тут он попал в точку. На этот, десятый, я не знал, что сказать. Только мычал. Все же Спасский поставил «отлично».

Кирилл отвечал после меня и заработал лишь «хорошо». По свидетельству очевидцев, он ввязался с профессором в спор. Это ему и подпортило оценку.

Вроде бы речь зашла о патриархе Никоне, как вдруг они схватились из-за сущности демократии. Никто не заметил, с чего началось. Сидевшие на экзамене обратили внимание, когда Кирилл и Спасский уже вошли в азарт. Представьте двух мальчишек, сидящих в куче листьев. Мальчишки, запустив руки в листья, гребут их, подбрасывая друг другу в лицо. Так же вели себя Спасский и Кирилл. Они залезли в глубины истории и подбрасывали факты. Добрались до первобытного общества. Наконец Спасский очнулся и воскликнул:

— Вы ответили отлично! Но позвольте снизить вам оценку за материал первого семестра! Он усвоен нетвердо!

Кирилл позволил и получил «хорошо». Когда я увидел его, он был очень доволен. Ходил, потирая руки. И радужно улыбался.

Теперь мы идем на экзамен к Гусакову. С тех пор, как я сделал попытку жениться, прошла неделя. Я иду на экзамен по-прежнему холостым.

С утра прижарило солнце. Мы на ходу сняли пиджаки. Каждый пристроил его, как удобно. Я положил на плечо. А Стась Коровин, например, перекинул через правую руку, и пиджачок ему не мешает. То ли было раньше, когда приходилось таскать родной портфель!.. Отныне портфель валяется на шифоньере. Сегодня Стась шагает легко. Даже размахивает свободной рукой. Вот только правое плечо пока вы-

ше левого. Но тренер Сусекин поклялся исправить этот профессиональный порок.

Развязались шнурки. Я отстал. Вместе со мной отстал Кирилл.

— Сегодня будет черным днем для Гусакова,— сказал Кирилл, посматривая, как я завязываю шнурки.

— В чем это проявится?

— Я покажу его несостоятельность перед всем институтом. Об этом узнает весь город.

Кое о чем я догадываюсь. Неспроста он изучал подшивку «Советского спорта». Сидел вчера битых три часа. Но я пока промолчу. Может, для него это не кончится добром. Мне хочется об этом сказать, но я чувствую, что надо промолчать. Почему, мне не ясно. Так лучше для меня. И потом, с какой стати я скажу? Ведь я только догадываюсь.

Я нарочно медленно завязывал шнурки. Перевязывал их. По лицу Кирилла заметно, что он собирался сказать еще нечто важное. Я наготове.

— Как твои дела с Елочкой? — спросил Кирилл, подняв глаза к небу.

Значит, Елочка скрыла от него наш разговор. Он не подозревает, что я все знаю об их поцелуях. Если я признаюсь, то навсегда потеряю права на Елочку. Тогда мне ничего не останется, как отойти в сторону и оставить их вдвоем. И безнадежно будет ждать. Если у них что-нибудь начнется, то оно протянется до конца их жизни. Нет. Я сделаю вид, что будто ничего не ведаю. Если у них хватит нахальства целоваться при мне, я отвернусь. И не замечу. Словно ничего не произошло. Мои нервы выдержат и не это.

— Да ничего дела. Неплохие,— сказал я небрежно.

— Вот что. Ты бы поактивнее. Если она тебе нужна по-настоящему.

Он сказал, что хотел, и поспешил за ребятами. Я поднялся и пошел следом за ним. Мне есть над чем поразмыслить. Он преподнес новую задачу. Но уже понятно одно: Елочка солгала или Кирилл солгал Елочке. Он ее не любит. У него к ней то же, что и у меня. Даже меньше. Я-то не прочь жениться на Елочке. Как бескорыстный друг он считает своим долгом поделиться со мной. Он верный друг. Такого поискать.

Около нашей аудитории осиный гул. Конечно, все видели, как вьются осы возле какой-нибудь щели. Временами некоторые из них подлетают к ней, тычутся головой, потом, сложив крылья, вползают в щель. Наши студенты похожи на ос. Тоже вьются возле замочной скважины. Тоже тычутся головой. Только вот залезть в замочную скважину не удается. Сколько ни стукайся лбом, не втиснешься. Не пускают габариты. А там, за скважиной, есть на что посмотреть. Там сидит Гусаков и принимает экзамен. И чем больше страх перед Гусаковым, тем сильнее тянет посмотреть, как он расправляется с нашим братом.

Нас встретил восторженный женский визг. Оказывается, перед Гусаковым пустует один стол. И все мужчины сдали экзамен. Мы остались последней надеждой у девушек. Сами они отсиживаются до последнего. Соберутся в кружок и, еле владея дрожащими губами, рассказывают страшные были.

Когда мы подошли, их лица совсем сливались с белой стенкой. Только там-сям разбросаны черные точки — их зрачки.

— Мальчики, миленькие! Ваша очередь, мальчики! — завопила Елочка и потащила к дверям меня, ибо я шел первым.

Этому научили ее девчата. Они решили спекульнуть нашей слабостью. Я вырвался и как можно ехидней сказал:

— Как бы не так!

Пусть Елочка попросит подольше. Вот на что я рассчитывал. Но из-за моей спины вышел возбужденный Кирилл и заявил:

— Ну-ка расступись! Я пойду. У меня особые причины.

И многозначительно добавил:

— А вы потом расскажите всем. Знакомым. Соседям. Кому угодно.— И ушел за дверь, вооруженный планом, который задумал с помощью газеты «Советский спорт». У меня было мелькнуло желание удержать его. Но я не позволил себе этого. Мне вдруг захотелось, чтобы Кирилл сделал тот шаг, на который решился.

— Что он задумал? — спросили Стась и Сусекин. Они пришли «болеть».

— По-моему, ничего особенного.

Едва из аудитории вылетел распаренный Бурлаков, я пошел на его место. И никто меня не упрашивал. Девчата не успели. Стась и Сусекин собрались было вдохновить — сказать напутственное слово, но только спохватились. Я рывком дернул дверь на себя и перелетел пространство между порогом и Гусаковым. Взять билет тоже было секундным делом.

Я сел за стол и мимоходом глянул в билет. Схватил лишь два вопроса — о Ромене Роллане и Вапцарове. На третий пока не стал даже смотреть. Я следил за Кириллом. Меня почему-то больше всего интересовало его поведение. Если он поступит так, как я предполагал, значит, у меня великолепная выдержка. Потому что я должен был промолчать во что бы то ни стало. И не шевельнуть пальцем. Почему все-таки? У меня сейчас нет времени думать об этом. Я слежу за Кириллом.

И еще один человек внимательно следил за Кириллом. Это Гусаков. Он-то, по всему видно, не забыл тот зловредный фельетон. И если автор попал в его руки, этим случаем он воспользуется непременно.

Кирилл недолго мудрил над билетом. Он повозил пером по чистой бумаге и, только освободился стул перед Гусаковым, пересел на него. И вовремя. К стулу было направился увалень Петя Востряков. Петя пожал плечами и сел на место. А Кирилл даже не извинился. Ему было не до этого.

Он смотрел в упор на Гусакова. Тот подобрался. Насупился. Кириллу попался трудный билет, но отвечал он блестяще. Наизусть прочитал Гусакову порядочный кусок из Николаса Гильена. Гусаков хищно смотрел ему в рот. Сторожил первое неверное слово. Но рот Кирилла захлопнулся, а этого слова так и не было. Но Гусаков уже что-то задумал. И держал наготове.

— Назовите современных писателей Гондураса. Кого знаете, разумеется,— сказал Гусаков.

Гусаков мельком глянул на меня, и я уловил в его глазах торжество. Мало кто знает писателей Гондураса. Кирилл вряд ли входит в их число. Но Кирилл выпалил единым духом:

— Ди Стефано, Суарес, Рамальетс, Хенто.

Оказывается, знакомые имена. Я их тоже знал. Но запамятовал. А Кирилл вот не забыл. Феноменальная память у моего друга. Гусаков — и тот поднял брови. Мало того, не удержался и в сердцах сказал:

— Молодец, Севостьянов! — И, повернувшись к нам, закончил: — Так надо знать зарубежную литературу! Таким образом!

— Нет, не так,— возразил Кирилл.— Совсем не таким образом. Ди Стефано, Суарес и другие — просто футболисты из сборной Испании. Пушкаша я не тронул, потому что у него венгерская фамилия.

Я это предвидел. Не в деталях, конечно, а в общих чертах. Я догадывался, что Кирилл выбросит

именно такой фортель. Теперь я удостоверился в этом, а на дальнейшее можно было не смотреть.

Не глядя, я представил, как что-то пытался сказать Гусаков и не смог. А вот хлопнула дверь — это Гусаков убежал в деканат.

— Что и требовалось доказать! — возвестил чуточку побледневший Севостьянов и вышел в коридор.

Я двинулся вслед за ним. Сидеть тут не было никакого смысла. Скандал затянется надолго. Чтобы понять это, не обязательно владеть даром предвидения.

В коридоре между тем началась паника. Вконец перепуганные девушки окружили Кирилла. Они не знали, что произошло. Зато видели, как из аудитории выскочил бледный Гусаков и затрусил по коридору прочь. Девушки теребили Кирилла. Требовали информации.

— Ничего не случилось. Только то, что и требовалось доказать,— механически твердил Севостьянов, пробиваясь сквозь окружение.

Я подошел к нему на лестничной площадке. Он стоял один. Наши «болельщики», видно, где-то слонялись. Он пытался закурить. У него ломались спички.

Я спросил:

— А если бы не Гондурас? А если бы понадобились английские фамилии? Тогда что?

Он все же закурил. Жадно затянулся.

— На этот случай я припас «Тоттенхэм хотспур». Еще у меня есть французский «Реймс», итальянский «Милан», турецкий «Галатасарай» и сборная ФРГ без правого инсайда. Того я не нашел.

— Все же не по-хозяйски. Нерациональная трата времени. Ты возился с подшивкой три часа, а можно было назвать вымышленные фамилии. Придумать тут же.

— В том-то и дело, нельзя. Иначе не будет анекдота. А мне нужен анекдот. Чтобы он разошелся по институту. Чтобы поднялся шум. Чтобы все увидели, каков Гусаков. Понимаешь?

Дело свершилось, события получили толчок, и молчать теперь уже не совсем обязательно. И я высказался:

— Что ты все лезешь и лезешь из кожи?

— А что в этом плохого?

— Плохого, может, и нет, но только сразу вспоминается городская эстафета.

Я неспроста припомнил эстафету. Это было второго мая. Наша институтская команда вырвалась вперед и постепенно наращивала разрыв. Я стоял на предпоследнем этапе и видел, как Севостьянов принял эстафетную палочку. Он мчался, будто лань. Легкий и длинноногий. В белоснежной майке и голубых трусах. Молодое облако, слетевшее на землю. К этому моменту мы оторвались от медицинского института метров на двадцать. Я уже не говорю о других командах. Кирилл мог бежать спокойно, тем более бегать быстро он горазд. Но я увидел на его лице гримасу отчаянной решимости. Он бежал свои четыре квартала так, словно от него одного зависела победа нашего института. Он развил скорость, точно шел стометровку. Сил, конечно, не хватило, и он бухнулся у самой черты. Прокатился по асфальту метра два. Посмотрели бы вы тогда на его майку! Я начал было бег, а тут пришлось возвращаться к Севостьянову за палочкой. Из-за него едва не упустили первое место.

— Помнишь городскую эстафету? — повторил я.

— Тогда не хватило сил. Теперь я крепче. И вообще это более важное дело. Я не упаду.

По лестнице застучали торопливые шаги. Прямо на нас поднимались Гусаков и декан. Гусаков прошел, даже не взглянув. Декан остановился перед нами.

— Николай Николаевич, продолжайте экзамен, а я разберусь сам,— сказал он вслед Гусакову.

Я побежал сдавать экзамен.

— Ну-с, голубчик, нахулиганили? Объясняйтесь,— произнес декан за моей спиной.

II

Кириллу запретили сдавать экзамены. Временно. До полного выяснения обстоятельств. Так сказали ему. После выяснения обстоятельств его исключат из института. В этом никто не сомневался в нашей группе. Голос декана громыхал по всем этажам, когда он распекал Кирилла. У нас при этом ныло сердце. Мы привыкли к Севостьянову. Мы любим его. Я смотрю на него, думаю: вот он уедет, и я никогда не увижу его, и у меня екает в груди.

— Чепуха. Исключат — не исключат. Не в этом соль,— сказал нам Кирилл.— Главное, будут выяснять обстоятельства. Я этого и хотел. Сам декан возьмется за дело. Он обещал.

— Хотя бы посоветовался,— обиженно заметил Бурлаков.— Все-таки мы большой, здоровый коллектив. И мы все считаем, что Гусаков — это не вещь.

— Некогда было рассусоливать,— бодро возразил Кирилл.

Он засунул руки в карманы и ходил по комнате. Довольный собой. Остальные, кроме меня, рассеялись вокруг стола. Я разлегся на кровати. Я коренной житель этой комнаты, и мне такое позволено. Остальные — это мужчины из нашей группы. Они поодиночке сбежались сюда из своих комнат, и возникло импровизированное собрание. Бурлаков по привычке председательствовал.

— Не так надо было. Не так,— огорченно скривился Бурлаков.

— Знал бы, не уступил место,— буркнул Востряков.

Кирилл остановился посреди комнаты и простер к нам руки.

— Чудаки! Все идет, как задумано.

Его погонят из института, а мы же еще, выходит, чудаки! А он не чудак. Интересно, как у него в голозе складывается такое? Даже если упрощенно представить, что мысли слагают, как детские кубики, все равно непонятно.

Короткий, требовательный стук в дверь — на пороге возникла Елочка. Такой грозной ее я не видывал. При всем своем таланте предвидения я и предполагать не мог, что ее лицо способно на подобное выражение. На всякий случай я закрыл глаза и притворился спящим.

— Оставьте нас вдвоем! — звонко распорядилась Елочка.

Никто не рискнул ослушаться. Их оставили вдвоем. Если не брать в расчет меня. Меня в расчет и не брали.

— Елочка, любимая. Я соскучился! — выпалил Кирилл.

Мне стало совестно. Я подслушивал святая святых. Но затем стыд исчез. Дальше произошло такое, что я уже ни о чем не жалел. Вдобавок я возврема вспомнил вчерашний совет Кирилла. Он рекомендовал быть активным.

— Ты циник! — процедила Елочка.

— Что с тобой? — забеспокоился Кирилл.

— Ты спрашиваешь? На экзамене безобразничаешь, как последний громила. А еще раньше целуешься со мной и потом рассказываешь друзьям. Так делают одни циники!

— Я не рассказывал! Хотя не считаю нужным скрывать это. Я готов целовать тебя при всем честном народе. Однако никому не говорил. С чего ты взяла?

— А Йог? Откуда он знает?

— И ему не говорил. Честное слово. Ты сама убедишься.

Он подошел ко мне и потряс за плечо.

— Йог! Ведь правда я ничего не говорил?

Я бы ни за что на свете не открыл глаза. И я их не открою.

— Йог! Проснись!

Я крепче слепил веки. Я думал о своем. Отец пришлет денег, я куплю юбку из толстой шерсти. Точь-в-точь такую, о какой мечтает Елочка. Это будет мой свадебный подарок Елочке. На моей свадьбе.

— Проснись же!

— Не тронь его! Он-то ни при чем. Ты сам рассказал. Похвастался.

— Не веришь?

— Нет! Откуда бы знать ему? Только от тебя.

— Йог! Подтверди!

— Прощай!

Она хлопнула дверью. Засеменила по коридору. Тук-тук...

— Открой же глаза, черт тебя дери!

А я не открою. Он раскатывает меня по кровати. Тормошит. Щекочет. Пытается усадить. Я болтаюсь у него в руках. Мотаю головой и прислушиваюсь к

Елочкиным шагам. Вот они затихли. Елочка спускается по лестнице. Я мысленно прослеживаю ее путь. Будто где-то внутри меня работает портативный радиолокатор. Сейчас Елочка между вторым и первым этажом. Ей осталось ступенек пятнадцать. Десять. Три. Она распахнула дверь на улицу. Я открыл глаза.

— А? Пожар? В чем дело?

— Уже ни в чем. Поздно.

Он сел ко мне на кровать.

— Елочка с чего-то взяла, будто я тебе говорил кое о чем.

— Именно?

— Ну, что мы целовались.

— Она права. Ты говорил.

Он вытаращил глаза. Таращь, таращь!

— Да, ты говорил. О чем шла речь, не помню. И ты сказал как-то между прочим. Вскользь.

— Не может быть!

— Ты просто забыл. По-моему, ты не придал тогда этому значения.

Я зевнул с хрустом.

— Не может быть!

Он испытующе посмотрел мне в глаза. Я готовился к этому. Это — первое настоящее испытание моим нервам. Сейчас выяснится, напрасно я тренировал свою волю или не зря. Мой затылок нагрелся. Между лопаток выступил жар. Но я, не мигнув, выдержал его пристальный взгляд. Он опустил глаза.

— Странно. Йог, может, ты понял меня не так?

— Возможно. Но скорей ты сам выразился не так, как хотел.

— Значит, я поступил нечестно, Йог.

Он сгорбился. Устало положил кисти рук на колени. Мне стало жаль его.

— Кирилл, выбрось из головы ее. Мало тебе в городе женщин!

— Она единственная.

— Если так, зачем давал рекомендации? Насчет энергии и прочего?

— Я хотел по справедливости. По-честному.

Я сжал челюсти. О, своей образцовой честностью он нанес мне предательский удар! Но я выдержал и это. Я смолчал. Сказал другое:

— Спасибо, что разбудил. Нужно добить земельную ренту. Осталось страниц сорок.

12

Кирилла вызывали беспрестанно. Пожалуй, в институте осталась единственная организация, которая не разбирала его дело. Я имею в виду Красный Крест. По сути, Кирилл уже не студент и пока еще не исключенный. Когда мы сдавали экзамен по истории, он бродил здесь же по коридору. «Болел» за нас.

Но своего он добился. Его ответ Гусакову прочно вошел в классику институтских анекдотов и получил широкую известность. Кирилл и Гусаков стали популярны. На них показывают пальцами и фыркают. Гусаков отныне появляется на людях настолько редко, насколько это возможно в наш двадцатый век. Век суеты. А Кирилл свободно расхаживает по коридорам, наводя почти суеверный ужас на студенток с других курсов. Попадая под его рассеянный взгляд, они тихонько верещат от страха и жмутся к стене.

В эти дни я старался все время быть с Кириллом. Меня тянуло к нему. Поэтому на экзамене я сделал все, чтобы ответить быстренько, не очень-то заботясь об оценке. Преподаватель погонял меня немножко и поставил «удовлетворительно».

Я вышел в коридор. Помахал зачеткой, высушивая чернила, и посмотрел, где же мой друг Севостьянов. Я еле нашел его в углу, около окна. Его загнал туда профессор Спасский. Припер животом и выговаривал ему за что-то. Он неуклюже размахивал короткими, толстыми руками. А Кирилл виновато улыбался.

Потом Спасский его отпустил, и я предложил пообедать.

— Обождем Елочку.

Он посматривал в сторону девушек. В их гуще засела Елочка. Уткнулась в учебник. Демонстративно не смотрела на Севостьянова. Он ходил вокруг да около и на большее не решался. Стоило ему приблизиться, девушки поворачивали головы и следили за ним. Специфическим женским чутьем они угадывали разлад. И Кирилл отступал.

— Она не пойдет,— сказал я.

— Вытащи ее,— попросил Кирилл.

Я ничем не рисковал. Все, что скажет ей Кирилл, пойдет мне на руку. Я знал, что он скажет. Я видел его насквозь. Скромно говоря, я прирожденный психолог.

Я выманил Елочку из крепости. Она подходила к нам неуверенно. Будто под ее ногами тонкий лед. Но постепенно шаг ее окреп. Она что-то затеяла. Я сообразил, что именно, и это меня обрадовало.

— Я виноват, Елочка,— торопливо сказал Кирилл.— Извини. Я действительно проговорился. Ненароком.

Елочка не ожидала этого. Она замешкалась. Но я спокоен. Все идет как надо. Я предвидел и признание Кирилла и ее замешательство. Словно сам заранее написал сценарий того, что происходит сейчас.

— Я-то надеялась на ошибку. А ты, оказывается, лгал,— прошептала Елочка и с надеждой взглянула на меня.— Йог, ты не возьмешь назад свое предложение?

— Нет, разумеется. Я тебя люблю.

— Тогда я выхожу за тебя замуж.

Нервы мои действовали без срыва. Они натянулись так, как это нужно для нормального функционирования. В управлении центральной нервной системы кнопки переключались точно, вовремя. Я спокойно ответил:

— Спасибо, Елочка. Я люблю тебя давно.

Кирилл повернулся и пошел вдоль коридора. Он отклонился от моего сценария. Он не психанул. Даже промолчал. Он удержал себя в руках. Это мне не понравилось. Я не мог оставить его так.

— Елочка, сдавай экзамен на здоровье. А я успокою парня. Ни пуха ни пера!

— Иди к черту!

Такова студенческая традиция: посылать к черту. Но, по-моему, она послала меня к черту вполне искренне. Впрочем, меня это не беспокоило. Нервы у нее не то, что мои. Ей нелегко далась эта сложная сцена. Кирилл — вот кто беспокоил меня.

Я догнал его у выхода.

— Кирилл, я тоже люблю ее. Я держался твоего совета. Я был активным.

— Ну и правильно. Молодец.

— Не сердишься?

— Нет.

— Идем в ресторан? У меня завалялась пятерочка. Хватим по шашлыку. Зальем рислингом. А?

— Не хочется. Иди один. Я пошатаюсь по улицам. Просто так.

— По-честному, мне тоже не хочется. Походим вместе.

Не мог же я оставить его одного!

Если, сидя на скучном заседании, водить по бумаге пером, возможно, выйдет что-нибудь похожее на наш маршрут.

Говорил в основном я. Кирилл изредка кивал и поддакивал. Ради приличия. Сам он думал о своем. Меня это не устраивало. Я старался расшевелить его. Хотя бы подвернулось что-нибудь такое, из-за чего бы он поскандалил. Я молил об этом.

Он задержался у газетного стенда. Кажется, это были «Известия». Оглядел заголовки. Рассеянно сказал:

— Опять термоядерное оружие. Доиграются до всеобщего конца. Было человечество, и нет человечества.

Я тоже так думал. Но сейчас для меня важнее было не это. Я должен раздергать моего друга Севостьянова. Я упрекнул его:

— Тебя это беспокоит больше всех?

— Какая разница: больше всех, меньше всех. Арифметика здесь ни при чем. Просто некоторые не поймут. Другие не желают понять.

Полквартала он прошел опять молча. Но видно, я зацепил его за живое место. Глаза его замерцали. Он заговорил:

— Когда-то люди выжили только потому, что были вместе. Плечом к плечу. Куда им было в одиночку перед стихией и всяким зверьем! Что стоил, скажем, саблезубый тигр? Мы-то историки и помним это. А многие плохо учили в школе да вдобавок забыли и то, что знали. И зря. Теперь развелось зверье похлестче тигра. Теперь уж, если гибель, так всем. Порой хочется пойти по земному шару и дать персонально каждому человеку урок на тему «Возникновение человеческого общества». Хотя бы в объеме восьмого класса.

— Глупо.

— Знаю, глупо. Но я бы пошел. Уговорил бы сотню-другую, и то польза. А так сидеть и ждать, когда это случится?

— И что кипятишься? Для этого есть государственные деятели и специальные органы. Они делают все нужное.

— Деятели само собой. А мы, остальные, тоже обязаны шевелить мозгами. У нас миллионы голов. Без нас деятели ничего не сделают.

— Куда им без тебя! Они пропадут, бедняги.

Превосходно! Он сорвался с предохранителя. Незаметно я повел его на главную улицу. Там атмосфера более нервная — шум людской, визги автомобильного тормоза и прочие раздражители. Вдобавок по пути мы столкнулись с Гусаковым. Лучшего я не мог желать.

Гусаков и Кирилл невольно остановились. Я отошел немного в сторону.

— Добрый день,— сказал Кирилл, будто между ними были самые лучезарные отношения.— Тоже гуляете?

— Вы наглец! Вы еще смеете! Вы...

Гусаков подбирал слово покрепче. Но рафинированному интеллигенту такое слово обычно дается с трудом.

По лицу Кирилла пробежала тень сожаления.

— До вас так и не дошло, Николай Николаевич. К прискорбию, вы закостенели! — сказал он возмущенно.

— Угрожать? Вы за это ответите!

Гусаков погрозил пальцем, и они разошлись. Для меня всего этого достаточно. Нет нужды вести его на главную улицу. Теперь я спокоен. Могу оставить Кирилла и заняться своим делом.

— Зайду к Елочке,— сообщил я Кириллу.— Узнаю то да се. Что получила на экзамене и прочее. Ты уж извини. Обязывает положение. Все-таки я жених.

— Завидую тебе: увидишь Елочку,— сказал Кирилл простосердечно.

Его простосердечие когда-нибудь выйдет мне боком. Когда-нибудь я выкину глупость. Возможно, я бы выкинул ее сию минуту. Да вдруг отчетливо понял, что Кирилл для меня — это два человека. Один — мой самый близкий друг. Второй мне чем-то враждебен. Пока он существует на белом свете, мне не будет житья. И все эти простосердечные штучки стряпает он, второй. Стряпает, чтобы сбить меня с толку.

— До завтра,— сказал я.— Возможно, вернусь поздновато.

— Счастливо.

Кирилл улыбнулся неловко и грустно.

13

Утром в дежурку общежития позвонил декан. Потребовал к себе Кирилла. Тот явился, и декан выложил приблизительно следующее:

— Сегодня был Гусаков. Сказал, что вы ему угрожали. Может, это было не так, может, в этой истории вы кое в чем и правы. Но орудуете уж больно по-бандитски. Выписка из приказа об исключении у секретаря. Оформляйте документы. До свидания.

Когда Кирилл был в дверях, декан окликнул:

— Севостьянов, могу сообщить неофициально: Гусаков подал заявление об уходе. Я полагаю, он сделал это своевременно. И еще: вздумаете учиться на заочном — я поддержу вас. Тогда позвоните.

Это мы узнали от самого Кирилла. Мы шли в институт на консультацию, и он попался нам на дороге.

Все произошло закономерно. Хотел бы я этого или не хотел. Я сужу объективно. Иного финала я не ждал. Может, только Гусаков сложил оружие чересчур поспешно. Я считал его более сильным человеком. Значит, ошибся. Всякое бывает. Ошибаются и спокойные люди.

Ребята отнеслись к финалу иначе. Бурлаков затеял собрание прямо на улице. Вначале его смутило отсутствие стола. Негде сидеть президиуму. Но потом он смирился с этим.

— Хлопцы, к декану! Отстоим! Но пассаран! Это не пройдет! — завопил Бурлаков, потрясая кулаком по-испански. Я подразумеваю республиканцев тридцать шестого года.

Это было самое короткое собрание, какое я помню за год учебы. Бурлаков будто изменил самому себе.

— Отстоим! — закричали мужчины.

— Отстоим! — завизжали девушки.

Кирилла взяли под руки. Он вырвался.

— Что вы, ребята! Я не пойду. Да и вам не стоит. Я, может, и вправду сделал что-нибудь не так. Я над этим думаю. И потом ничего страшного. Вернусь в бригаду. У нас отличные мужики. Я вам говорил. Зимой приеду на экзамены. А дальше видно будет. Все в моих руках.

— Ему, конечно, незачем к декану,— заступился Востряков.— А мы сходим. Нам надо позарез.

Мы пошли к декану. Вернее, пошли они, а я отказался. Скажи Кирилл: «Я и вправду сделал не так»,— я бы пошел. Но Кирилл вставил в эту фразу слово «может», что мне очень не понравилось.

— Я воздержусь от похода,— сказал я Бурлакову, когда поднимались по институтской лестнице.— И вам советую без крика. Криком только испортишь. Надо, чтобы все стало на свое место и отстоялось. Чтобы можно было разобраться и разложить по полочкам. Это сюда, а это туда.

— Ты мне давно не нравишься,— ответил Бурлаков.— Но я считал тебя другом Кирилла.

— Я друг Кирилла.

— Обойдемся без него,— предложил Востряков.

Они отжали меня к стене и прошли мимо. Все из нашей группы, кто жил в общежитии.

Я зашел в аудиторию и стал ждать, когда они придут. Почему-то не появлялись другие наши студенты. Вероятно, их перехватил Бурлаков. Пришла только Елочка. И та забилась в угол. Я было направился к ней, но она предупредила, что хочет кое-что прочитать до начала консультации.

Я надеялся на консультирующего преподавателя. Думал, он прекратит ералаш. Но не было и его. Очевидно, завяз в событиях, захлестнувших деканат.

Наконец я услышал топот.

— Он здесь,— сказал кто-то в коридоре.

В аудиторию ввалилась орава студентов. Они окружили меня и набычили лбы.

— Ты был вчера, когда Кирилл встретил Гусакова? — спросил Бурлаков.

— Я и не скрываю. Ну, был.

— Что же ты, единственный свидетель? Что же ты не пошел к декану? — зашипел Востряков.

— Ты бы помог, если бы рассказал все, как было,— строго сказал Стась Коровин. Он-то как затесался в эту компанию?

— Ребята, и я бы не помог, хотя бы расшибся вдребезги. Давайте спокойнее.

— Даже Спасский ходил к декану! Узнал и сходил! — крикнули из толпы.

— Йог, пойми. Спокойный, безразличный взгляд, брошенный на человека,— это уже шаг к подлости,— сказал Бурлаков, нервничая. Он-то разорвал бы меня в клочья. У него в горле так и клокотало.

— Зря ты,— сказал я примирительно.— Какой я подлец? Посуди сам.

— Ну, да. Под тебя не подкопаешься. На собрании почему-то ставили вопрос о Севостьянове, а надо бы о тебе. Тебя надо за ушко да на солнышко. Но получается наоборот. Видно, в этом особое ехидство логики.

Толпа за его спиной росла. Подходили новые и новые студенты. Против меня стоял почти весь курс.

— Ребята, Кирилл — мой друг, как и ваш,— сказал я еще миролюбивее.— Просто у меня нервы покрепче. У меня стальные нервы. Я их тренировал!

— А зачем тебе нервы? — поинтересовался Востряков.— Стальные нервы тебе к чему? Вот мне нужны стальные нервы. И ему нужны. И ему. А тебе к чему они? Ты обойдешься и шелковой ниткой.

Они совсем ошалели. Трясут кулаками. Вопят. Слава богу, Елочка не слушает это. Зажала уши и уставилась в одну точку на книге. Пока я не выйду, они не затихнут. Я выдержанней их. Я должен трезво оценить обстановку и уйти.

Я шмыгнул в дверь почти под мышкой у вошедшего преподавателя и тихонько пошел по коридору. В коридоре пусто. Благодать. Только из противоположного конца по коридору катилась коренастая фигура декана. Он издали сощурился, всматриваясь в меня.

Мы поравнялись.

— Вы Зуев?

— Я Зуев.

Он пошевелил губами. Похоже, матерился про себя. Но не вымолвил ни слова и пошел своей дорогой.

— Все равно бы ему это не помогло,— объяснил я декану в спину.

Он остановился, только чтобы сказать:

— Да. Не помогло. Но я бы на вашем месте пришел.

Сказав, пошел дальше. Будто исполнил долг, который не давал ему покоя. Жег изнутри. Заставил корчиться.

И декан, выходит, свихнулся. Этого я не ожидал от него. Сегодня все точно сговорились и стали психами. Будто это в порядке вещей. Но, по-моему, люди со слабыми нервами опасны для общества. Я пришел к такому выводу.

Я миновал кафедру русской литературы. И там психи. У них двери вздрагивают, так они спорят. Кто-то из психов подошел к дверям, собираясь выйти, и гаркнул:

— А я буду ругаться! У меня своя точка зрения!

С меня довольно. Я побежал по гулкому коридору. Мои шаги грохотали под потолком. Перекатывались. Тоже получался содом. Жаль, нельзя убежать и от собственных шагов. Не то чтобы я нервничал, нет, просто мне это надоело. Я бежал спокойно.

Я дам психам время прийти в себя. Я должен быть снисходительным. Заявлюсь в общежитие, когда они уснут. А пока похожу по городу.

Я начал с главного почтамта. Предъявил в окошко студенческий билет — получил письмо от отца и денежный перевод.

— Посмотрите, может, еще что завалялось? — попросил я молоденькую работницу почтамта.— Ведь бывает и такое, правда? С моим другом Севостьяновым было,— соврал я, увидев, как недовольно сморщилась работница.

Ее крошечные пальчики проворно забегали по строю конвертов. Я смотрел на темно-красные капли маникюра. Пальчики зря старались. Что они могли найти? Никто мне не пишет, кроме отца. И Женя Тихомирова не пишет. Я лишь тянул время. Скучно все-таки.

— Зуеву Льву Васильевичу писем больше нет! — торжествующе оповестила девушка. Оповестила на весь почтамт и добавила: — Пишут.

Вот уж злорадствовать ни к чему. Если человек злорадствует, значит, у него не в порядке нервы. Ей, молодой, беречь и беречь нервы в этаком возрасте. Дальше будет не до того. Когда от нервных окончаний останутся лохмотья, будет поздно. Тогда один выход из положения — в желтый дом.

Я спрятал письмо, подошел к другому окну и получил причитающиеся деньги. Они пойдут на юбку из толстой шерсти. Я даже прошелся по магазинам. Разведал, что и как. Прикинул.

В шесть часов я встретил Елочку в условленном месте и повез на мотогонки. Пусть приобщается. Мотогонки воспитывают мужество и силу воли. Ей необходимо это. Ходит, как пришибленная. Что-то переживает. Я знаю, что именно, и прописал ей гонки как радикальное лекарство.

Мы сели поближе к первому виражу. Тут проходит самая острая борьба и случаются разные интересные эпизоды. На этом вираже спортсмены воюют за лидерство. Потому что в гонках на гаревой дорожке обычно выигрывает лидер. Если, конечно, не прошляпит и не отдаст внутреннюю бровку. Тогда попробуй

обгони его по внешней бровке. Для этого нужна бешеная скорость и мастерство. Под мастерством я разумею способность вовремя увильнуть от забора, когда он неотвратимо мчится на тебя.

В первый заезд подобрались сильные гонщики, и это сразу задало тон всем соревнованиям. На трибунах поднялся галдеж. Елочка — и та зашевелилась, начала подавать голос.

Когда она снова затихла, я не заметил. Я только вдруг обратил внимание, что она пристально смотрит на меня. Молчит и смотрит.

— Ты вон куда смотри. На дорожку,—сказал я.

Она продолжает свое. Смотрит на меня. Может, оглохла от рева моторов?

— На дорожку смотри,— повторил я погромче.

Она не унимается. Тогда я обрадовался этому. Значит, влюбилась. Но потом мне стало не по себе. Уж очень цепкий у нее взгляд. И ресницы твердые, острые, как частокол.

— Ты что? — спросил я.

— Почему ты не кричишь, как все?

Женщина иногда способна проникать в самые тайные мысли. Когда на нее сойдет такое наитие, от нее не денешься никуда. Просверлит насквозь. Мне кто-то говорил о такой способности женщин. Возможно, это наитие сегодня сошло на Елочку. Поэтому я не стал говорить про выдержку. Вместо этого я предложил:

— Если тебе не нравится, уйдем.

— Уйдем.

— В кино или в парк?

— Я пойду домой. Учить политэкономию. Не идет в голову рента.

Я отвел ее домой. Хозяев не было. Елочка пошарила над дверью. Нашла ключи.

— До свидания.

— Я посижу минут пятнадцать.

Елочка пропустила меня в свою комнату. Ноги мои уже гудели от усталости. Вполне понятно, я устремился на тахту.

— Это мое место. Возьми стул,— предупредила Елочка.

На тахте хватит места еще пятерым. Но я не спорил и сел на стул. Елочка устроилась на тахте, открыла политэкономию и напустила на себя ученый вид.

Я давно мечтал о таком случае, когда мы будем с Елочкой вдвоем. Поэтому я не оставляю мысль о тахте. Целюсь на ее правый угол. Для начала хотя бы перебраться туда.

— Что делает Кирилл? — спросила Елочка вдруг, но будто между прочим. А сама заинтересовалась потолком.

До чего стандартны люди! Почему бы не уставиться куда-нибудь вбок или вниз? Так нет, подняла глаза вверх! Прожила в этой комнате год, а потолок заметила только сейчас! И заинтересовалась. Скажите, пожалуйста, какой потолок!

Но мне выгодно поверить в исключительность потолка. Я поверил и сделал ряд замечаний. Ведь я в жизни не видел подобного потолка. Его трещины по изощренности линий переплюнули самого смелого художника. Я уж молчу об известке: перехватило дыхание.

Мне эта комедия на руку, ибо я собираюсь сказать следующее:

— Кирилл уехал. Сегодня днем.

И я сказал. Небрежненько так. Я делаю с собой, что хочу. Могу заставить себя сказать все, что нужно.

— С чего ты взял? Он еще здесь.

Тоже небрежненько и не отрываясь от потолка:

— Разве?

— Он уезжает завтра.

— Значит, передумал.

— Так что он делает?

— Ого, до потолка метра три! Это высота!

— Какое у него настроение? Не тоскует? Ты не заметил?

— Молодцы строители!

Я извиваюсь от восхищения.

— Он приедет зимой?

— Если бы наложить фрески!

Сидеть я не в силах. Восторг подбросил меня, как пружина. Я поднялся и забегал по комнате. Иначе не переберешься на тахту.

— Может, он забыл у меня что-нибудь? Какие-нибудь учебники?

И все это время мы глазеем на потолок. На это коммунальное чудо. Наконец я спохватился:

— Да, а политэкономия? Через три дня экзамен! Ты на какой странице?

Я подошел к Елочке, взял с ее колен политэкономию и сел на тахту.

— Елочка, когда же в загс?

— Спешить не к чему.

— Но важно, пока он здесь! Ты ведь этого хочешь.

— Да. Когда отходит поезд?

— Днем.

— Утром я приду к тебе в общежитие.

Она окаменела. Я протянул к ней руку.

— Елочка...

— Не надо.

Тогда я сообщил ей про юбку. И она оживилась. Едва не захлопала в ладоши.

— Темно-малиновая? Лохматая?

Я опять протянул руку. Она подалась от меня.

— Не надо, болит голова!

И у нее болит голова! Мне везет. Но на этот раз я не ошибусь. Мои нервы сделают обратное тому, что они сделали когда-то. Я заставлю себя поверить Елочке. Пусть Елочка вертит мной, нервы вынесут и это.

Елочка притворно пощупала лоб.

— Ты бы пошел. Я лягу.

— Я сделаю, как ты хочешь.

Она закрыла за мной дверь. Я отошел немного, остановился и слушал, как она щелкает замками и пробует крючки. Потом засунула что-то за ручку дверей. Наверное, стул. Я подсчитал: ей придется ходить на мотогонки целый год, чтобы воспитать свои нервы.

Я вспомнил о письме и прочитал его под ближайшим фонарем. Отец меня огорошил. Он оказался способным учеником и провел свидание с Тамарой Ивановной по моему рецепту. Было все: и полумрак, и музыка из приемника, и терпкое бордовое «Каберне», которое они тянули из длинных, узких фужеров. А потом отец совершил то, чего я уж не ожидал от такого волевого человека. Он вступил в гражданский брак. Чтобы сделать это в пятьдесят лет, нужно потерять голову. Отец потерял и радовался этому, как семиклассник. Мне стало горько.

Я смутно осознавал, что теперь нависла угроза над самым надежным участком моего житейского строительства. Будто где-то прорвало плотину. Отец был для меня вроде прочного фундамента. Имея такую опору, я мог вынести любой ураган. Выходка отца граничила с изменой. Он бросал меня. Оставлял одного.

Я остался один. Был еще человек, который мог бы избавить меня от этого. Но он единственный на земле и к тому же уехал во Владивосток.

Я решил испытать судьбу. Пошел на телефонный пункт и заказал Владивосток. На всякий случай еще я взял телеграфный бланк и написал на обратной

стороне письмо. Я тщательно подбирал слова. Чтобы Женя не истолковала письмо как признак моей слабости. И, боже упаси, не сочла капитуляцией. Через сорок минут меня подозвала дежурная телефонистка и сообщила неприятную весть: Тихомировы уехали на другую квартиру. Новый адрес неизвестен.

Я выбросил письмо в урну и взглянул на часы. Теперь можно в общежитие. Психи спят. Я разденусь бесшумно. Потом бы мне только коснуться головой подушки. Я никогда не страдал бессонницей. Сон казался мне сейчас благом. Уж никогда человек не бывает так спокоен, как во время сна. Это своего рода форма спокойствия. Есть еще одна, но та не совсем желательна, и лучше обойтись без нее.

Минут двадцать — и я бы спал, не попадись по дороге медик Жуков. Он окликнул, а я опрометчиво остановился. Я не думал, что он уже знает все. А он знал.

Когда я это понял, отступать было поздно.

Он загородил мне дорогу, тщедушный и волосатый. Его макушка пришлась мне до подбородка. Он держал маленький чемоданчик, из которого высунулся угол халата. Я воспользовался этим, кивнул на чемоданчик и спросил:

— С дежурства?

— Это не имеет значения,— хмуро ответил Жуков.— А ты хорош гусь!

Я сделал шаг вправо. Хотел обойти его. Он тоже шагнул и опять преградил дорогу.

— Посторонись!

— Дай-ка посмотрю на тебя.

Я шагнул влево. Он — вправо.

— Отойди!

— А ты фрукт!

— Отойди! Ударю!

— А ты...

Он молвил слово по-латыни.

— Отойди! Предупреждаю последний раз!

— Вот только налюбуюсь.

Я ударил его в глаз. Он качнулся, но устоял. Я прицелился точнее и ударил в челюсть. Его ноги подлетели вверх, словно их кто-то выбил из-под него. Жуков хлопнулся на спину.

— Спокойной ночи,— сказал я вежливо и прошел мимо.

14

Я натянул простыню на голову и только тогда открыл глаза. Просыпаться на виду у ребят рискованно. Возможно, они еще не успели привести в порядок свои нервы. Я лежал под простыней и слушал их разговор. Обо мне ни слова. Это хороший признак. И вообще сегодня они смирные и рассудительные. Обсуждают отъезд Кирилла. Прикидывают, что и как. Сам Кирилл, оказывается, на вокзале. Поехал брать билет. С ним покатил Бурлаков, потащил Кириллов чемодан. Остальные ребята подойдут позже. До этого им нужно сделать кое-что. Сходить туда-сюда.

Я ждал, когда они уйдут. Мне тоже надо на вокзал. Я хочу глянуть на Кирилла в последний раз. Он мой лучший друг. Мы почти близнецы. И еще есть одна причина. Она сейчас важнее всего на свете. Сегодня я проснулся, подумал о Кирилле, и меня точно озарило. Очевидно, раньше не хватало какого-то пустякового штриха. Вчера он появился, и рисунок стал понятным. Тогда на экзамене я не остановил Кирилла, хотя знал, чем все закончится. Мне нужно было, чтобы он исполнил задуманное. Теперь я знаю, зачем мне это было нужно. Я хотел проверить, кто из нас прав: Кирилл или я. Это спор веков. В нем участвовали миллионы людей. Мы с Кириллом должны решить его. Мы как бы вышли в финал. От его исхода зависит все: и отец, и Женя Тихомирова, и Елочка, и мое будущее. Я поеду на вокзал, посмотрю в глаза Кирилла, и там перед отходом поезда выяснится, кто кого.

Я вспомнил обещание Елочки. Она придет в общежитие, и мы отправимся в загс. Но какое значение теперь это имеет? Если не увижу Кирилла, Елочка вряд ли будет нужна мне. Я не колебался.

Ребята ушли. Я быстро оделся и схватил полотенце. Но умыться не успел. Вошел медик Жуков. Вокруг его глаза был синяк. Жуков нес его, как монокль, что придавало ему слегка надменный вид.

— Еще? — спросил я с угрозой.

— Нет. Достаточно. Лучше скажи, где Кирилл,— пробубнил Жуков невнятно и придержал рукой челюсть.

— Не знаю!

— На вокзале?

— Не знаю!

Мне дорога каждая минута. Под вопросом смысл моей жизни. А медик не собирается уходить. Он сел за стол. Устроился поудобней.

— Любопытный диагноз: двойной перелом челюсти,— сообщил Жуков.

— Сказали врачи?

— Сам установил. Первый случай в моей практике.

— Что ты хочешь?

— Я перебрал десяток вариантов. Думал треснуть тебя палкой из-за угла. Отбросил. Не пойдет. Не тот эффект. Поэтому решил взять монетой. Гони восемьдесят рублей. По сорок рублей за перелом. По прейскуранту. Я не спекулянт.

Остальное он не договорил. Иначе он устроит скандал. Он ведь знает, что благодаря отлично тренированным нервам я избегаю скандалов. Более удобного времени для вымогательства он не смог бы найти. Мне нужно избавиться от него и успеть на вокзал. Я отдал деньги, отложенные на юбку. Свой последний козырь. Черт бы побрал этого Жукова!

— Это — дело,— сказал Жуков, пряча деньги.— Признайся, я потряс почву, на которой ты чувствовал себя довольно прочно, а? Не правда ли?

Заросшая самодовольная физиономия, ей не понять, что сейчас у меня есть более важное дело.

— Взял и ступай!

— Деньги, деньги я отдам Кириллу. Понадобятся до первой зарплаты,— добавил Жуков, уходя.

Пока я бегал в умывальник, в комнате появился Сусекин. Он забрался на стул и перебирал хлам, валявшийся на шифоньере.

— Слыхал? Гусаков улетел в Среднюю Азию. Но мы его там найдем! — сказал Сусекин, доставая портфель Коровина.

— Все помешались на Гусакове.

— А ты безмятежен, как всегда?

— Специальная тренировка. Имей ты мою выдержку, давно бы стал чемпионом страны.

— Сомневаюсь. Скорее наоборот. Не взял бы и третий разряд.

— А меня побороть не в силах.

— Да. Я боюсь тебя, потому что ты очень спокойный. И не могу бросить через бедро. Ты спокоен, как эта стена. Ты внушаешь страх.

Он посмотрел на меня, и вдруг его глаза странно сверкнули. Он прошептал:

— А что, если попробовать еще раз? — и спрыгнул на пол.

Я все понял и усмехнулся:

— Пробуй, пробуй.

Это произошло мгновенно. Я не успел сделать подножку — железные клещи подняли меня в воздух и затем уложили на пол. Я ощущал пол каждой клеткой спины.

— Выходит, это просто,— сказал Сусекин счастливо.

Я рванулся. Случившееся казалось мне недоразумением.

— Пусти!

— Ну, ну, лежать!

Он поспешно припечатал мои лопатки к холодному полу. Какое твердое вещество дерево! Никогда не думал.

Скрипнула дверь. Голос Коровина спросил:

— Что ты делаешь с ним?

— Выдавливаю раба. По капле, как из тюбика. Раба эгоизма. Раба равнодушия.

При этом он больно давил на ребра.

— Отпусти его. Времени в обрез. Ты нашел тару для учебников?

Сусекин поднялся. И забыл про меня. Будто я навсегда исчез из его жизни.

— Предлагаю твой портфель. Он подойдет,— сказал Сусекин.

— Вполне,— отозвался Коровин.— Не зря я его разнашивал. Сюда влезет дюжина книг. И конспекты.

Для них я не существую. Они даже смотрят сквозь меня. Но мне тоже не до них. Я поднялся и выбежал на улицу. На троллейбусную остановку я подоспел вовремя. Троллейбус тронулся, но задняя дверца еще открыта. Я на ходу прыгнул в троллейбус, и дверцы тотчас сошлись за моей спиной. Потом я бежал по перрону. Я не знал, в каком вагоне Кирилл. Но он сам дал знать о себе. Его голос разнесся по всему вокзалу. Он ругался с начальником поезда в тамбуре шестого вагона. Я будто споткнулся. Я понял: Кирилл жив. Он не уничтожен. Осталось узнать: а как же я? Жив или нет меня? Или мне одна дорога — в компанию привидений? Или, может, между нами ничья?

Я медленно подошел к шестому вагону. Позвал Кирилла жестом. Он сошел на перрон.

— Не угомонишься?

Мой голос прозвучал достаточно мягко.

— А ну их! — Кирилл огорченно крякнул.— Половина поезда пустая. Так они согнали всех в два-три вагона. Устроили баню. Убирать им лень.

— Успокойся. Видишь, распущенность не доводит до добра. Вот и приходится тебе уезжать. Жаль ведь уезжать? Признайся!

— Жаль. Но ничего не поделаешь. Дал я маху. Вперед наука.

Я ликовал: я жив!

— То-то! А я предупреждал: не связывайся с Гусаковым.

Он посмотрел на меня с досадой.

— Ты не понял,— сказал он.— С Гусаковым и надо бороться. Ошибка в другом. Я забыл, что не один. Что еще много таких, как я. С расхлябанными нервами, как говоришь ты. Психов. Я не подумал о наших ребятах. О Спасском. О других. Я старался в одиночку. Сам. И тогда, на эстафете, тоже так. И потому сел в лужу.

И без всякого перехода спросил:

— Как поживает Елочка?

— Спасибо. Ничего. Вчера ходили в загс.

— И она сразу купила ту самую юбку?

Почему-то он придавал юбке большое значение. Он напряженно смотрел мне в рот. Ждал, что я скажу. Я сказал:

— Разумеется. Первым делом.

— Да?

Он вздохнул и добавил:

— Значит, вот как!

— Мы купили юбку лучше той. Та для нее была программой-минимум. Елочка скромничала.

— Не слушай его! Он все придумал!

Это крикнула Елочка. Мы искали ее глазами. Ее не было. Даже я растерялся. Что-то подумал о слуховой галлюцинации. Елочка неожиданно вышла из-за столба. А столб стоял перед нашим носом.

— Он наврал. И про загс наврал и про юбку,— повторила Елочка.

И она рехнулась. Я строго сказал ей:

— Хоть ты-то одумайся! Он круглый псих, твой Кирилл. Он даже сейчас скандалил. С начальником поезда. Не придумал ничего лучшего в эти скорбные минуты.

— А я люблю психов!

Она выпалила это мне в лицо. Словно швырнула перчатку. Вернее, словно плеснула из ведра с помоями. Так звучит современнее. Я невольно утерся ладонью. Но сдержал себя. Когда нервы в порядке, можно придумать месть похлестче. И я бы придумал что-нибудь обидное для них. Психа нетрудно вывести из себя. Но мне помешали Бурлаков и Коровин. Стась привычно волок портфель, набитый книгами.

— Тут учебники,— объяснил Стась.— Возьмешь с собой.

— Я отнесу в вагон,— сказал Бурлаков.— А вы топайте в ресторан. Там все ребята. Они соорудили кое-что соблазнительное. Я догоню.

— Прощай. Мой соратник. Мое горе,— сказал Стась, отдавая портфель Бурлакову.— Обнажите головы.

Бурлаков полез в вагон.

— Идем? Попсихуем? — предложил Кирилл Елочке и Коровину.

— Попсихуем,— ответили те.

Кирилл обнял их за плечи. Они пошли вдоль состава.

— Да здравствуют психи! — крикнул я насмешливо.

Обернулась одна Елочка. И сказала:

— Вот именно, да здравствуют психи.

Но она просчиталась. Меня не прошибешь. Я только крепче сжал челюсти. Они стали тверже металла.

г. Краснодар. 1962.

Роберт Рождественский

Памятник солдату Алеше в Пловдиве

Отсюда видно
далёко-далёко.
Горизонт
почти невесом.
Как ангел-хранитель,
солдат Алеша
над Пловдивом вознесен...
Алеша,
явно ошибся скульптор,
его твой облик стеснял.
Наверно, он знал о тебе
слишком скудно,
а может,
совсем не знал.
Ты выглядишь
этакой глыбой сонной,
которой
нужны
слова.
Ты хмурый в камне.
А был ты
веселым
И от речей уставал...
Туман упадет
легко и белёсо
на неподвижный лес...
Сейчас я старше тебя,
Алеша,
почти что на десять лет.
Это я просто родился позже,
а так
достаточно смел.
Я многое видел.
Ты видел больше!
Ты видел однажды
смерть...
Мертвых
не принято зря тревожить.
Не надо.
Уйди.
Откажись...

Спросить бы проще:
«Как смерть, Алеша?» —
Я спрашиваю:
«Как жизнь?»
Вопрос мой
пусть не покажется вздорным
Мне это
нужно решить!
Той ли я жизнью живу,
за которую
ты перестал
жить?
Верь,
это мой постоянный экзамен!
Я все время
сдаю
его.
Твоими безжалостными глазами
гляжу
на себя самого.
И этот взгляд
никуда не денешь:
он в каждом
идущем дне...
Мне за две жизни
думать
и делать!
Два сердца
бьются
во мне!
Не струшу я,
что бы мне ни грозило,—
мне в душу
смотрит
солдат!
Алеша,
я уезжаю
в Россию.
Что
маме твоей
передать?

Разговор с горой Карадаг

Карадаг, Карадаг,
я пришел
прощаться.
Был я в разных городах,
к тебе
возвращался.
Разузнать,
как живешь,
что нового видишь.
Поглядеть, как море пьешь
и никак не выпьешь.
Пьешь,
и больше ничего.
Ни на шаг
в сторону...

Знал я
дядьку одного,—
тоже
пил
здорово!
К рюмке он,
как репей.
Ох, давал
бродяга!
Нету
дядьки теперь.
Закончился
дядька.
Может, лучше, что
так.

Меньше стало сутолоки...
Айда,
Карадаг,
махнем с тобой отсюда!
Давай тебя унесем
от этой
тихой пристани.
Пойдем с тобой туда,
где все
негладко
и неприторно!
Там — тайга,
там — простор,
в любом ручье — хариусы.
Реки там такие,
что
с морем
потягаются!..
Я хвалить не мастак.
Приедешь —
удивишься...
В тот пейзаж,
Карадаг,
ты
непременно впишешься.
Будешь слушать по ночам,
как филины
ухают.
По твоим большим плечам
пройдет медведь-увалень.
Он пройдет напрямик...
Поедем,
бедолага!
Что? Не хочешь?
Привык?
Понимаю.
Ладно...
Я ведь тоже привык
к своему счастью:
видеть снег,
слушать выпь,
в машинах
качаться.
Привыкаем мы все —
рано или поздно —
кто — к теплу,
кто — к росе,
кто — к гудкам поезда.
Привыкаем
не смотреть,
куда ветер
дует.
Привыкаем
стареть,
привыкаем
думать,
голодать,
холодать,
влюбляться неудачно...
Будь здоров,
Карадаг,
Карадачина!

Письмо про дождь

Идут
обыденные дожди,
по собственным лужам скользя.
Как будто они поклялись
идти,
а клятву нарушить
нельзя...
Даже смешно —
ничего не ждешь.
Никакого чуда не ждешь.
Засыпаешь —
дождь.
Просыпаешься — дождь.
Выходишь на улицу — дождь.
И видишь только
пустую мглу,
город видишь пустой.
Газировщица
скрючилась на углу,
упорно
торгует водой.
А воды вокруг!..
Столько воды —
просто некуда разливать!
Это все равно
что идти торговать
солнцем
там, где сейчас
ты!..
Послушай,
а может быть,
и у вас
такая же чехарда?
У подъезда в глине
«газик» увяз,
на балконе слоем
вода...
Если так,
значит, в мире какая-то ложь!
Так не должно быть!
Нет!
Потому что нужно:
если мне
дождь,
то тебе
солнечный свет.
Как дочка, солнечный!
Как слюда!
Как трескучая пляска огня!
У тебя не должно быть дождей
никогда,
пусть они идут
у меня...
А они идут —
слепые дожди.
Ни деревьев нет,
ни травы...
Пожалуйста, это письмо
порви.
И меня за него
прости.
А впрочем,
дело совсем не в нем.
Просто
трудно
терпеть.
Море гудит
за моим окном,
как поезд,
идущий к тебе.

Парни с поднятыми воротниками

Парни
с поднятыми воротниками,
в куртках кожаных,
в брюках-джинсах,
ох, какими словами
вас ругают!
И все время удивляются:
живы?!
О проблеме вашей
спорят
журнальчики,—
предлагают убеждать,
разъяснять...
Ничего про это дело
вы
не знаете,
да в общем-то
не хотите
знать.
Равнодушно меняются столицы —
я немало повидал их,—
и везде,
посреди любой столицы
вы
стоите,
будто памятник
обманутой мечте...
Манекенами
к витринам приникшие,
каждый вечер —
проверяй по часам —
вы уже
примелькались всем,
как нищие.
Что
подать вам?!
Я не знаю сам.
Завлекают вас
ковбоями и твистами —
вам давно уже
поднадоел
твист.
Вы покуриваете
и посвистываете,
независимый
делаете вид.
Может,
девочек ждете?
Да навряд ли...
Вон их сколько —
целые стада.

Ходят около —
юные,
нарядные...
Так чего вы ожидаете
тогда?!
Я не знаю почему,
но мне кажется,
вы попали
в нечестную
игру.
Вам история назначила —
каждому! —
по свиданию
на этом углу.
Обещала показать
самое гордое —
мир
без позолоченного зла,
наврала,
наговорила с три короба,
а на эти свидания
не пришла.
Идиотская,
неумная шутка!
Но история думает
свое...
И с тех пор
неторопливо и жутко
все вы ждете,
все ждете ее.
Вдруг покажется,
вдруг покается
вдруг избавит
от запойной
тоски!..
Вы стоите на углу,
покачиваясь.
Вызывающе подняв
воротники...
А она проходит мимо,
история,
раздавая
трехгрошовые истины...
Вы постойте,
парни.
Постойте!
Может быть,
чего-нибудь
и выстоите.

Вена.

Эмиль Лотяну

Эмиль Лотяну — один из наиболее ярких талантов в молодой молдавской поэзии. Со своей второй книгой «Кемаря стелелор» («Зов звезд») он как-то утверждается без возрастного определения. Это очень живая, звонкая и современная поэзия.

Его талант не спешит к завершенности, а бьется в жадном, можно сказать, даже азартном разворачивании вопросов.

Я воспринимаю лирику Лотяну как острый взгляд в действительность, она во многом отвечает моим привязанностям в поэзии. Человек идет по новой жизни, по тем вершинам, трудностям и красотам мира, ради которых стоит жадно жить, бороться и страдать. Своим взглядом он обнаруживает суть явлений, яркость торжествующего творения, освобожденную от обыденной пыли. Я рад, что в нашей молодой поэзии появился такой пронзительный, чистый голос.

Лотяну известен у нас в трех ипостасях: поэт, сценарист, режиссер. Это тоже идет от творческого беспокойства, от богатства и подлинности его натуры советского художника. Можно только пожелать ему новых успехов в его творчестве.

Андрей ЛУПАН

Баллада о напрасно прожитом дне

До свидания, день! Но я знаю, что
встречи не будет.
До свидания, миг! Но по-честному —
до никогда.
Мчатся тысячи дней, но вчерашний,
он разве разбудит?
Но вчерашнего дня не влетит золотая
орда.

Встречу тысячи дней, но
единственный день провожаю.
Он в зеленом вагоне влепил
подбородок в окно.
Я не стоил его, и поэтому к горлу
ножами
Подобралась тоска, от которой
не лечит кино.

Буду землю ласкать, целовать
травянистые склоны,
Над которыми поезд колесами
должен вращать.
Знаю, в миг расставания все мы
к амнистиям склонны,
Но убийство прошедшего дня
Разве можно прощать?

Арифметика времени — библия всех
арифметик.
В арифметике времени — тайна
живого белка.
Что такое мгновение? Море, которое
светит
Посредине земли. Тонкий гвоздь,
сколотивший века.

О мужчины и женщины! Низко вам
кланяюсь в ноги.
Вы с утра улыбались и думали:
я вам ровня.
Разве девочка знала, меня увидав
на дороге,
Что она повстречала убийцу
летящего дня?
Было небо огромно, был город
зеленым и белым.
Карандаш лесоруба отметиной лег
на коре.
Я мгновенья расталкивал,
я суетился и бегал,
Локти — в стороны, руки —
в карманы, как шут при царе.

Слышишь? Колокол бьет. Так звонят
на пожар, на восстанье,
Так отчаянно бьет уходящий
в историю миг.
До свидания, день! И свой грех
искупать я останусь,
Как за тридцать монеток продавший
Христа ученик.

Я стою на откосе, краснеет дорожная
веха.
Что же медлишь ты, солнце! Казни
за убитые дни.
Но мгновенья летят! Но я все-таки —
сын человека
И хочу быть огромен, талантлив и
щедр, как они.

Риск

Я верю, я верю в риск,
В безумное счастье риска,
Как верит в летящий диск
На играх метатель диска.
И бьется в ладонях шар
Надежды, как небо, белой.
До истины — детский шаг,
Но самый большой и смелый.
Да будет всегда с тобой
Удача, метатель диска!
Я верю, как верят в бой,
В жестокую мудрость риска.

Перевела Юнна МОРИЦ.

С молдавского

Повесть

АРКАДИЙ АДАМОВ

Рисунки П. Пинкисевича.

Личный досмотр

ГЛАВА 1

Сутки в гостинице «Буг»

О чем только не передумал Андрей Шмелев за эти шестнадцать часов, пока экспресс «Москва — Берлин» домчал его к месту первой работы, в пограничный город Брест! О чем он только не передумал!..

Еще в Москве, попав в купе, Андрей забросил наверх свой чемоданчик и растянулся на верхней полке. Только бы Семен не дергал его, не обращался с дурацкими вопросами.

И Семен не дергал. Казалось, он тоже был доволен, что Андрей не наблюдает за ним и не делает своих обычных насмешливых замечаний. Семен бережно разложил свои вещи — два больших чемодана, саквояж и туго набитую сумку,— потом аккуратно повесил в изголовье пиджак и, усевшись у окна, закурил, поглядывая с чувством облегчения и даже некоторого превосходства на суетящихся по перрону людей.

Андрей же молча лежал на верхней полке, положив голову на серую, еще без наволочки подушку и упираясь ногами в противоположную стенку купе: полка была ему явно не по росту. Лежал и думал.

Жгутин... Что он за человек, этот Жгутин, будущий его начальник? И еще — Филин, его заместитель. Какие они, как будет работаться с ними? Жгутин и Филин... Филин и Жгутин... Ничего о них не знает Андрей. Жгутин!.. Фамилия-то какая! Жгут... Ох, скрутит он Андрея! Крутой, наверно, человек, грубый, властный... Тьфу! Глупости какие лезут в голову. Разве можно по фамилии догадаться, каков ее обладатель! Тогда Филин каков? Ночная птица, злая, в темноте охотится, тайком...

Андрей улыбнулся. Он знал за собой эту черту: зацепится за какую-нибудь деталь, ничтожный штришок в человеке — и пойдет фантазировать! И всего человека додумает, весь его характер, и уже относиться начинает к нему соответственно. И вдруг оказывается, что все не так, что человек-то совсем не таков, каким Андрей его вообразил.

Вот Семен, кажется, уже кое-что знает о Жгутине и Филине, какие-то сведения собрал. Как хитро он ему сказал по дороге на вокзал, в такси: «А ключики к нашим будущим начальникам подобрать, кажется, можно. Тоже люди-человеки». Хитер Семен, и этой своей хитростью и еще чем-то неприятен он Андрею. Все пять лет был неприятен, пока учились в институте. И надо же было так случиться, что направление на работу получили в одно место все трое: он, Семен и Люся.

Впрочем, у него с Люсей это произошло так неожиданно, одним махом разрушив все их мечты и планы, что Андрею до сих пор тяжело думать обо всем этом. А не думать он не может. Как ни гонит он от себя эти мысли. Впрочем, все было бы еще не так тяжело, если бы не Люся...

Да, это произошло слишком неожиданно. А человеку всегда надо время, чтобы свыкнуться с предстоящим поворотом его судьбы. Только одному надо времени больше, другому — меньше. Люсе надо больше.

Все годы они были отличниками, им пророчили самую блестящую будущность, больше того, имелось даже решение послать их на работу за границу. А если говорить честно, то что может быть интереснее такой работы?

И вдруг все перевернулось. В один день.

Да, конечно, за последние годы расширились наши международные связи: огромное число людей с Запада — друзей, а иногда и врагов — пересекает сейчас нашу границу. А сколько наших людей стало выезжать за рубеж! Вырос объем внешнеторговых операций. Понятно, что возросла и роль таможни. Она стала еще более острым и чутким инструментом нашей политики, важным звеном в торговле с другими странами. Все это ясно. Представитель Главного таможенного управления мог даже и не тратить столько слов. И, конечно, теперь в таможнях особенно нужны кадры молодых, образованных специалистов, знающих иностранные языки.

Андрей все понял и согласился. Что поделаешь! Надо! А раз надо, то у него, коммуниста, другого решения быть не может.

Это Андрей усвоил давно. Так его учил отец, и так он сам поступал всю жизнь. Андрей видел это собственными глазами и гордился отцом. Мать иногда пыталась возражать, но отец гладил ее по седым волосам — Андрей почему-то помнил мать только седой — и тихо говорил: «Надо, Шура. Так надо». И оттого, что эти слова произносились не с трибуны, а с глазу на глаз, строго и буднично, маленький пионер Андрей чувствовал, как от волнения спазм сжимал ему горло, он молча глотал слезы и в этот миг готов был идти за отцом куда угодно и делать все-все, самое трудное и опасное.

И вот сейчас «надо» было сказано ему, Андрею. Это был первый действительно серьезный приказ партии ему, молодому коммунисту. И Андрей подчинился. Он уже давно знал, что «надо» куда важнее, чем «хочу».

А вот Люся... Она ничего не хотела знать. Она только требовала, чтобы Андрей не соглашался. И как требовала! Андрей никогда не видел ее такой.

Но он согласился. И вот вместо работы за границей они с Люсей получили назначение в Брест, на таможню...

Давно уже тронулся поезд, давно уже промелькнули пригороды Москвы, дачные поселки. Уже сквозь ватные клочья паровозного дыма были видны лишь бесконечные заснеженные поля до самого горизонта, где они незаметно сливались с серым, унылым небом. Над обледенелыми нитями телеграфных проводов парили, тоскливо горланя, большие черные вороны.

Андрей все лежал, все курил и думал.

Да, Люся изменилась. И ведь вот что странно. Не первый же год знает ее Андрей, и все эти годы они жили дружно и были счастливы. Люся гордилась им, когда он на третьем курсе стал отличником, секретарем факультетского комсомольского бюро, потом внештатным инструктором райкома. И она в эти годы шла вровень с ним — веселая заводила факультетской самодеятельности, член бюро и тоже инструктор райкома. И за все эти годы ни одной серьезной размолвки. Да, но за эти же годы ни одного серьезного испытания, ни одной крупной неудачи. А разве можно прожить без этого жизнь?

И вот оно случилось, такое испытание. А, может быть, и неудача?

Неудача? Это считает Люся. Она рассуждает так: почему именно мы? Разве нет других? Ведь нам же обещали. Это — неуважение к людям. Мало ли, что надо! Это тот, старый принцип: главное — дело, а потом уже люди.

Андрей возражал терпелизо, даже как-то виновато. Что значит «именно мы»? Так может рассуждать каждый. Нам обещали? Но всем уже что-то обещали. «Надо когда-нибудь подумать не только о себе, но и обо мне!» — кричала ему Люся. Будто он, Андрей, раньше думал только о себе. Просто они с Люсей раньше думали одинаково. А теперь?.. Да, Люся очень изменилась. С нарастающей тревогой замечал это Андрей в последнее время, замечал, может быть, по едва уловимым черточкам. Холодно, ох, как холодно стало Андрею дома по вечерам! Даже Вовка не согревал, ласковый и веселый его мальчуган. Почти каждый вечер теперь Андрей сам укладывал его спать: Люся уходила к подругам.

Да, все у Андрея вдруг пошло кувырком, все планы, все мечты.

И вот он едет с Семеном в Брест. Потом получит комнату, и приедут Люся с Вовкой. И Андрей уже даже не знает, радует его это или нет. То есть Вовка-то, конечно, радует, а вот Люся...

Незаметно наступила ночь.

А на следующий день поезд подошел к разворо-ченному строителями, огороженному дощатыми заборами перрону Брестского вокзала.

На маленькой привокзальной площади уйма такси. Когда они назвали гостиницу, шофер усмехнулся. Минута — и, проехав два моста над железно-

дорожными путями, машина затормозила у подъезда гостиницы.

И вот Андрей стоит уже в своем номере, оглядывая скромную его обстановку.

Отдельный номер!

— Вам повезло, что зима сейчас,— улыбнулась полная женщина-администратор, выписывая квитанции.— А летом у нас и койки не получишь.

Отдельный номер!.. Где-то за стеной остался Семен Буланый. Ну и слава богу, что остался. Распаковывает, наверно, свои чемоданы, баулы и, конечно, сопит, как тогда, в вагоне.

Андрей подошел к окну. Заснеженный двор. Молодая женщина выносит ведро на помойку. Она бежит через двор в легком платье, четко обрисовывающем ее фигуру... Андрей отвел взгляд и, безотчетно вздохнув, взял стоявший сиротливо посреди комнаты чемодан, положил на стул, раскрыл и начал перекладывать на полки шкафа немудреное свое имущество.

Тишина. Он один. Все-таки здорово, что он один! И только Андрей подумал об этом, как раздался стук в дверь.

— Шмелев! На выход!

Андрей неохотно открыл дверь. Семен переступил порог и, оглядевшись, сказал:

— По идее, нам следует принять пищу.— Он слегка щелкнул по стеклу наручных часов.— Начальству надо представляться сытыми. Чтобы не было голодного блеска в глазах. Итак, столик на двоих. Как?

— Можно,— коротко согласился Андрей.

Он сдернул со спинки стула пиджак, на ходу пригладил рукой волосы.

Вышли в длинный, пустой, плохо освещенный коридор. По обеим сторонам — двери, двери, двери, старенькие, с облупившейся краской, иные чуть перекошены.

На фоне светлого пятна впереди — там была широкая площадка с окном и лестница вниз — резко выделялись фигуры двух идущих парней. Андрей — высокий, широкий в плечах, неуклюжий, а рядом — легкий, стройный Семен. И лица у них тоже были совсем разные. У Андрея широкое, румяное, с крупными, неправильными чертами. Светлые, короткие волосы курчавились на висках. У Семена черные волосы гладко зачесаны назад, мраморный лоб, тонкие черты лица. Выразительные карие глаза его смотрят дерзко и чуть иронично.

Молодые люди спустились по широкой лестнице, устланной старенькой ковровой дорожкой, и прошли через узкую дверь в ресторан.

Посетителей в этот час было мало, большинство столиков пустовало. Светло, просторно. Белые скатерти, вазочки с бумажными салфетками, тарелки с хлебом.

Андрей и Семен расположились за ближайшим столиком, и в тот же миг, не сговариваясь, оба устремили взгляд на сидевшую неподалеку женщину.

Она была очень хороша. Нежные, тонкие черты лица, освещенные задумчивой полуулыбкой, вьющиеся белокурые волосы крупным пучком собраны на затылке, длинная, тонкая шея. В белой пене кружев обрисовывается высокая грудь. Изящные ножки, обутые в дорогие туфли-«гвоздики», небрежно закинуты одна на другую. Толстая, ворсистая юбка еле прикрывает колени.

Женщина сидела свободно, откинувшись на спинку стула, небрежно перебирая рукой бумажную салфетку, и мысли ее, казалось, бродили где-то далеко-далеко и от этого ресторана и, вероятно, от этого города.

Долгое время молодые люди не могли отвести глаз от своей неожиданной соседки. Потом молча переглянулись.

— М-да,— восхищенно произнес наконец Семен.— Кто бы мог подумать! Открытие.

Андрея тоже поразила красота женщины, красота какая-то особая, будоражащая, всем открытая, умело «поданная», даже, может быть, чуть навязчиво и зазывно, но это только «чуть», это нисколько не отталкивало.

Он вдруг представил себя с этой женщиной в театре, гуляющим по фойе, представил взгляды мужчин и женщин... Потом они едут в такси домой, он ее провожает, чувствует плечом тепло ее плеча... Андрей нахмурился: что за дурацкая фантазия!..

— Как думаешь, можно познакомиться? — нетерпеливым тоном спросил Семен.— В наше время личные контакты...

— Ладно тебе!..— буркнул в ответ Андрей и вдруг, как бы увидев себя со стороны вот таким угрюмым и смущенным, добавил с усмешкой:— Которые холостые, тем, конечно, все можно.

Семен обрадованно потер руки и, привстав, сказал:

— Порядочек! Заказ сделаешь сам, а я удаляюсь в творческую командировку.

— Между прочим, все-таки неудобно...

— Неудобно левой рукой чесать правое ухо. Это меня еще бабушка предупреждала. Приветик!

Знакомиться с девушками Семен Буланый умел так легко и свободно, с такой естественной непосредственностью, как никто в институте. «Главное — это находчивость и море обаяния»,— хвастливо пояснял он приятелям.

Встав со своего места и огибая столик, Семен тихо сказал:

— Кстати, знакомство может оказаться полезным. Эта фея — штучка не простая.

Андрей сердито пожал плечами и углубился в изучение меню. Потом подошла официантка, и он сделал заказ. Только после этого Андрей позволил себе наконец скосить глаза на столик, где сидела незнакомка. И тут его взгляд неожиданно встретился с ее любопытным и смелым взглядом. Андрей первый отвел глаза.

О нет, он был совсем не таким уж робким парнем, как могло показаться, и в другое время охотно бы познакомился с этой красивой женщиной!

И то, что он так смутился под ее взглядом, задело Андрея. Когда официантка принесла заказанные блюда, он повернулся к Семену и весело сказал:

— Как говорилось раньше в пьесах, кушать подано. Приглашай свою знакомую за наш стол. Здесь обслуживают быстрее.

— А в самом деле, Наденька, — оживился Семен.— Моему другу иногда приходят в голову остроумные идеи. Пойдемте к нам.

— С удовольствием.

Женщина легко поднялась со своего места.

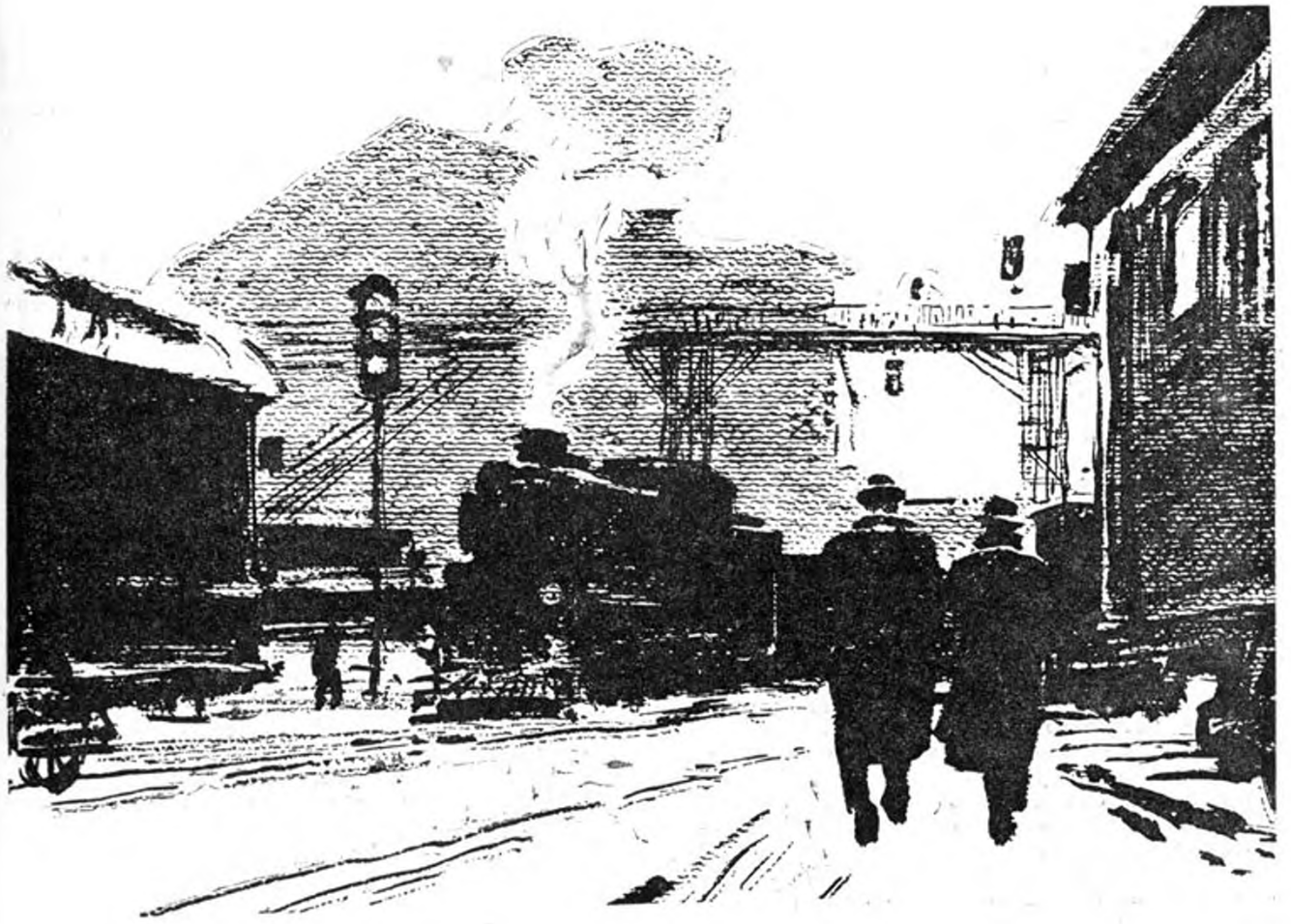
— Андрей.

— Надя.

За столиком завязался оживленный разговор.

«Кто она такая?» — думал Андрей, то и дело встречаясь с ней взглядами, при этом оба улыбались дружески и весело.

— А теперь скажите мне, кто вы,— обратилась она к Андрею,— а то ваш друг только смеется и не

хочет ничего говорить. Я просто сгораю от любопытства. Женщине это простительно, правда?

— Мы приехали работать сюда. В таможню.

— В таможню!

Надя немного картинно всплеснула красивыми руками с ярким маникюром. В глазах ее на секунду мелькнул напряженный, пытливый интерес.

Но внешне она ничем, почти ничем не выдала своих чувств. Только чуть сузились глаза, дрогнули брови, когда она посмотрела на Андрея, удивленно переспросив:

— Неужели в таможню? И это интересно?

— Это надо,— пожал плечами Андрей и вскоре, взглянув на часы, прибавил, обращаясь к Семену: — Пора двигаться.

— Позволь, мы еще ничего не узнали о нашей знакомой,— запротестовал тот.— Кто же вы-то такая? — обратился он к Наде.

— О, у вас еще будет случай узнать меня! — кокетливо рассмеялась та.— Мы еще не раз увидимся.

В ответ Семен решительно рубанул рукой воздух:

— Тогда так. Встречаемся здесь за обедом. Ну, скажем, часов в пять. Сговорено?

Когда они вышли из ресторана, на секунду невольно остановились. В неподвижном воздухе громадными хлопьями валил снег. Хлопья падали медленно, словно нехотя, и так густо, что за ними еле просматривались дома на противоположной стороне улицы.

Оба зашагали в сторону вокзала.

Андрей шел и думал о предстоящей встрече. Итак, сейчас обретут наконец плоть и кровь эти бестелесные Жгутин и Филин, его будущие начальники. Уже нет смысла рисовать их себе, придумывать их облики, характеры. Уже скоро, уже совсем скоро он познакомится с ними. Как еще будет с ними работаться? Да и что это за работа? Первые сведения о ней Андрей получил лишь недавно, и то из Большой Советской Энциклопедии. Специального курса по таможенной политике и работе таможен им в институте не читали. И на его вопрос после распределения: «С чем ее едят?» — присутствовавший там сотрудник таможни весело ответил: «Ее едят с пошлинами и контрабандистами, с гостями-друзьями и гостями-врагами — словом, приправ к этому блюду много, на все вкусы». Когда Андрей так же шутливо передал эти слова Люсе, она брезгливо повела плечами и раздраженно сказала: «В сторожа какие-то попали. Стоило пять лет учиться!» Андрей тогда промолчал. Вообще он за эти дни научился отмалчиваться.

Андрей представил себе Люсю, ее красивое и злое лицо,— никогда раньше Андрей не видел на ее лице столько злости,— не обиды, не огорчения, не упрека, а именно злости. Потом вдруг, заслоняя Люсю, выплыло лицо этой Нади, новой его знакомой, лицо веселое, полное расположения и интереса к нему.

Андрей покосился на идущего рядом Семена. Тот шел легко и весело, засунув руки в карманы паль-

то. Шляпа его была чуть сбита набок, бледное обычно лицо разрумянилось. Видно было, что никакие грустные мысли, никакие сомнения не одолевали Семена.

Снег все валил и валил, мешая ориентироваться в новом, незнакомом городе. Прохожих было мало. Стояла такая тишина, что Андрей слышал шорох падающих снежинок.

Но вот где-то внизу в молочно-снежной глубине замигали огни, донеслись гудки паровозов, перестук колес. В вихре снежинок замелькали крыши вагонов, проступили черно-белые клочья дыма.

Андрей и Семен очутились на краю заснеженного откоса. Тогда они свернули влево, прошли по дорожке, вытоптанной в снегу, и вступили на виадук, который вел через железнодорожные пути к вокзалу.

Новое здание вокзала внешне было величественно и степенно, как храм. И Андрей, как он ни волновался, все же невольно подумал, что такая архитектура не для вокзалов с их неизбежной суетой, вечно лихорадочным темпом жизни, где люди все время ждут перемен, движутся им навстречу.

Семен остановил первого встречного носильщика:

— Где тут у вас таможня, папаша?

Носильщик стал объяснять с такой охотой и такими подробностями, что ясно обозначившееся вначале направление стало запутываться, теряться и Семен наконец досадливо сказал:

— Слушай, папаша, у вас все тут такие? И остается время на работу, да?

Носильщик обиделся.

— Языки у вас, молодых, больно длинные стали.

Но все же кое-что из его объяснений пригодилось. Они уверенно пересекли огромный зал ожидания, где на длинных светлых скамьях сидели люди. Некоторые из них оживленно разговаривали, другие ели, разложив на салфетках нехитрую снедь, кое-кто спал. Между скамьями бегали дети.

За этим залом оказался вход в другой зал. Сбоку лестница вела на второй этаж. Очевидно, про эту лестницу и говорил им носильщик, ибо никакой другой здесь не было.

Проходя мимо второго зала, Андрей посмотрел в приоткрытую дверь. Зал был большой и совсем пустой. Посередине огромным овальным кольцом разместился стол, внутри овала протянулся другой стол, повыше.

— Интересно, что тут делают? — спросил Андрей, кивнув на дверь зала.

— Надо читать вывески,— откликнулся Семен.— Еще Маяковский советовал.

Андрей поднял глаза. Действительно, как он сразу не заметил! Аршинными буквами было написано: «Зал таможенного досмотра».

— Так сказать, наше рабочее место,— продолжал Семен, когда они уже поднимались по лестнице.— Ничего себе столик для занятий!

Они прошли по открытой галерее над таможенным залом и попали в коридор, в конце которого обнаружили дверь с надписью «Начальник таможни».

И тут каждый из них, не сговариваясь, сделал то, что обычно делают перед первым представлением начальству. Андрей поправил шляпу, застегнул пальто; Семен, наоборот, сдвинул шляпу чуть резче набок, расстегнул пальто и небрежно выпустил из него концы яркого кашне.

Андрей постучал. За дверью послышалось: «Пожалуйста, пожалуйста». Она сама открылась, и на пороге ее появился невысокий полный человек в форме сотрудника таможни с одной большой звездой на бархатной петлице. На широком, бугристом носу его сидели очки в темной оправе с очень сильными стеклами, отчего глаза казались за ними неестественно большими. Розовые складки щек наползали на воротник форменного пиджака.

Человек, как показалось Андрею, удивленно оглядел молодых людей и добродушно пророкотал:

— Ага. Молодое пополнение прибыло.

Он подошел к столу и прочел запись на перекидном календаре.

— Товарищи Шмелев и Буланый. Так, если не ошибаюсь?

— Так точно,— подтвердил Семен и со скрытым лукавством добавил:— Прибыли для прохождения службы под вашим руководством.

— Правильно, под моим,— принимая его тон, усмехнулся толстяк,— хотя и поздновато прибыли.— Он кивнул на заснеженное окно и тут же энергично замахал руками, словно его кто-то перебивал.— Знаю, знаю. Причины были. Словом, раздевайтесь. Присаживайтесь. Сейчас потолкуем.

Последние слова он произнес с таким смаком, при этом потирая руки, словно собирался дегустировать вкусное блюдо, а не вести деловой разговор.

Андрей и Семен сняли шляпы и пальто.

Жгутин вначале расспросил их об учебе в институте, о том, как случилось, что они пришли на работу в таможню. Андрею он сказал, что это, мол, хорошо, когда приезжают семьями. Это значит надолго, навсегда. Андрей, подавив вздох, согласно кивнул головой. Потом Жгутин принялся расспрашивать Семена.

Говорил он быстро, весело, напористо, и эта манера разговора совсем не вязалась с его внешностью. Но весь он лучился доброжелательством и словно сам молодел в присутствии этих молодых людей.

Когда разговор снова перекинулся на работу таможни, Семен, уже вполне освоившийся в новой обстановке, сказал:

— Для начала, Федор Александрович, вы нас не очень загружайте. Самообразованием заняться надо. Ведь мы в этом деле, как говорится, ни в зуб ногой.

— Все придет. Все придет,— хлопотливо замахал руками Жгутин.— Мастерами станете, контрабанду на два метра под землей чуять начнете. К опытнейшим людям вас приставим. Будете пока оба в смене у Шалымова Анатолия Ивановича. Завтра она работает. А сегодня дадим вам наш кодекс таможенный, главнейшие из правил, инструкции. Читайте. Усваивайте.

— Сегодня, Федор Александрович, день особенный,— вкрадчиво и многозначительно произнес Семен.— Мы, конечно, изучим то, что вы нам дадите. А вот вы не откажитесь изучить то, что у нас имеется. Прихвачено, так сказать, из столицы.

На лице Жгутина появилось неподдельное удивление. С не меньшим удивлением посмотрел на Семена и Андрей. Жгутин перехватил этот взгляд и невольно отметил про себя: «Ребятки-то разные».

— Что же такое мне изучить прикажете? — шутливо спросил он.

Семен уже совсем весело ответил:

— Но это только в нерабочее время. И желательно в сугубо нерабочей обстановке.— Он таинственно понизил голос.— Речь идет о дегустации. Продукция лучших кавказских фирм.

Жгутин улыбнулся. При этом полное лицо его приобрело то же выражение, что и вначале, когда

он сказал: «Присаживайтесь. Потолкуем». Только теперь оно было куда объяснимее. Даже не зная Жгутина, можно было в этот момент угадать в нем отчаянного чревоугодника. И Андрей невольно подивился тому, как узнал Семен об этой слабости Жгутина. Причем Буланый довольно беззастенчиво пытался сейчас играть на ней. И Андрею стало так стыдно, что хотелось взять Семена в охапку и выкинуть из комнаты или уйти самому.

Но, по-видимому, Андрей все сильно преувеличивал, ибо Жгутин отнесся к предложению Семена спокойно, хотя и не без скрытой иронии.

— Насчет дегустации — это вы напрасно. А вообще, что ж, рад буду видеть вас сегодня у себя. Запомните адрес.

Спустя несколько минут в кабинет без стука вошел худощавый, подтянутый человек лет за сорок. Серые от сильной проседи волосы его были гладко зачесаны назад, такого же цвета глаза смотрели твердо и пристально, с какой-то непонятной значительностью. Человек этот хмуро поздоровался, окинув приезжих быстрым, испытующим взглядом.

— Вот, Михаил Григорьевич, прибыли наши москвичи,— сказал ему Жгутин, делая приветственный жест рукой, и, обращаясь к Андрею и Семену, прибавил: — Мой заместитель товарищ Филин.

Андрею Филин не понравился. И взгляд его не понравился и как он пожал ему руку — не то неприязненно, не то высокомерно. При этом выражение лица у Филина было такое, будто выполняет он какую-то неприятную обязанность. Всем своим видом он как бы говорил: «Руку я тебе пожимаю, но это ничего не значит. Я еще погляжу, какой ты есть фрукт, а пока что не только симпатии, но даже доверия ты никакого не заслуживаешь». И Андрей с угрюмым видом пожал в ответ ему руку.

Зато Семен поздоровался с Филиным так просто и дружески, что Андрей невольно подумал: «Как это он умеет! Ведь этот тип ему тоже, наверное, не понравился».

— Привет вам из Москвы, от Капустина,— сказал Семен Филину и с улыбкой добавил: — Просил нас любить и жаловать.

Лицо Филина на секунду оживилось, тяжелые брови чуть разошлись, исчезла суровая морщинка между ними, на тонких губах мелькнула улыбка. Но, словно сердясь на себя за эту минутную слабость, он сухо произнес:

— Вам придется назубок выучить все наши законы, инструкции и правила. Без этого к самостоятельной работе допущены не будете. А за привет спасибо.

«Ну и ну,— подумал Андрей.— Послал бог начальников!»

В тот день, когда Андрей и Семен спустились закусить в ресторан, Надя Огородникова оказалась там не случайно. И ей, конечно, не следовало пересаживаться за их столик. Если бы Полина Борисовна увидела ее в таком обществе, она бы ни за что не подошла, а это могло закончиться большими неприятностями для Нади. Но дерзкая ее натура взяла верх над доводами самого занудливого, по ее мнению, советчика на свете — разума. «Надо, надо. А вот я хочу! Мне так приятно!» Да, главное на этот раз было даже не «я хочу», а «мне приятно». Ибо этот высоченный парень с копной светлых волос, с открытым и каким-то чистым взглядом понравился ей.

К счастью, Клепикова пришла чуть позже, когда этот парень и его товарищ уже ушли. Надя сразу заметила ее щуплую, сутулую фигуру в синем шелковом платье. В руке она держала потертую черную сумку. Гладко зачесанные, черные как смоль волосы ее разделялись серебристо-седым пробором.

Полина Борисовна остановилась в дверях и не спеша обвела взглядом небольшой зал. Надя сделала ей знак рукой.

Расположившись за столом и тщательно расправив на коленях все складки, Полина Борисовна проворчала обиженно и сердито:

— Все бы тебе, Надька, по ресторанам, все бы на люди себя выставлять.

Надя в ответ своенравно повела красивыми плечами:

— Ну и что? Молодость один раз, кажется, дается. Самое время себе радость доставлять. И другим тоже. Вы не думайте, я не эгоистка.

— Срамница ты. Ну, что выставилась?.. Ведь ресторан здесь. А мужики кругом аппетита лишаются.

Надя звонко рассмеялась, но тут же, как бы спохватившись, прикрыла ладошкой рот и плутовски огляделась. Борясь со смехом и не отнимая руки ото рта, она сказала:

— Пусть мне их жены спасибо за это говорят. Больше денег мужья домой принесут.

Клепикова поджала сухие губы и осуждающе покачала головой:

— Втихомолку, милая, все можно делать, а на людях надо не выставляться, а среди них прятаться.

— Ах! — капризным тоном воскликнула Надя.— Муж был и так не перечил, не воспитывал меня, как вы.

— Чего мне тебя воспитывать? Слава богу, сама не одного мужика воспитала.

— Вот вы опять!

Но тут, помимо своей воли, Надя вдруг подумала о Засохо. Да, многие влюблялись в нее, кое-кого из них и она дарила свой любовью. Вот и первого своего мужа тоже. При мысли о Платоне ее даже сейчас охватило чувство брезгливости. Слизняк! Так подвести всех и ее в том числе! Каким чудом выскочила она из того дела, Надя и сама до сих пор не может понять. А потом появился Артур Филиппович. Это он ей помог выскочить из второго дела, в Раменском, под Москвой.

Артур Филиппович потряс ее тогда своим размахом. Надя не только легко уступила его домогательствам, она так же легко переняла и его взгляды, его мечты, его образ жизни. Вскоре после этого она прогнала Платона, она больше не могла выносить этого слюнявого интеллигента.

Спустя два года ей пришлось самой уехать из Москвы. И тогда Артур Филиппович указал ей город, где следовало поселиться, передал кое-какие полезные связи.

Давно кончилась у них любовь, а дружба осталась, полезная для обоих дружба. Но только совсем недавно Артур Филиппович вдруг приоткрылся. Впервые за пять лет, и каких лет! И бессонные ночи, и попойки с клятвами в вечной любви, и тревожные ожидания беды, жестокой расплаты — ничто не заставило Артура Филипповича по-настоящему открыть ей душу. Это случилось только недавно, совсем недавно.

И вот оказалось, что Артур Филиппович, с его огромными связями, деньгами, с умением подчинять себе людей, с его опытом и размахом, вовсе не хозяин себе, им тоже кто-то командует, кто-то и его учит.

Если бы Надя не была так ошеломлена этим открытием, она бы поняла из дальнейших слов Артура Филипповича, что отнюдь не особой дружбой объясняется его откровенность. Он сказал, что этот «кто-то» изъявил желание с ней познакомиться. Но в тот момент Надя могла скользить мыслью только по поверхности явлений, в самом примитивном и привычном для нее направлении. Поэтому она усмехнулась и спросила: «Выдал рекламу моим ножкам? Подарочек шефу?» Но тут Артур Филиппович, позеленев от злости, «выдал» ей самой такое, что Надя разом притихла и виновато заморгала длинными черными ресницами. А поразмыслив на досуге, она поняла, что такого гостя надо встречать не ножками и не чарующими улыбками.

Накануне встречи с таинственным московским гостем Надя прибежала в ресторан «Буг». Полина Борисовна должна была помочь ей в этом предприятии. Поэтому ссориться с ней сейчас было по меньшей мере безрассудно, несмотря на невыносимо сварливый ее характер. Надя решила терпеть и поскорее перевести разговор на деловые рельсы.

— Ах, Полина Борисовна, вечно вы ко мне придираетесь! — вздохнула Надя.— А я вас все-таки люблю.

Бесчисленные морщинки на маленьком, пергаментном личике старухи разбежались в хитрой улыбке.

— Полно врать-то. Будто я не знаю, чего ты любишь.

— Не буду спорить! Вы женщина умная,— кротко сказала Надя и, пригнувшись, уже совсем другим тоном, сухо и требовательно, спросила: — Юзек был?

— Что был, что не был.

Не глядя на Клепикову, Надя раздраженно сказала:

— Я не люблю разгадывать загадки. Был Юзек?

— Ну, был.

— Принес?

— Ничего он не принес.

— Как это понимать? Прокол?

— А что же еще?

— Так.— Надя на секунду задумалась. Потом снова спросила:— Ну, а взял-то все?

— Ничего не взял.

— Что-о?!

Надя, забывшись, взволнованно всплеснула руками. Такого она не ждала. Это уже не шуточный удар. В момент, когда надо чем-то блеснуть, вдруг такой провал! На ум пришла было спасительная мысль: Юзека передал ей в свое время Артур Филиппович, так пусть он за него и отвечает. Но мысль эту пришлось тут же оставить. Она имеет дела с Юзеком уже два года, могла сама разобраться, чего он стоит.

Покусывая губы, Надя задумчиво, невидящим взглядом блуждала по лицам людей за столиками, и мужчины помоложе приосанивались, стремясь обратить на себя внимание этой красивой женщины. Но Наде сейчас было не до них.

Пока она размышляла, Клепикова без излишней поспешности, спокойно и обстоятельно съела заказанный Надей омлет с сыром и принялась за кефир.

— Почему же Юзек не взял?

— От страха. Таможня житья не дает. Говорит, нигде в мире такой нет. А уж он поездил.

— Таможня?!..

Тут Надя вдруг вспомнила своих новых знакомых. Они ведь будут работать там! Пожалуй, это — лучший подарок для московского гостя. А Андрей такой интересный парень! Надя в безоблачном своем настроении, с которым она пришла сюда, уже готова была пуститься в очередное приключение. Но сейчас... Впрочем, сейчас это может оказаться даже полезным. «Ах, Надька, ты в сорочке родилась!» — самодовольно подумала она.

Как бы угадывая направление Надиных мыслей, Клепикова ворчливо сказала:

— И ни одной души там знакомой нет. Дело это, я тебя спрашиваю?

Почему-то, по давно установившейся манере, Клепикова, хоть она куда больше зависела от Нади, чем та от нее, все же присвоила себе манеру говорить ей «ты» и вечно предъявлять к ней всякие претензии. А Надя только посмеивалась, тем более, что это все нисколько не мешало ей командовать старухой.

— Что верно, то верно,— задумчиво согласилась она.— Пока ни одной души там нет. Пока...

Про себя же Надя решила: не выпускать из поля зрения новых знакомых. И полезно и приятно, не так часто совпадают эти две вещи в жизни. Ну, а что касается Юзека...

— Когда теперь Юзек приедет?

— Через два дня собирался, в пятницу.

— Вот тогда и поговорим с ним. Я сама приду.— И, понизив голос, добавила со значением: — А насчет таможни я кое-что, кажется, придумала.

Надя вынула зеркальце, с удовольствием глянула в него, поправила прядку волос, потом достала губную помаду и тщательно покрасила свои пухлые губы.

— Ну, я пошла, Полина Борисовна. Надо кое-что выяснить побыстрее,— деловито сообщила она, легко приподнимаясь со стула. При этом Надя улыбнулась так ласково и беззаботно, что со стороны могло показаться, будто приятельницы расстаются после пустячной болтовни.

— Ладно уж, иди. Я еще кофею, пожалуй, выпью.

Надя направилась не к выходу из ресторана, а в противоположную сторону, где находилась дверь, ведущая в вестибюль гостиницы.

Там Надя подошла к комнате дежурного администратора и, постучавшись, приоткрыла дверь. За столом сидела полная женщина и, скучая, перелистывала «Крокодил».

— Елизавета Федоровна, добрый день!

Женщина встрепенулась и, увидя Надю, обрадованно заулыбалась:

— Душенька, это вы! Подумайте! Я только сегодня видела вас во сне. Ну, думаю, к встрече. Представьте, получила вчера письмо из Москвы. Теперь туфли носят с таким длинным и тонким носом, что просто как шило, смотреть противно. Но это с непривычки. Душенька,— глаза Елизаветы Федоровны стали льстивыми,— если к вам придут, то не забудьте...

— Конечно, конечно. Но я к вам на минуту. У вас, наверно, уйма дел.

— Откуда вы взяли? Ведь зима же. Летом — да. Койки не достанешь. А сейчас — любой номер. Вот с берлинским два молодых человека приехали. И пожалуйста. Каждому по номеру на втором этаже.

— Кто такие? — с нескрываемым, даже подчеркнутым любопытством спросила Надя, по опыту зная, что это покажется куда естественнее, чем неожиданная сдержанность по отношению к такому интересному событию, как приезд в город новых людей.

Елизавета Федоровна суетливо полезла в ящик стола.

— У меня ведь их паспорта. Сейчас все узнаем. Правда, один, кажется, женат, а вот другой...

Пока она копалась в ящике с документами, Надя, нахмурившись, задумчиво покусывала губку. И вдруг ей пришла в голову дерзкая мысль. Настолько дерзкая и заманчивая, что все внутри у нее затрепетало от желания действовать, от сладкого ощущения предстоящего риска. Авантюрная душа ее жаждала новых приключений. Тем более, что в случае удачи дело с таможней будет наполовину сделано.

Надя мягко положила свою ручку на красную, грубоватую руку Елизаветы Федоровны и вкрадчиво сказала:

— Вы меня должны выручить, дорогая...

Во второй половине дня перестал наконец падать снег. Серая пелена туч прорвалась бледно-голубыми полыньями, и оттуда засияло солнце. Под его лучами нестерпимо ярко, до рези в глазах, заискрились снежные сугробы вдоль тротуаров, заваленные снегом крыши бревенчатых домишек городского предместья и весь громадный, уходящий вдаль снежный откос, за которым виднелись каменные здания центральной части города. Внизу, у подножия откоса, раскинулось запутанное и на первый взгляд бестолково-суетливое хозяйство крупного железнодорожного узла. Воздух то и дело оглашался гудками паровозов, и сами они черными, деятельными жуками торопливо ползли в разные стороны, ритмично работая красными рычагами колес. За ними с перестуком пробегали под мостом бурые товарные вагоны.

Андрей и Семен, щурясь от солнца и снега, прошли по одному мосту, затем по другому и вскоре очутились возле своей гостиницы.

В вестибюле Семен направился к газетному киоску, бросив на ходу:

— Я к тебе стукну через десять минут, и пойдем питаться. Вот только ознакомлюсь с печатной продукцией.

Андрей кивнул в ответ и направился к лестнице.

Когда он, дважды щелкнув замком, открыл свой номер, дверь соседнего номера неожиданно тоже открылась, и в коридор, к удивлению Андрея, вышла та самая молодая женщина, с которой он сегодня познакомился в ресторане. Она, в свою очередь, удивленная, весело улыбнулась.

— Оказывается, мы с вами соседи.

Ему почему-то было приятно это открытие, и, внутренне стесняясь своего чувства, Андрей улыбнулся ей в ответ. «Какая же она красивая, черт побери!» — не то с восхищением, не то с досадой подумал он, окинув неспокойным взглядом ее лицо и статную фигуру уже в другом, но тоже красивом, по-летнему открытом платье. «Странное дело,— подумал вдруг Андрей,— лица некоторых женщин, вот у Люси, например, как бы освещаются глазами, а у этой Нади на лице главное — это губы. От этих губ, честное слово, глаз не оторвешь, даже неудобно как-то». Андрей вдруг заметил, что его охватывает чувство сладкого ожидания и бесшабашное веселье, но не проходило и чувство неловкости, ощущение неуместности подобного веселья. Теряясь между этими противоречивыми чувствами, Андрей с чуть напряженной улыбкой ответил:

— Вот и прекрасно, что соседи.

— Правда?! И вы рады? — быстро переспросила Надя, словно ловя его на слове, и весело добавила, чуть понизив голос: — Мы можем в случае чего даже перестукиваться.

Андрей, поддаваясь ее шутливой таинственности, поднял палец:

— Идея! Только надо изучить Морзе.

— Совсем не надо,— замахала руками Надя и, словно осененная внезапной мыслью, вдруг на секунду умолкла, а потом с прежней интонацией сказала: — Знаете что? Приходите вечером ко мне пить кофе. Я вам постучу. У меня плитка есть и специальная кастрюлечка для варки. О, вы такого кофе еще не пили, ручаюсь!

— Сегодня вечером не могу,— с искренним сожалением ответил Андрей.— Приглашены к новому начальству.

— А вы возвращайтесь пораньше.

Андрею была приятна ее настойчивость. Он понимал, что нравится ей, и от этого сама Надя начинала еще больше нравиться ему.

— Мой товарищ, кажется, привез для дегустации слишком много спиртного, чтобы это быстро кончилось,— засмеялся Андрей.— А одному уйти, к сожалению, неудобно.

Они все стояли в коридоре, каждый у двери своего номера, держась за аляповатые металлические ручки, и со стороны этот затянувшийся разговор выглядел, вероятно, смешно и, может быть, даже немного странно. Они оба почувствовали это.

И Надя, тряхнув головой, сказала:

— Ну ладно. На всякий случай, когда кофе будет готов, я вам постучу. Три раза. Вот так: «Тук, тук, тук-тук».— И она согнутым пальчиком одной руки простучала по ладони другой, потом лукаво улыбнулась и добавила: — Для смелости можете захватить вашего приятеля. Но только для смелости. Мне он не нужен. Договорились? Тогда до вечера.

Она повернулась и, не дожидаясь ответа Андрея, легко побежала к лестнице. Толстая ковровая дорожка заглушила перестук ее каблучков.

Андрей улыбнулся и зашел к себе в номер. Однако боевая же соседка оказалась у него! Даже не то слово. Слишком уж смелая. Совершенно не стесняется. А впрочем, тут же заговорил в нем протестующий голос, что здесь неприличного, если бы часов в восемь или девять он зашел к ней ненадолго и выпил чашечку кофе? Почему надо сразу думать о человеке плохо? Другое дело, что он вернется значительно позже и кофе пить не придется. Это ясно. Пить придется водку. Об этом Андрей подумал без всякой радости.

Тем не менее, когда пришел Семен, Андрей ему не рассказал о своей встрече в коридоре. Себе он это объяснил так: Семен начнет глупо острить, при встрече может обидеть Надю, а ведь этот разговор с ней никаких последствий иметь не будет. Андрею сейчас не до романов. Слишком много бед свалилось на него. И потом Люся... Люсю он любит, очень любит. И она его, конечно, любит. Ну, мало ли что бывает? Пройдет. Дойдя в своих размышлениях до этого места, Андрей вздохнул. Что-то слишком горячо убеждает он себя, слишком горячо, как будто сам этому не очень верит.

В тот момент он и не думал о Наде.

Вечером в самой просторной комнате квартиры Жгутина собрались гости. Собственно говоря, из гостей были только Андрей и Семен. Пришел, правда, еще и Филин, но он только спустился с четвертого этажа на третий.

Комната казалась просторной еще и потому, что

в ней почти не было мебели, и ощущение создавалось такое, будто люди только что въехали в новую квартиру и из старой обстановки захватили лишь то, без чего абсолютно нельзя обойтись, рассчитывая в дальнейшем обставить комнату заново.

Проходя сюда из передней, Андрей случайно заглянул в приоткрытую дверь другой комнаты, поменьше. Там было тоже просто, но так уютно и красиво, что он с каким-то теплым чувством покоя и радости вошел в большую комнату. Тем резче ощутил он ее небрежное запустение.

Гостей встретили сам Федор Александрович в сером пиджаке и красивой, кирпичного цвета рубашке без галстука и удивительно похожая на него, такая же невысокая, полная, розовощекая, только без очков, его жена Нина Яковлевна.

— Хирург, между прочим,— отрекомендовал ее гостям Федор Александрович.— Режет. И скальпелем и языком. Последнее куда опаснее.

— И все равно не помогает,— весело отозвалась Нина Яковлевна.— Болезнь очень запущена.

Филин был уже в комнате. Как видно, приход гостей прервал какой-то жаркий его спор с хозяином. Потому что Федор Александрович, войдя в комнату, примирительно махнул ему рукой и сказал:

— Ладно, Михаил Григорьевич, оставим пока дела. А ваше взыскание я, конечно, отменять не буду.

— Можно подумать, что одолжение делаете,— сердито проворчал Филин.

Но, не обращая уже внимания на его слова, Жгутин энергично потер руки и, с неодобрением взглянув на портфель, который принес Семен, спросил:

— Ну-с, так как там Москва-матушка? Хорошеет, говорят, с каждым днем?..

Разговор зашел о Москве, и Андрей с Семеном, перебивая друг друга, стали рассказывать о новых транспортных тоннелях, линиях метро, жилых кварталах. И на внимательных, подобревших лицах их слушателей застыла довольная, но чуть грустная улыбка, как всегда бывает с людьми, когда им рассказывают об успехах и радостях далекого, но близкого их сердцу человека.

Потом Нина Яковлевна накрыла на стол, но, когда Семен вытащил бутылки с водкой и коньяком, она нахмурилась и, внимательно посмотрев сначала на него, потом на мужа, строго сказала:

— А вот это уже ни к чему. Не тем путем, молодой человек, начинаете служебную карьеру.

Андрей готов был провалиться сквозь землю. Жаркая краска залила его лицо, шею, лоб. Это было так заметно, что Филин при взгляде на него даже улыбнулся, хоть и иронически, но с оттенком сочувствия.

Сам Жгутин только развел руками, как бы призывая всех засвидетельствовать чудовищную бестактность супруги.

Только Семен не растерялся и бойко, с улыбкой возразил:

— Сразу видно, Нина Яковлевна, что вы не мужчина. Мужчине в голову не пришли бы такие обидные слова. А карьеру мы начнем знаете с чего? Мы такого контрабандиста поймаем, что все ахнут. Верно, Андрей?

Через некоторое время все уже мирно сидели за столом. Мужчины, успев выпить, раскраснелись и говорили возбужденно и громко. Даже Филин расстегнул форменный пиджак. Только Андрей, хоть и у него начинало шуметь в голове, смущенно помалкивал. Больше всех разошелся Федор Александро-

вич. Он говорил громко, отчаянно жестикулируя и успевая при этом почти непрерывно есть.

Разговор вернулся к дисциплинарному взысканию, которое наложил на кого-то вчера Филин.

Жгутин энергично закрутил головой:

— Нет, нет и нет! Это при Сталине так было. За малейшую провинность, даже оплошность, обязательно наказать.

— Между прочим при этом был порядок,— внушительно заметил Филин,— и было тихо.

Жгутин побагровел и, переходя почти на шепот, с ненавистью, которой даже нельзя было заподозрить в нем, переспросил:

— Порядок? Тихо? На кладбище тоже тихо. Вам такая тишина нравится?

— Пожалуйста, не искажайте мои слова,— поморщился Филин.— Прежних методов я не одобряю.

Но Жгутин не унимался. Равнодушно откликнувшись на тост Семена: «За здоровье всех присутствующих»,— он, морщась, выпил и с полным ртом снова обернулся к Филину:

— Значит, методов не одобряете? Ну, а результатом довольны? Так, выходит?

— В результате мы социализм построили и Гитлера разбили.

— Нет, не в результате, а вопреки!

— Нет, в результате! Постановление ЦК о культе личности читали?

— Да за кого вы меня принимаете? — возмутился Жгутин.— Но там культ личности не оправдывается, а объясняется, ибо возник он не случайно. Не только читать, понимать надо.

Нина Яковлевна досадливо махнула рукой и сказала, обращаясь к Андрею:

— Вот так всегда, чуть за стол сядут. Прошлый раз спорили об атомных испытаниях.

— Нина,— обернулся к ней Федор Александрович,— где мы с тобой были, когда это постановление вышло?

— В Ленинаканской таможне. С Федей Хольманом.

— О, верно! Знаете, как ту газету рвали? — Жгутин уже обращался ко всем.— Турецкие пастухи, поездные бригады, даже некоторые купцы ее выпрашивали. Говорили, у нас есть умные люди, прочтут.

Андрей чувствовал, что пьянеет. Все вокруг временами начинало вдруг медленно кружиться, появилась противная дрожь в руках. Он напряженно улыбался и старался внимательней слушать то, что говорила сидевшая рядом Нина Яковлевна. Для этого ему приходилось все время мучительно нагибаться, потому что низенькая его соседка сидела, как казалось ему, где-то глубоко внизу.

Тем не менее он узнал, что в этом городе Жгутины уже четвертый год, но квартиру они получили недавно, что у них есть дочь, ее зовут Светлана, она учится в институте и сейчас ушла в театр. Потом Нина Яковлевна стала расспрашивать Андрея. Он отвечал односложно, медленно подбирая слова и выговаривая их так старательно, что Нина Яковлевна, улыбаясь, сказала:

— Ну, мы еще успеем поговорить об этом. А пить вы не умеете. И слава богу.

— Нет, умею,— обиженно заявил Андрей.

Нетвердой рукой он взял ближайшую бутылку, поспешно налил вино Нине Яковлевне и себе и, тяжело ворочая языком, объявил:

— За вашу дочку. Она мне нравится...

Нина Яковлевна звонко рассмеялась и совсем по-матерински разворошила его шевелюру.

— А вы, кажется, славный парень, Андрей. Можно я буду вас так называть?

Андрей, приложив руку к груди, ответил торжественно:

— П-почту за честь.

Между тем утихший было за столом спор разгорелся вновь.

— А я вам говорю,— возбужденно размахивал вилкой Федор Александрович,— Дубинин — прекрасный парень! В коллективе его любят!

— Конъюнктурщик,— убежденно возразил Филин.— Почувствовал новые веяния. Помните, на последнем партсобрании? Райком предлагает кандидатуру. Кажется, можно доверять...

— А у него было свое мнение!

— Вот у нас всегда так. С перегибами да с перехлестами. Ну, допустим, что на данном этапе критику снизу поощряют...

— Не допустим, а точно! И не на данном этапе, а вообще! Навсегда! Что это за манера, ей-богу!..

Федор Александрович начинал тоже сердиться.

— Мы с вами люди немолодые,— усмехнулся Филин.— К кампаниям привыкли. Поглядите еще. Но ладно. Допустим. А что делает ваш Дубинин? Ах, надо плевать на авторитеты, надо ниспровергать...

— Да кто вам это сказал?!

Филин прищурился.

— Я хотел бы знать, кто ему это сказал.

— Бросьте! Дубинин — честный парень!

— В райкоме тоже честные люди, кажется, сидят. И поопытней Дубинина. Кто дал право не считаться с их мнением? Не доверять?

Андрей, прислушиваясь к спору, подумал: «А что, разве таких нет, как этот Дубинин? Разве можно райкому не доверять?..» Он хотел было вмешаться, но ему вдруг стало неприятно, что придется поддержать Филина.

И Андрей промолчал. «Может, я чего-нибудь не улавливаю? Все-таки выпил здорово»,— подумал он.

— ...и других увлек, неустойчивых,— все тем же раздраженным тоном продолжал Филин.— На собрании многое зависит от того, как сказать. И хороший оратор...

— Не как сказать, а что сказать! — вскипел Жгутин.— И какой Дубинин к черту оратор?! Зато таможенник он... Кто вчера у самого Юзека контрабанду нашел? Он! А вы за пятнадцать минут опоздания...

Филин недовольным тоном перебил:

— Я считаю, Федор Александрович, что при новых сотрудниках мои действия обсуждать не следует.

— Ну, ну, пожалуйста. Тогда вот что...— Федор Александрович решительно взялся за бутылку с вином.— За начало службы. Это всегда момент волнительный.

— А между прочим, кто такой Юзек? — с интересом спросил Семен.— Просветите.

— Юзек — это целая кулинарная симфония,— иронически ответил Филин.— Она состоит из двух десятков холодных закусок, трех разных супов — для каждого свой бак! — и десятка горячих блюд. Кроме того, это неплохой выбор коньяков, ликеров, ромов и вин. Вот что такое Юзек.

— И добавьте,— Федор Александрович внушительно погрозил вилкой,— это еще симфония из шкафов, ящиков, полок, где по крайней мере десяток может иметь двойное дно.

— Да что же такое Юзек? — сгорая от любопытства, повторил свой вопрос Семен.

— Это,— внушительно произнес Филин,— вагон-ресторан, и это контрабанда. Вчера мы выудили ее со дна бака, полного супа.

Федор Александрович задумчиво и устало покачал головой.

— Но он, наверное, не только привозит контрабанду. Я думаю, он потом и увозит от нас столько... Помните? — Он посмотрел на Филина.— Капроны и автомобильные свечи? Помяните мое слово, он кому-то сдает товар и от кого-то получает. У него есть здесь связи.

— Опасный случай,— подтвердил Филин и ядовито прибавил: — При нашем теперешнем либерализме не то еще будет.

— А в самом деле! Сажать таких! За чем дело стало? — горячо вмешался Семен.

Жгутин покачал головой.

— Дело стало за доказательствами. Это же пока только наши предположения. А Юзек говорит: знать не знаю, кто спрятал. За вчерашний суп, конечно, уволят повара. А капроны те и свечи мы на первый раз просто конфисковали как бесхозную контрабанду. Что же делать? В помещение ресторана действительно имеет доступ уйма лиц.

— Что делать? — проворчал Филин.— Прежде всего не церемониться. Чтобы боялись булавку лишнюю провезти. Так надо дело поставить.

— Не церемониться? — сердито прищурился Жгутин.— Я вашу точку зрения знаю! Но, извините, не разделяю! И по Юзеку требуются доказательства, прямые улики! Вот как!

Нина Яковлевна лукаво посмотрела на Семена, который сидел, бледный от выпитого вина, возбужденный, со сбившимся набок галстуком, темная прядь волос прилипла к потному лбу.

— Вот вам случай сделать карьеру. Вы о таком мечтали?

— Ну, пока что Юзек ему не по зубам,— усмехнулся Жгутин.— Но хорошенько запомните, молодые люди, экспресс «Москва — Берлин».

— И обратно — тоже,— вставил Филин.

— Да, да, конечно,— согласился Федор Александрович.— Здесь иной раз можно повстречать такого фрукта, что будет уроком бдительности на всю жизнь.

Неожиданно для всех Андрей, покачнувшись, стукнул кулаком по столу и, пьяно оглядев сверху вниз присутствующих, тяжело произнес:

— П-поймаем этого фрукта и голову отвернем, как п-пеструшке.

Эти слова почему-то послужили сигналом, чтобы гости посмотрели на часы.

— Ого! Двенадцатый час! — воскликнул Филин и выразительно посмотрел на Андрея и Семена.

На улице Андрею стало лучше. Он с наслаждением вдыхал прохладный сырой воздух и подставлял ветру разгоряченное лицо. Семен взял его под руку, но шаг у него был далеко не твердый.

— Неч-чего было напиваться, как свиньям,— с усилием, сердито сказал Андрей.— Перед людьми даже стыдно. Тебе стыдно? Или это только мне стыдно?

— А, подумаешь! — отмахнулся Семен.— Ничего мне не стыдно.

Некоторое время они шли молча.

По середине улицы, прямой и широкой, тянулся бульвар. Высокие деревья таинственно шумели в вышине голыми ветвями.

Прохожих было мало.

— В гостиницу надо прийти абсолютно трезвыми,— проговорил Андрей.— Понял?

— Понял. Если ты на это способен, то и я постараюсь.

Бульвар кончился. Приятели очутились на центральной улице городка, в этот час тоже пустынной.

Все-таки прогулка немного выветрила хмель из головы, и они вошли в гостиницу почти твердой походкой. Правда, Андрей довольно долго не мог попасть ключом в замочную скважину своей двери.

Сбросив пальто и пиджак, он принялся стягивать через голову петлю галстука.

В этот момент ему вдруг почудился какой-то легкий стук. Андрей в недоумении замер с галстуком на середине лица и прислушался. «Тук, тук, тук-тук»,— совершенно ясно услышал он.

— Эт-то что еще такое? — вслух произнес он.— Семен зовет?

Он вернул галстук на прежнее место, досадливо махнул рукой и взялся за ручку двери. В этот момент он услышал вдруг снова легкий, но ясно различимый стук: «Тук, тук, тук-тук».

И Андрея наконец осенило. Ведь это же, наверное, его соседка стучит, Надя. Зовет пить кофе. Как же он забыл о ее приглашении! Андрей даже не взглянул на часы, показывавшие почти час ночи. Он и не подумал о времени. Он вообще ни о чем не думал, кроме одного: как это здорово — выпить сейчас чашку кофе!

Андрей торопливо ополоснул лицо, причесался и, чуть покачиваясь, вышел в пустой полутемный коридор. Дверь соседнего номера оказалась незапертой, и Андрей вошел.

На маленьком письменном столе у окна горела лампа. Никакого кофе не было.

Надя молча пошла ему навстречу.

Андрей остановился в дверях и тяжелым взглядом окинул комнату. Что-то странно тревожило его здесь. Он не понимал, что на него действует пустынная, нежилая чистота этой ночной комнаты, словно Надя только за пять минут до него вошла сюда.

В голове шумело, чуть поташнивало, и ноги наливались свинцовой тяжестью. Андрей, не решаясь сесть, прислонился плечом к косяку.

Надя подошла почти вплотную и шепотом, словно кто-то их мог здесь услышать, спросила:

— Зачем ты столько пил?

Андрей изумленно посмотрел на нее сверху вниз, потом крепко провел ладонью по лицу и неуверенно спросил:

— Это я п-пьяный или вы?

Надя тихо засмеялась:

— Это мы оба пьяные,— и, взяв его руку, потянула за собой.— Проходи же, чудачок, проходи.

Нестерпимо яркие солнечные лучи били прямо в лицо, и Андрей, беспокойно заворочавшись на подушке, открыл было глаза, но тут же снова зажмурился. Однако сон пропал.

Андрей некоторое время оцепенело смотрел в потолок, морщась от головной боли и ощущая отвратительный вкус в пересохшем рту. В первую секунду он даже не сообразил, где находится. По потолку ползла муха. Андрей следил за ней. Муха ползла еле-еле, как пьяная, и наконец свалилась на пол. Лететь она не могла. И когда муха свалилась, Андрей вдруг сразу вспомнил. Он же только вчера приехал в Брест. Это гостиница.

Постепенно перед ним прошли все события минувшего дня. Ну и ну! Что же он наделал? В первый же день напился, спутался с какой-то бабой. Впрочем, нет, Надя хорошая и очень одинокая. Как она плакала, рассказывая ему о своем одиночестве! Андрей невольно провел рукой по груди, словно там могли еще сохраниться Надины слезы.

Но он-то хорош. Ведь в Москве осталась Люся. Пусть у них сейчас осложнились отношения, пусть Люся сердится на него, но ведь он все равно любит ее, только ее. Как же он мог?.. Он напился, он здорово напился вчера у Жгутина. Что тот подумает о нем? И его жена, такая славная женщина? А Филин? Уж он никогда не забудет Андрею тот вечер.

Горькие размышления Андрея прервал стук в дверь и бодрый, чуть насмешливый голос Семена:

— Шмелев! Выходи строиться! — И тоном их институтского военрука добавил: — Перманентно опаздывать всегда изволите?

— Ладно кричать-то на весь коридор,— проворчал Андрей, нехотя откидывая одеяло.

Но когда он, совсем уже готовый к завтраку, зашел за Семеном, тот сидел еще перед зеркалом голый по пояс и брился.

— Зато шумим, как всегда, больше всех? — с усмешкой спросил Андрей и добавил: — Ладно уж. Я пока что пойду займу столик и сделаю заказ.

— Угу,— промычал Семен, надувая щеку и не отрывая глаз от зеркальца.

Когда Андрей вошел в ресторан, он сразу увидел Надю. Возле нее за столиком сидели двое мужчин, оба пожилые и представительные.

Один из них, большой и толстый, был в отличном черном костюме и белоснежной сорочке с пестрым галстуком бабочкой. На утином, будто принюхивающемся к чему-то носу его поблескивали очки в тонкой золотой оправе. Густые, с сильной проседью волосы были подстрижены под модный бобрик. Он был похож на крупного западного бизнесмена, каким тот обычно рисовался Андрею.

Второй мужчина, худощавый, подтянутый, выглядел скромнее. Он был в костюме неопределенного цвета, в темной рубашке с темным галстуком. Черные блестящие волосы были гладко зачесаны назад, открывая большой, с залысинами лоб. Узкое, клиновидное лицо перечеркивали густые, лохматые брови, под ними почти не видно было глаз, и казалось, что этот человек все время дремлет. Впечатление усиливалось от того, что он больше молчал, говорили только Надя и толстый человек в очках, но при этом они почему-то обращались не друг к другу, а главным образом к худощавому.

Больше всего на свете Андрей сейчас не хотел встречи с Надей. У него было такое чувство, будто он обманул и унизил ее, и это чувство смешивалось с негодованием к самому себе: как мог он так вести себя с этой женщиной? Сейчас ему было стыдно даже взглядом встретиться с ней.

Поэтому Андрей постарался отыскать за колонной самый укромный столик и направился было к нему.

Но Надя тут же заметила его. Она открыто и безбоязненно улыбнулась и, указав на Андрея, громко сказала:

— А вот и мой новый знакомый. Андрей, идите-ка сюда!

Оба мужчины повернулись в его сторону. Толстый смотрел с нескрываемым интересом. Как смотрел второй, определить было трудно.

Преодолевая неловкость, Андрей подошел к их столику.

Надя весело представила мужчин друг другу.

— Андрей Шмелев, сотрудник нашей таможни. А это...— она с улыбкой посмотрела на худощавого мужчину,— это мой дядя! — Потом Надя сделала жест в сторону толстого: — И мой бывший сослуживец по Москве.

— Да, да, дядя,— засмеялся худощавый, и Андрей наконец увидел его совсем светлые, узенькие, как две льдинки, глаза.— Приехал поглядеть, как тут Надюша поживает. И вот уже второе знакомство. Сначала с ним, теперь с вами.— И, в свою очередь, он спросил Андрея: — Вы часом не москвич?

— Почти. Институт там кончал.

— Рад познакомиться, Андрей... не знаю вашего отчества.

— Просто Андрей.

— Великолепно. Будете в Москве, непременно заходите. Ей-богу, вы мне нравитесь. Надюша даст вам адрес.— Он повернул голову к Наде: — Не забудь, милая.

Он оказался разговорчивым и симпатичным человеком.

Толстый только улыбался, показывая кривые, желтоватые зубы. При этом сходство с западным бизнесменом начисто исчезало.

— Извините,— сказал Андрей.— Спешим на работу. Пойду закажу завтрак.

— Подсаживайтесь, чего там...— предложил толстый.

— Спасибо. Не хочу вас стеснять.

— Да чего там! — настаивал толстый.

— Нет, нет.

Андрей выбрал столик неподалеку — уходить за колонну было уже неловко — и углубился в изучение меню. Не успел он сделать заказ, как к столику подошел Семен. По пути он церемонно раскланялся с Надей.

Уже к концу завтрака Семен, закурив, самодовольно посмотрел на Андрея и сказал:

— Итак, прошли сутки в гостинице «Буг». Мы неплохо успели за это время, а?

Андрей насупился и сердито ответил:

— Еще как плохо! И все из-за твоего дурацкого желания завязать дружбу с начальством. Карьерист несчастный.

В этот момент до него донеслись обрывки фразы, сказанные за соседним столиком толстым человеком в очках:

— ...главная установка... еще на экспресс «Москва — Берлин»...

— ...и обратно,— внятно добавил молчаливый его собеседник.— Особенно обратно.

Андрей при этих словах невольно насторожился. Он сразу вспомнил, что говорилось вчера у Жгутина о берлинском экспрессе.

ГЛАВА 2

Экспресс «Москва — Берлин»

Господин попался на редкость добродушный, разговорчивый. Пока Валя Дубинин выписывал ему квитанцию на иностранную валюту, которую тот провозил через границу, Андрей оказался втянутым в оживленный и какой-то, по его мнению, бестолковый разговор.

...Герр Фихт, бизнесмен из ФРГ, неплохо говоривший по-русски, прежде всего сообщил Андрею, что в прошлом году он заключил в Москве великолепную сделку и какой-то «господин Петер Антонов» оказался... Тут слов восторга не хватило, и герр Фихт только причмокнул губами. Потом он грубовато похлопал себя по круглому животу и спросил у Андрея, замечал он или нет, что толстые люди всегда гораздо веселее и добрее худых людей.

И герр Фихт, очень довольный, захохотал так заразительно, что Андрей невольно улыбнулся. Он хотел ответить тоже весело и остроумно, но не нашелся, скорей всего потому, что настроение у него было отвратительное, и еще потому, что хотя Андрей уже второй месяц работал в таможне, он все еще не мог привыкнуть к этому бешеному калейдоскопу людей, причем людей самых различных и неожиданных, с которыми Андрей порой даже не знал, как себя вести.

Вот, к примеру, этот герр Фихт. Между прочим, с Валькой Дубининым герр Фихт говорит совсем по-другому: спокойно, вежливо и кратко. Вероятно, чувствует в нем старшего.

Андрей действительно вот уже месяц, как тень, ходил за Валькой. Так велел Шалымов, начальник их смены. Сам он взял шефство над Люсей.

При мысли о жене Андрей почувствовал, как снова просыпается в нем раздражение, которое еще утром, по выходе из дома, он всячески старался подавить в себе.

Между тем герр Фихт, пока Валька беседовал в купе с другими пассажирами, снова обернулся к Андрею, который, несмотря на свою суровость и молчаливость, видимо, чем-то ему понравился, и стал самодовольно рассказывать, каким сумасшедшим, отчаянным смельчаком считают его в ФРГ за то, что он так часто ездит в Москву. А он за контакты. «Прогрессивный дядька»,— подумал Андрей. Но и о его стране, продолжал болтать герр Фихт, в Советском Союзе пишут тоже много глупостей.

— Это очень смешно, господин таможенник, не правда ли? Мы пишем, что не хотим войны, а вы пишете, что мы ее хотим. Это очень смешно.

— По-моему, это не смешно,— заметил Андрей.

И остальные пассажиры, прислушивавшиеся к разговору, согласно закивали головами.

— О, о! Нам ли, немцам, не знать, что такое война! — воскликнул герр Фихт.

— Нет, нет! — энергично вмешался один из пассажиров, высокий седой человек со слезящимися глазами.— Лучше всех, что такое война, знаем вместе с русскими, конечно, еще мы, поляки. Будь она проклята! — Он остервенело потряс в воздухе жилистым кулаком.— И фашизм тоже будь проклят.— Поляк неприязненно посмотрел на герра Фихта:— Вы тоже такого мнения?

— Я всего лишь торгую,— развел пухлыми руками тот.— Я не политик.— И торопливо, будто спохватившись, добавил: — Я только знаю, что с Советским Союзом можно вести выгодные дела. О, это я знаю! — Он с наигранной веселостью похлопал себя по животу.— И этого с меня вполне достаточно при моей комплекции.

Андрею эти рассуждения показались неискренними. И вообще этот герр Фихт начал казаться ему далеко не таким добродушным и безобидным. В памяти всплыли многочисленные газетные статьи о возрождении фашизма в ФРГ, и Андрей почувствовал, что такие, казалось, далекие и сугубо теоретические вопросы вдруг обрели плоть и кровь в лице этого самодовольного и хитрого немца из ФРГ.

Андрей собрался было уже ввязаться в возникшую в купе словесную перепалку, но Валька незаметно толкнул его в бок и сухо сказал:

— Здесь все в порядке. Пойдем дальше,— и, обращаясь к пассажирам, с подчеркнутой вежливостью прибавил:— Счастливого пути. Желаем здоровья и успехов.

Когда они вышли из купе в узкий коридор, Валька, убедившись, что рядом никого нет, сердито шепнул:

— Пожалуйста, не забывай, что ты не в ООН.

В конце коридора появился усатый проводник в синей тужурке. Подойдя, он поздоровался с Валькой за руку, как старый знакомый.

Андрей и Валька прошли в следующее купе. Повторилась обычная процедура. Таможенники проверяли заполненные бланки «деклараций», изредка просили предъявить к досмотру тот или иной чемодан, выписывали удостоверения на указанную в «декларации» иностранную валюту или на ручную кладь, если у пассажиров шел еще багаж отдельно, малой скоростью,— словом, уйму всяких формальностей требовалось осуществить при таможенном досмотре.

Молодой, стройный англичанин, широко улыбаясь, подал Вальке свою «декларацию». Тот, пробежав ее глазами, тоже улыбнулся и с шутливой укоризной покачал головой.

— Ай-ай! Это все-таки документ.

Он протянул «декларацию» Андрею, указав пальцем на графу: «При мне и в моем багаже имеются: ...2. Оружие всякое, боеприпасы». Рукой англичанина там было вписано: «Имею оружие только против леди».

Андрей засмеялся и с симпатией посмотрел на англичанина, и тот, словно ожидая лишь сигнала, захохотал, показав все свои великолепные зубы.

— А еще говорят, что англичане — флегматичный народ,— сказал Андрей.

— Рановато делаешь выводы о национальном характере,— авторитетно ответил Валька.— Поработай хотя бы с мое.

Дубинин работал в таможне всего лишь второй год, но успел заслужить репутацию «злого» таможенника. Только в присутствии Андрея он уже дважды обнаруживал контрабанду.

Один раз это были часы. Наши советские часы, изящные и точные, которые юркий турист из Голландии пытался в количестве сорока штук (вместо разрешенных двух!) провезти через границу.

Все началось с того, что в досмотровом зале Валька, двигаясь от одного пассажира к другому и, прежде чем подписать «декларацию», лишь бегло оглядывая выставленные на стол чемоданы, баулы, портфели и саки, вдруг задержался около этого голландца и попросил открыть один из чемоданов. Тот с готовностью принялся расстегивать многочисленные пряжки.

Когда чемодан был раскрыт, Валька быстрым взглядом окинул коробки с сувенирами, бутылки с водкой, банки с икрой, расшитые «украинки» и коробки с сигаретами «Тройка». Неожиданно Валька увидел пустую коробочку из-под часов. Только на какую-то незаметную для Андрея долю секунды голландец смутился, а потом объяснил, что часы у него на руке. И действительно показал их.

Андрей уже потерял интерес к чуть было не назревшему инциденту, когда Валька попросил голландца снять с руки часы. Их номер он сверил с номером в паспорте, который лежал в коробке. Номера оказались разными. У голландца побагровели большие, растопыренные уши и глаза забегали по сторонам. Он тут же «вспомнил», что есть вторые часы в другом чемодане. Валька равнодушным тоном попросил их показать.

Внезапно движения голландца стали нервными. Он шарил руками то в одном, то в другом месте чемодана, нащупывая что-то и словно забыв, что он ищет. Наконец с сокрушенным видом он извлек часы. Номера опять не совпали.

«Поищите еще»,— спокойно сказал Валька. Голландец виновато улыбнулся, махнул рукой и стал вытаскивать одни часы за другими.

Уже потом, успокоившись и примирившись с потерей конфискованных часов, он рассказал, что деньги на их покупку, как и на покупку большинства вещей, он приобрел, выгодно распродав каким-то молодым людям около гостиницы все, даже самые поношенные вещи из своих чемоданов и что можно сняв с себя.

При этом голландец, смущаясь, распрямил поджатую под стул ногу и поддернул брючину. Носка на ноге не оказалось.

Андрей был в восхищении от Вальки и долго допытывался, почему он «прицепился» именно к этому голландцу. Валька, пожимая плечами, ссылался на интуицию.

Спустя неделю Валька обратил внимание на молоденькую английскую туристку, которая томно и многозначительно улыбалась таможенникам и трогательно восхищалась красотами Москвы и Ленинграда, где побывала их группа.

Но Валька оставался до обидного равнодушным. Повертев в руках массивный альбом для фотографий, он вдруг достал перочинный нож и решительно надрезал толстый переплет.

Хорошенькая туристка тихо вскрикнула, всплеснула маленькими розовыми ручками. А из переплета уже вылезали одна за другой новые наши сотенные купюры. Это была особо опасная контрабанда, связанная с политикой. Андрей уже знал: советская валюта за рубежом нужна не только спекулянтам, но и агентам иностранных разведок.

Андрей потом все-таки заставил Вальку проанализировать свой поступок.

Собственно, в данном случае подозрение вызвал сам альбом, тяжелый, аляповатый, без столь желанных для всякого туриста примет и знаков страны, где он изготовлен. Зачем такой альбом мог понадобиться молоденькой девушке, чем он мог ее соблазнить? И Андрей откровенно восхитился наблюдательностью Дубинина.

Вообще этот молоденький парень, бывший учитель английского языка, все больше нравился ему. Вальку уже успели в шутку прозвать «две трети от Шмелева». Действительно, он был такой же плотный и широкоплечий, как Андрей, с таким же, но только чуть более суровым лицом и копной совсем желтых, перепутанных волос. Ростом Валька был даже ниже плеча Андрея, и потому кличка «две трети от Шмелева» была до смешного точна.

Нравился Валька Андрею не столько своими разносторонними способностями, сколько своей воинствующей принципиальностью. Валька был строптив и непреклонен. Никакие авторитеты не существовали для него, если они отступали вдруг от тех принципов, в которые Валька всей душой верил.

Это Валька сказал как-то Филину в лицо, что он «ходячий анахронизм», когда тот попытался было командовать месткомом. И слова эти, несмотря на их ученость, потом долго повторялись всеми в таможне.

Валька был влюблен в Жгутина. Это, однако, не помешало ему однажды заявить во всеуслышание, что указание Жгутина не составлять акта на железнодорожников за плохое хранение какого-то груза является поступком антигосударственным.

Словом, Валька всегда называл вещи своими именами, не признавая никакой дипломатии, и в первое время нажил себе этим немало врагов.

Иногда, правда, Вальку «заносило». И все же постепенно и незаметно он, сам того не желая, стал вдруг совестью всего коллектива, своеобразным эталоном принципиальности и чистоты. И в то же время это был самый обычный, ничем внешне не примечательный парень, с некоторыми не очень приятными чертами: он был вспыльчив и порой резок. К этому надо было сначала привыкнуть, чтобы потом разглядеть и другие стороны Валькиного характера.

Андрей Шмелев привык к ним быстро, даже не привык, а сразу както их принял. И его живое воображение тут же нарисовало самые разные картины Валькиных подвигов.

Но сейчас, двигаясь вслед за Валькой по вагону экспресса «Берлин — Москва», Андрей вдруг с тревогой подумал о шутнике англичанине из второго купе, который вез с собой «оружие против леди». Вдруг тот острит и хохочет лишь для отвода глаз, вдруг он крупный контрабандист и Вальке на этот раз изменила его интуиция?

В этот момент лакированная дверь очередного купе откатилась в сторону, и Андрей, стоя за Валькиной спиной, увидел сидящего у окна пассажира. Очень крупный и важный, с седым ежиком волос, в очках с золотой оправой — всеми этими деталями человек был знаком Андрею. Но кто он, где его встречал Андрей,— этого он не мог вспомнить. Лишь чувство настороженности и неприязни, которое он сразу ощутил при взгляде на этого человека, показалось Андрею знакомым.

Человек грузно приподнялся и протянул Вальке свою «декларацию». И тут вдруг Андрей заметил, что левая рука у него забинтована от кисти почти до локтя и пиджак с этой стороны лишь накинут на плечо. Передавая «декларацию», человек слегка задел больной рукой столик у окна и болезненно поморщился.

Как ни странно, но именно забинтованная рука, так не вязавшаяся со всем обликом этого человека, вдруг как будто смахнула в памяти у Андрея какую-то завесу. Он неожиданно вспомнил ресторан гостиницы «Буг», свой завтрак там на следующий день после приезда в Брест и памятной ночной встречи с Надей, вспомнил столик, за которым она сидела в то утро с двумя мужчинами, вспомнил и одного из этих мужчин, того самого, который сейчас сидел перед ним в уютном, сверкающем полированными панелями и зеркалами купе экспресса «Берлин — Москва». И уже по какой-то инерции памяти Андрей вспомнил даже слова, долетевшие до него с того столика: «Главная установка... на экспресс «Москва —

Берлин»... и обратно». Тот самый экспресс, в котором они сейчас находятся!

Андрей через Валькино плечо посмотрел «декларацию» этого человека. Фамилия Засохо, зовут Артур Филиппович, дальше следовали сведения о провозимых через границу вещах. Ничего недозволенного Засохо, судя по «декларации», не вез.

Андрей снова посмотрел на спокойно сидевшего у окна Засохо, скользнул взглядом по неумело и очень толсто забинтованной руке, которую тот бережно держал на колене. В этот момент он услышал рядом с собой голос:

— Извините, конечно. Как бы мне пробраться мимо вас?

Андрей оглянулся. Рядом, добродушно улыбаясь, стоял тот самый усатый проводник, с которым только что его познакомил Валька.

Андрею вдруг пришла в голову беспокойная мысль, и, решившись, он спросил:

— Кажется, Онуфрием Федоровичем вас зовут?

— Он самый.

— А на одну минутку можно вас в сторонку, Онуфрий Федорович?

— Да ради бога. Может, в купе к нам пройдем?

— Еще лучше.

Они прошли в служебное купе, и Онуфрий Федорович, пропустив Андрея вперед, плотно задвинул за собой дверь.

— Слушаю, дорогой товарищ.

— Вот какое дело, Онуфрий Федорович,— медленно начал Андрей, подбирая слова.— Заметили вы того пассажира из четвертого купе, седой такой, в очках, рука еще у него перевязана?

— Это который же? Вроде у нас такого... Ах, да! Ну, как же, как же, само собой — заметил. Только ручка их — хе, хе,— когда болит, а когда и нет... Утром сегодня в туалет шли и этой ручкой так меня, прошу прощения, двинули и не поморщились. А потом, конечно, извинились,— словоохотливо стал рассказывать усатый проводник.— И вообще вполне прилично едут.

Проводник вопросительно поглядел на Андрея: что, мол, его еще интересует? Но Андрей молчал. В самом деле, а что он, собственно, ожидал услышать? Ведь не такой же дурак этот Засохо да и не мальчишка, чтобы на глазах у проводника совершать что-то недозволенное или даже подозрительное. Едет себе «вполне прилично», и все тут. Иди придерись. Андрей пробормотал благодарность и вышел из купе.

Да, видно, не так-то просто распознать эту проклятую контрабанду. Везет он ее, допустим, где-то на себе, даже в бумажнике, если это валюта, и все. Правда, этот Засохо валюту в бумажнике не везет, он его вынимал и доставал «декларацию», но он свободно может везти ее просто в кармане, или зашить под подкладку, или даже под этот бинт на руке запрятать, и для этого, может быть, он себе повязку и соорудил. Но как тут проверишь? Бинт снять с него нельзя.

Андрей забеспокоился. Он живо представил себе, как Засохо перед отъездом, запершись в номере гостиницы, поспешно укладывает на руке кредитки, а потом, придерживая зубами конец бинта, начинает осторожно обматывать им руку. Нет, нет, надо как-то проверить этого типа, особенно его повязку на руке.

В коридоре совсем близко раздались шаги и знакомый голос произнес:

— Предъявите ваши «декларации». По законам Советского Союза запрещен ввоз в страну...

Андрей, увидев Вальку, подошел к нему сзади и тихо сказал в самое ухо:

— Валька, этот Засохо тащит контрабанду. Ручаюсь. Давай проверим.

Валька обернулся и поднял глаза на Андрея. По толстым губам его скользнула улыбка.

— Скажи, пожалуйста,— иронически произнес он.— У тебя, что же, прорезалась оперативная смекалка?

— Смешно, да?

— Есть немного.

Тем не менее Валька вышел назад, в коридор, и прикрыл за собой дверь купе.

— Надо посмотреть его повязку,— сухо, с обидой произнес Андрей.— Не болит у него рука.

Валька насторожился и, не скрывая своей заинтересованности, спросил:

— Откуда это тебе известно?

— Проводник сказал.

— Молодец!

— Кто молодец?

— Он. Ну и ты тоже, не плачь.

Валька решительно зашагал по коридору и открыл дверь купе, где сидел Засохо. Тот что-то писал, придерживая левой забинтованной рукой листок бумаги. Подняв голову и увидев таможенников, он спокойно сложил записку и спрятал ее в карман. Кроме него, в купе никого не было.

— Гражданин,— обратился к нему Валька.— Попрошу зайти сейчас к дежурному по таможне, надо побеседовать.

При этом он даже не взглянул на забинтованную руку Засохо. Но Андрей, стоя позади Вальки, буквально впился в нее глазами. Да, забинтована она небрежно, торопливо. Еще бы! Ведь бинтовал он ее сам, одной рукой. Около локтя слои бинта даже чуть сползли.

Засохо невозмутимо пожал плечами: пожалуйста, если надо, он зайдет к дежурному.

Пока Засохо не появился в тесной, перегороженной барьером комнате дежурного, Андрей переволновался так, как ни перед одним экзаменом в институте.

Но вот наконец Засохо важно опустился на стул и устроил на коленях больную руку. Здоровой рукой он провел по седому ежику волос на голове и поправил очки.

— Слушаю вас. В чем дело?

Кроме самого дежурного, в комнате находились Андрей, Валька Дубинин и начальник смены худой и нервный Шалымов, очень осторожный и вечно чем-нибудь недовольный.

Сейчас Шалымов был недоволен тем, что Дубинин и Шмелев задержали такого солидного человека. Правда, чутье опытного таможенника подсказывало ему, что поговорить с этим человеком, пожалуй, стоит; история с повязкой действительно несколько подозрительна. Но, с другой стороны, прямого повода для такой беседы не было, тем более для специального приглашения его из вагона в дежурку. Тут в случае ошибки не оберешься неприятностей, особенно если он какой-нибудь «ответственный». Молодежь этого не понимает.

Шалымов с кислым видом посмотрел на Засохо, задержал взгляд на его перевязанной руке, и она ему не понравилась еще больше, чем в первый момент. Он подвинул стул поближе к Засохо и, усевшись, неожиданно добродушно сказал:

— Прошу прощения за задержку. Служба, знаете ли.

Валька, чуть усмехнувшись, скосил глаза на Анд-

рея. Тот поймал его взгляд, но, не поняв его значения, нагнулся и подставил приятелю ухо. Валька шепнул:

— Подобрел. Значит, чего-то учуял.

Андрей почувствовал, как холодок прошел по спине: что-то будет?

— Тащиться к вам — радости мало,— буркнул Засохо.— Так что не тяните волынку.

Шалымов невольно отметил про себя, что не очень-то вяжется профессорская внешность этого человека с такой грубоватой речью. И он спросил тоном, еще более добродушным, чем раньше:

— Как съездили, если не секрет?

— Сестру проведывал. Слава богу, здорова и детки тоже.

Неожиданно Шалымов нагнулся к Засохо и, схватив его за больную руку, воскликнул:

— Смотрите, какая штука у вас здесь появилась!

— Что еще такое? — встревоженно спросил Засохо, даже не поморщившись от грубого прикосновения, и поднял руку на уровень глаз, потом, усмехнувшись, с облегчением пояснил: — Это родинки такие, черт бы их побрал!

Но Шалымову уже все было ясно. Он очень вежливо и совсем уже добродушно, почти ласково, попросил:

— Будьте так добры, снимите повязку.

— Что?!

— Я прошу снять повязку. Она вам уже не нужна.

— Вы что порете? У меня...

— Хотите это сделать при враче? — В голосе Шалымова прозвучала ирония. Но на вытянутом лице его с глубокими складками на щеках оставалось прежнее выражение недовольства.

— Нужен мне ваш врач, как...

И Засохо неожиданно грубо выругался. Побагровев, он начал со злостью срывать бинт. Рука оказалась обложенной зелеными долларовыми бумагами.

Андрей не верил своим глазам. Неужели это правда, то, что он вообразил себе тогда в вагоне? Неужели это он сам нашел контрабанду? И, как бы отвечая на его вопрос, Шалымов, указав на Андрея и Дубинина, заметил:

— Скажите спасибо молодым людям. Они избавили вас от дальнейших хлопот с этими бумажками.

— Плевал я на ваших молодых людей!

Но тем не менее Засохо бросил на Дубинина недобрый взгляд. На Андрея он даже не посмотрел.

С конфискованными долларами Шалымов отправился на второй этаж, к Жгутину. Вернулся он быстро.

Засохо с оскорбленным видом курил, поблескивая стеклами своих очков, то и дело поправляя их или проводя чуть дрожащей рукой по седому бобрику волос.

Андрей и Валька тихо о чем-то переговаривались.

— Получено указание на личный досмотр,— сварливым тоном объявил Шалымов и добавил, обращаясь к Андрею: — Заприте дверь.

Ругаясь последними словами, Засохо начал раздеваться.

И чем больше вещей он с себя снимал, тем, казалось, больше сходил с него внешний покров цивилизации, тем исступленней и грязней становилась его ругань.

Андрей был тут же, вместе со всеми. Внутри у него все пело от гордости: первая задержанная им контрабанда, первый схваченный им подлец. Тут было от чего загордиться.

И, глядя на его радостное лицо, Валька Дубинин строго сказал:

— Вот они какие бывают, у тещи пироги!

Андрей ничего не понял, но весело кивнул головой.

И еще Шалымов был недоволен, что в его смену попала жена Шмелева, эта самая Люся. С ней хлопот было через край, и подвести она могла в любую минуту. Поэтому Шалымов, горько вздохнув и помянув про себя недобрым словом всех женщин вообще и эту в частности, решил не отпускать ее от себя ни на шаг. От молодой женщины с такой внешностью всего можно было ожидать.

Люся действительно была хороша собой и прекрасно знала это. Лицо ее, словно написанное нежнейшей акварелью, лишь чуть портили резкий разлет бровей и излишне самоуверенные зеленоватые глаза. Тоненькая девичья фигурка не очень сочеталась с ее порывистыми и широкими движениями.

Тем не менее первое впечатление было такое, что Андрей привез робкое и хрупкое существо, может быть, чуть капризное, но обаятельное. Люсю встретили тепло, по-дружески и чуть покровительственно. Каждый стремился ей что-то объяснить, показать, чем-то помочь. Каждый, только не Шалымов.

Хотя и казался Шалымов человеком вечно чем-то недовольным и обиженным, хоть и донимал он своих подчиненных буквоедством и подозрительностью, все же человек он был не злой и по-своему справедливый.

Шалымов не любил женщин и избегал их. Вероятно, это была как бы защитная реакция на их невнимание к нему. Рассказывали даже, что от него ушла жена, которую он очень любил, ушла нехорошо, оскорбив его, и вот с тех пор... Впрочем, никто об этом ничего достоверного не знал.

Когда Шалымов впервые увидел Люсю, самые страшные опасения охватили его. Святая святых для Шалымова (как, впрочем, и для большинства его товарищей) — граница — явно оказывалась, по его мнению, под угрозой.

Между тем Люся, ничего не подозревая, улыбалась, весело отвечала на шутки окруживших ее плотным кольцом таможенников и казалась бесконечно счастливой своим приездом в Брест, встречей с Андреем, всеобщим восхищенным вниманием.

Спустя несколько дней Люся вышла на работу. Шалымов с удивлением отметил про себя, что это была уже не та Люся. Эта не улыбалась и не щебетала, не задавала наивных вопросов, удивленно округлив красивые подведенные глаза. На этот раз сдержанная, чуть бледная, шла она по вагону вслед за Шалымовым, с неприязнью посматривая, как он подписывает «декларации», беседует с пассажирами или просматривает их багаж. «Ну, вот,— раздраженно подумал Шалымов.— Теперь будет на работе свои настроения срывать. Мальчишка чихнет, суп пригорит или с мужем поссорится, а ты тут терпи ее фанаберии». Он решил ни о чем ее не спрашивать, а то еще пустится в объяснения, потребует сочувствия или пойдут слезы.

В конце дня, когда они шли вдвоем по сумеречному перрону, Люся неожиданно сказала:

— Мне кажется, Анатолий Иванович, что вам эта работа тоже не по душе.

— Что значит «тоже»? — сухо осведомился Шалымов.

— Это значит,— своенравно ответила Люся,— что мне она не по душе. Я вам откровенно скажу: не для того я пять лет училась, чтобы рыться в чужих вещах.

Шалымов рассердился:

— К любой работе можно подобрать слова, чтобы ее обхамить. И вас тут никто не удерживает.

— Еще как удерживают! — капризным тоном возразила Люся.— И министерство и муж.

— Ну, вот с ними и разбирайтесь.

Они вошли в досмотровый зал, и разговор на этом прекратился. Зал был полон людей: таможенники досматривали багаж пассажиров поезда «Брест — Магдебург».

С того дня Люся невзлюбила Шалымова. Все в нем раздражало ее: и вечно недовольное лицо, и придирки по службе, и его явное игнорирование ее. Шалымов был с ней сух, официален и не позволял ни одного внеслужебного разговора. Однажды простудился Вовка. Все в смене подходили к ней с сочувственными вопросами, говорили какие-то ободряющие слова, давали советы. Только Шалымов подошел не к ней, а к Андрею и о Вовке спросил у него.

«Противный какой,— подумала Люся.— Он меня просто ненавидит. Ну, и пусть,— мстительно решила она,— все они тут...»

И она в который уже раз подумала о том, что в институте все было не так и она была не такой. С каким удовольствием занималась она там, какую радость приносили ей и отлично сданные экзамены и комсомольская работа! А самодеятельность? Разве там могли обойтись без нее? Всем она занималась с охотой, все горело, спорилось у нее. И все восхищались ею, даже девчонки, даже самые завистливые из них. А мальчишки... При воспоминании о том, как она командовала ими, как принимала ухаживания, как отвергала,— при воспоминании обо всем этом сладко замирало сердце. А потом появился Андрей.

Любовь к нему сделала Люсю вдруг такой нежной и покорной, такой заботливой и чуткой, что первое время она не узнавала себя. Творилось что-то необычайное. Люся для себя перестала существовать, все теперь было связано с Андреем: каждое желание, каждая мысль, каждое движение души. Иногда Люся даже просыпалась ночью и, перебирая шелковистые спутанные волосы мужа, плакала от душившей ее нежности к нему.

Да, это все было, было, было...

Они сидели по вечерам, не зажигая света, и мечтали о будущем. Это было тогда, когда она уже ждала Вовку. Ей трудно было ходить на лекции, и Андрей вел такие подробные конспекты, каких у него не было никогда в жизни. А потом они часами сидели над ними вдвоем. И она не отстала. Несмотря на Вовку! На всех собраниях их с Андреем ставили в пример, о них писали в институтской многотиражке. И Люся была полна счастья и гордости за Андрея, именно за Андрея. Она почему-то совсем не думала тогда о себе.

И еще они мечтали о своей будущей работе. Об этом лучше сейчас не вспоминать. Ведь их собирались отправить на работу за границу. И Люся уже мысленно видела себя там, уже примеряла новые, модные туалеты. Это происходило помимо ее воли, а заставляла она себя думать и говорила Андрею о сложной работе с иностранными фирмами, о трудной борьбе за интересы родной страны. И Андрей слушал, улыбаясь, а однажды притянул ее к себе, легко взял на руки и, раскачивая в воздухе, словно баюкая, с пафосом провозгласил: «И будешь ты царицей мира, подруга первая моя!»

Все это тоже было...

И вдруг... Подумать только! Это нелепое распределение. И за ним — крушение всех планов. Но что самое возмутительное — Андрей примирился с этим крушением! Больше того, он, кажется, даже доволен, попав в эту дыру. Ну нет, она не собирается с этим примириться!

Сколько слез выплакала она! И она все сказала Андрею, все, что думала. Она не хочет губить свою жизнь из-за его сверхсознательных поступков. За это его все равно орденом не наградят, пусть не надеется. Даже спасибо никто не скажет. И Андрей может злиться на ее слова сколько ему угодно и убегать из дома, но это правда!

Из-за его упрямства Люсе пришлось приехать сюда, в этот ужасный Брест. И сейчас она вынуждена таскаться за этим противным Шалымовым и вместе с ним просматривать чужие вещи. Люся так страстно мечтала иметь такие же! Разве это преступление? Разве это стыдно? Нет, конечно. И вот она вынуждена наблюдать, как эти вещи везут другие, и еще рассматривать их, любоваться ими. Как ей не повезло в жизни! И все из-за Андрея, этого самодовольного и ограниченного человека. Да, да, ограниченного!

Она так и заявила ему в то утро перед работой, когда они поссорились. В который уже раз поссорились!

Андрей посмотрел на нее, и Люся не узнала его взгляда, таким он был странно отчужденным и усталым.

Потом Андрей медленно сказал:

— Ты еще не знаешь, что такое настоящее горе. И не знаешь, что такое долг. Запомни раз и навсегда: меня сюда послали, и я буду здесь работать. Здесь работают такие же люди, как и мы с тобой.

Это было в тот день, когда Андрей впервые обнаружил контрабанду.

Под вечер Люся шла за Шалымовым по мягкому вагону экспресса «Берлин — Москва» от одного купе к другому, и все внутри у нее кипело еще от недавней ссоры с мужем. Только сейчас приходили ей на ум самые нужные, самые верные и самые обидные слова, которые следовало крикнуть Андрею, которыми можно было доказать, что права она, а не он.

Но, с обидой и негодованием думая обо всем этом, Люся, однако, не переставала улыбаться, чувствуя на себе заинтересованные взгляды пассажиров. А пассажиры в этом вагоне были особенные: из Польши возвращались наши спортсмены, участники лыжных состязаний.

Это были загорелые, энергичные и веселые ребята. Все они были полны впечатлений, все еще горели азартом борьбы. В одном купе шумно и страстно ругали какого-то судью, явно симпатизировавшего англичанам и канадцам, в другом купе обсуждали несчастный случай на дистанции, в третьем — хамское поведение американских туристов-болельщиков. Но стоило только в дверях купе появиться таможенникам, споры прекращались, и на лицах пассажиров появлялась улыбка. Она как будто говорила: «В конце концов все позади, и мы дома, наконец-то дома!»

От этих улыбок даже постное, морщинистое лицо Шалымова, казалось, тоже добрело, приподни-

мались недовольно опущенные уголки рта, чуть-чуть разглаживались хмурые складки на лбу.

Люсе оказывались особые знаки внимания. Мгновенно очищалась скамейка, и ее чуть не силой усаживали. Сами же хозяева купе весело лезли на колени друг к другу. Потом Люсю старались потрясти самыми невероятными сенсациями из области лыжного спорта. Наконец, ей настойчиво дарили сувениры. А один разошедшийся паренек, очень интересный, черноволосый, в ярком свитере, даже попытался назначить ей свидание. При этом вид у него был такой озорной и решительный, что Люся неожиданно поймала себя на мысли: она бы, пожалуй, пришла на свидание, если бы это не было шуткой и поезд не уходил через два часа.

Люся уже не раз чувствовала на себе недовольные взгляды Шалымова, и они все больше раздражали и возмущали ее. Какое он имеет право так смотреть? Разве она нарушает закон или какую-нибудь из многочисленных инструкций тем, что приветлива с людьми, что нравится им? И ей захотелось сделать что-нибудь назло Шалымову, пусть это будет даже нарушением инструкции. Так и надо ему, несчастному педанту!

Как раз в этот момент какой-то долговязый спортсмен со шрамом на щеке потянулся на третью полку, под самый потолок, и, минуту порывшись в чемодане, достал резиновую куклу. Это была не кукла, нет, нет, это была живая, что-то натворившая девчушка, которая, засунув палец в рот, опасливо, но с затаенным восторгом от всего ею сделанного косила глазками назад, откуда должна была прийти мама.

Словом, это было чудо кукольного искусства.

Долговязый спортсмен улыбнулся и протянул куклу Люсе:

— На память о нашей команде и о нашей победе. Прошу вас. Может, будет когда дочка или сынок...

Люся закусила губу, метнула дерзкий, неприязненный взгляд на Шалымова и взяла куклу.

— Большущее спасибо. А сынок уже есть.

Когда они кончили «оформлять» вагон и вышли на мокрый от подтаявшего снега перрон, уже стемнело. Желтыми расплывчатыми шарами повисли в мокром воздухе фонари на невидимых столбах. Дул резкий, промозглый, словно на что-то вдруг обозлившийся ветер.

К Шалымову подбежал кто-то из таможенников, и сквозь свистящие порывы ветра Люся услышала обрывки фраз:

— ...повязка на руке... подозрительно... сказал проводник...

Час спустя под тем же пронизывающим ветром в кромешной тьме Люся шла домой, прижимая к себе куклу. И ей казалось, что эта резиновая девчушка согревает ее.

В дежурку Люся не попала, там шел личный досмотр: Андрей и Дубинин кого-то задержали. И она не стала дожидаться результатов, как другие сотрудники. Ей это было совершенно безразлично. Люсе очень хотелось есть, она устала, и ей все здесь надоело. И еще хотелось видеть Вовку. Интересно, как он поведет себя с этой куклой. Наверно, сначала примет ее за живую девочку.

Но тут вдруг Люсю обожгла новая мысль. Как она радуется этой кукле, этой подачке! Ведь тот парень вез, конечно, в сто раз больше вещей и ему было не жалко одной куклы. Почему она так радуется, она, которая могла бы сама делать такие подарки, если бы... если бы... И тут вдруг слезы начали душить Люсю.

Всхлипывая, она пробежала по переулку до их дома и дрожащими руками отперла дверь квартиры. Вовка еще гулял с няней. Дома никого не было. Люся вбежала в комнату, швырнула куклу в угол, где лежали игрушки сына, и, упав на диван, громко разрыдалась.

Андрей пришел домой шумный и веселый. Дверь открыла Люся. За ней шариком выкатился больше-

головый, весь в золотистых веснушках Вовка. Он схватил отца за руку и, не давая снять пальто, потащил в комнату.

— Дочка, дочка! — возбужденно кричал он.— Поди! Смотри!

Люся, наблюдая за сыном, молча улыбалась. Была она чуть бледна, но спокойна.

— Что это за дочка, о которой мне ничего не известно? — пошутил Андрей, взглянув на Люсю и радуясь ее спокойствию и ее улыбке.

— Поди! Поди! — продолжал тянуть его Вовка.

— Ну, ладно, ладно. Иду.

Андрей вошел в комнату и сразу увидел куклу. Она сидела на маленьком стульчике возле низенького Вовкиного стола, неестественно согнутая и все-таки прекрасная.

— Откуда такое чудо? — восхитился Андрей.

— Мама принесла! Мама!

— А у мамы откуда?

Вопрос вырвался сам собой. Андрей не хотел новой ссоры и, признаться, не ждал ее, так спокойна была Люся, так ровна.

Уже давно Андрей поймал себя на том, что, входя в дом, прежде всего определяет степень накаленности атмосферы в нем и состояние, в котором находится Люся. Мельчайшие детали: брошенная на стул в передней шапочка жены (обычно Люся очень аккуратна), кивок головой вместо обычного «здравствуй», закушенная губа — и десяток других примет говорили о надвигающейся грозе.

Сегодня он не уловил ничего. Может быть, помешала его собственная радость, горделивое ощущение успеха, нетерпеливая потребность немедленно все и во всех подробностях рассказать Люсе?

На безобидный вопрос мужа Люся ядовито ответила:

— Одни гоняются за контрабандой, а другие получают просто подарки. Кому что нравится. Вот и все.

— Так это подарок? — Андрей указал на куклу.

Люся уперлась кулачками в бока и, подавшись вперед, зло спросила:

— А что? И это тоже здесь запрещено?

— Мама, мама! — засуетился Вовка.— Суп! На кухне суп! — Потом он подбежал к отцу и опять схватил его за руку: — Папа, это будет наша дочка, да? Будет, да?

Вовка говорил торопливо, срывающимся от волнения голосом. Чувствовалось, как он боится надвигающейся ссоры.

— Я не буду с тобой ссориться сейчас, понятно? — еле сдерживая себя, глухо ответил Андрей.— Пожалей наконец хоть его.

Но Люся уже не могла остановиться:

— А меня кто пожалеет?! Я ненавижу эту жизнь! И тебя ненавижу!..

— Нет! — отчаянно закричал вдруг Вовка, бросаясь к матери.— Нет, ты его видишь! Видишь! Это папа!..

Он зарылся лицом в Люсино платье, судорожно обхватив ручонками ее колени.

Андрей не мог этого больше выдержать. Первым желанием его было схватить Вовку и унести куда-нибудь, чтобы он больше не слышал грубых криков, не видел злых глаз. Но Вовка так вцепился в мать, что оторвать его было немыслимо.

Тогда Андрей решил уйти один.

Проходя мимо Вовки, он погладил его по голове и как можно спокойнее сказал:

— Ну, сына, чего ты плачешь? Конечно, мама видит меня.— И, взглянув на Люсю, холодно добавил: — Приду как можно позже.

— Можешь мне не докладывать!

Закрывая дверь, Андрей поймал себя на желании изо всех сил хлопнуть ею. Но — в который уже раз за этот вечер! — сдержался и аккуратно прикрыл дверь за собой.

Холодный, остервенелый ветер хозяйничал на полутемных улицах, раскачивая фонари, с налету ударяя в лица прохожих, толкая их в спины, пронзительно завывая и свистя. «Ну и ветры же здесь!» — подумал Андрей.

Он секунду постоял на крыльце дома, зябко поеживаясь и соображая, куда бы пойти. Ведь невозможно весь вечер гулять на эдаком ветру по улице. Идти к знакомым не хотелось: начнут лезть с расспросами, почему один, где Люся. Может быть, в кино забраться? Что бы там ни шло, а два часа можно отсидеть в тепле. Решено. И пойдет он в «Дружбу», новый большой кинотеатр, в котором он еще ни разу не был.

Андрей поднял воротник пальто и, засунув озябшие руки поглубже в карманы, сошел с крыльца.

Слабо светились витрины небольших магазинов, в полутьме сновали прохожие, слышались обрывки разговоров, смех. Глухо урча, проезжали редкие машины.

У освещенного двумя шарами входа в драмтеатр стояли люди, вероятно, надеясь купить билеты на спектакль. «Неплохая здесь, кажется, труппа»,— подумал Андрей. Он неторопливо брел, хлюпая ногами по раскисшему, грязному снегу, и думал.

Все эти два месяца в Бресте он жил какой-то изматывающей, издерганной жизнью. О чем бы он ни задумывался — будь то Люся или даже его собственное будущее, его работа,— все причиняло ему сейчас боль.

Как хорошо и спокойно текла его жизнь до сих пор, и как вдруг она полетела под откос! И он растерялся, он не знает, что ему делать, что предпринять, чтобы остановить это крушение. У него скоро не будет семьи, скоро уйдет Люся. Он это чувствует, он видит, чем все кончится. Как же он будет жить без нее, без Вовки? Но он не может махнуть рукой и уехать отсюда. Не может! Почему Люся не понимает этого? Ведь она же всегда его понимала. Что же случилось? Может быть, он действительно не прав? Может быть, и в самом деле нельзя жить так прямолинейно, «по газетным передовым», как выразилась Люся? Что же, переломить себя, начать ловчить, искать, где потеплее? Ну, нет!

Андрей зло стиснул кулаки и невольно ускорил шаг.

Что же делать? Ведь Люся ничего не хочет слышать. Она уже не просит, она требует, она чуть ли не ультиматумы предъявляет. Такого никогда еще не было. Такое не кончится добром.

Что же делать? А черт его знает, что делать!

Андрей свернул за угол, прошел квартал по пустынной, узкой улочке и вышел на другую, пошире. Здесь тоже было много прохожих и светились магазинные витрины.

Вот наконец и кинотеатр «Дружба», вот и толпа у касс. Да, билетов нет. Это ясно.

Андрей постоял минуту в нерешительности. Надо уходить. Может быть, в других кинотеатрах он еще достанет билет, хотя бы на последний сеанс.

Конечно, он мог зайти к Наде. Она будет рада, если он придет к ней. Но он к ней не придет. И напрасно она звонит к нему на работу. Он и к телефону больше не подходит. Он не может ей в глаза посмотреть после того, что произошло. Правда, он

был здорово пьян тогда. И Надя нарочно все подстроила. Он только теперь это понял. Теперь он знает, что никакая она не приезжая, она директор магазина случайных вещей, у нее есть здесь квартира и всюду уйма знакомых. Но она не оставляет в покое Андрея. Конечно, надо бы набраться решимости и поговорить с ней, разом все поставить на свое место. Андрей всегда любил ясность в отношениях с людьми, а этот случай требовал ясности больше, чем любой другой. Но идти к Наде ему сейчас не хотелось.

Андрей взглянул на часы. Семь часов. Впереди еще весь вечер, долгий вечер, который надо было как-то убить. Но не стоять же здесь без толку? Он повернулся, собираясь уходить.

В этот момент невдалеке раздался возглас:

— Шмелев! Стой! Куда ты?

Андрей оглянулся. Из толпы вынырнул Семен Буланый, держа за руку худенькую девушку в белой цигейковой шубке.

— Светочка, это тот самый легендарный Андрей Шмелев, гроза контрабандистов. И мой друг с доисторических времен. Знакомьтесь.

Девушка несмело протянула руку.

— Светлана.

— Андрей.

— Что ты тут делаешь? — деловито осведомился Семен.

— Собирался попасть в кино.

— Один?

— Один.

— Понятно. Но полезное мероприятие сорвалось ввиду отсутствия билетов? Тоже понятно, поскольку и у нас оно сорвалось. Может быть, объединим усилия? Возражений нет?

Возражений не было. Стали обсуждать, куда бы пойти. Девушка оживилась и уже не казалась смущенной. Смуглое лицо ее, освещенное улыбкой, разрумянилось, большие темные глаза, умные и смешливые, все смелее и любопытнее поглядывали на Андрея.

— Знаете что,— наконец сказала она,— мы нигде не достанем сейчас билетов. Их надо брать с утра. У меня есть предложение. Пойдемте ко мне.

— Неудобно беспокоить начальство,— замялся Семен, но Андрей видел, что предложение Светланы ему пришлось по душе и он колеблется только для вида.

— Как не стыдно, Семен! — возмутилась девушка и, обращаясь к Андрею, добавила: — Ведь я же вижу, что притворяется. Не так-то просто его смутить. А фамилия моя — Жгутина.

— Так вы дочка Федора Александровича?

— Да. Вот Семен и не пропускает случая...

— Светочка, хватит! — шутливо перебил ее Семен, подняв вверх руки.— С восторгом принимаю ваше приглашение. Пойдем, Андрей.

— Что ж! Я тоже с восторгом.

Светлана взглянула на него и погрозила пальцем.

— Вам восторг не идет. Вы, по-моему, человек серьезный, положительный. Правда, Семен?

И вдруг расхохоталась так заразительно, что Семен и даже Андрей невольно рассмеялись вместе с ней.

Дверь открыл сам Федор Александрович, розовый, заспанный, в мятой штапельной пижаме.

— Папа, учти,— сказала ему Светлана,— это мои гости. Они не к тебе пришли.

— Это еще что за предупреждение?

— А то они боялись нарушить твой покой.— И Светлана лукаво взглянула на своих спутников.

Семен развел руками.

— Ну и дочка у вас, Федор Александрович! Не язычок, а бритва.

— Это у нее наследственное,— усмехнулся Жгутин, в зевке прикрывая пухлой ладонью рот.— По женской линии.

Светлана рассмеялась.

— Папа знает, что я никогда не была доносчицей. А мамы, очевидно, нет дома. Идемте ко мне,— решительно объявила она молодым людям и, обращаясь к отцу, добавила: — Папочка, можешь спать дальше. Когда вскипит чайник, я тебя разбужу.

Без шубки, в синем скромном платьице с широким белым воротничком, Светлана показалась Андрею совсем юной, почти девочкой. Высокая и худая, с угловатыми движениями, она еще не приобрела изящества, которое обычно приходит с возрастом. Но лицо Светланы, смуглое, оживленное, останавливало внимание своей незаурядностью. «Интересная девочка и умница»,— решил про себя Андрей и с каким-то невольным уважением посмотрел на Семена: молодец, если выбрал такую.

В уютной Светланиной комнате Андрей и Семен с первой же минуты почувствовали себя приятно и свободно. Пока Светлана суетилась, накрывая на низкий столик у дивана скатерть и расставляя посуду, Андрей рассматривал книги на полке. Семен же помогал Светлане. Девушка весело, с шутливой строгостью командовала им, и он с удовольствием подчинялся.

Наконец стол был накрыт, чайник вскипел, и Светлана побежала за отцом.

Жгутин появился уже в костюме, хотя и без галстука, умытый и окончательно проснувшийся.

За чаем разговор сначала вертелся вокруг последних известий из Москвы. Жгутин любил Москву трогательной и ревнивой любовью и мог без конца слушать о ее новых улицах, скверах и домах. Он очень жалел, что не может выписать «Вечернюю Москву», по его мнению, интереснейшую из всех газет.

Но постепенно разговор зашел о работе в таможне. Начал его Семен.

— А что, Федор Александрович,— обратился он к Жгутину,— если откровенно сказать, ведь не может наша работа всю жизнь приносить человеку удовлетворение. Верно?

— Почему же не может? — настороженно спросил Жгутин.

— Так это же не призвание, с этим люди не родятся. Вот, к примеру, врач, или там инженер, или музыкант. Это — призвание. И для человека с таким призванием счастье — стать врачом или музыкантом. А таможенник? Разве это — призвание, разве с этим родятся? Люди попадают на эту работу более или менее случайно.

Семен говорил с упоением, и чувствовалось, что присутствие Светланы играло здесь не последнюю роль.

И Андрей, слушая его, невольно улыбнулся: какими все-таки наивными становятся люди, когда влюбляются.

Но Жгутин воспринял слова Семена по-иному.

— Тонкой материи касаетесь,— покачал головой он.— Я, пожалуй, отвечу вам конкретным примером. Вот супруга моя, Нина Яковлевна,— хирург, хирург по призванию, от рождения, это не я говорю, это ее коллеги говорят. И когда она рассказывает мне о своих делах, о своих операциях, я сижу, как завороженный. Невозможно, понимаете ли, слушать ее

спокойно. Бьет меня, трясет всего, если какую-нибудь неудачу описывает. И вот, обратите внимание, дальше. Когда я ей рассказываю о своей работе — о людях, которые проезжают через границу, о друзьях и врагах наших, о том, что они говорят, как ведут себя, о контрабанде,— ведь слушает меня Нина Яковлевна, представьте себе, с интересом, и волнуется, и даже ругает меня, требует от меня чего-то. Но разве я такой уж расчудесный рассказчик? Разве в этом дело?

Нет. Есть что-то такое в нашей работе, что за живое человека берет. Но не всякого, согласен. Меня взяло, а другого — нет.

Незаметно для себя самого Андрей все внимательнее прислушивался к их разговору.

Речь зашла, по существу, о цели жизни, о выборе пути в ней, и Андрей особенно сейчас, когда от решения этого вопроса зависела вся его жизнь с Люсей, не мог равнодушно отнестись к тому, что он слышал.

А Жгутин, отставив чашку с чаем, со смаком закурил и продолжал, глядя куда-то сощуренными глазами:

— И еще вот что я вам скажу, дорогие вы мои. Чем больше я живу, тем больше мне хочется жить с сознанием, что я живу не зря. И не в том смысле, что, мол, памятник себе оставлю нерукотворный. Нет. Это надо понимать в том смысле, что пока я жив, на месте, где я работаю, без меня обойтись никак нельзя. Конкретную свою пользу я ощущаю. Это очень важно, особенно мне, как коммунисту. Без этого я жить не могу.

Семен снисходительно усмехнулся.

— Вы сейчас, Федор Александрович, извините меня, говорите газетные истины. Мол, все профессии важны, надо только добросовестно трудиться на пользу народу. Тысячу раз мы это уже слышали. Но еще никогда от повторения мысль не становилась убедительней.

И в этот момент Андрея особенно покоробила его нечуткость. Ведь если не по словам, то по искреннему тону Жгутина, по его волнению можно было понять, что говорит он то, что думает, что чувствует, говорит об очень дорогом для себя, очень важном.

Как же можно упрекать его в ханжестве, в лицемерии?

Видно, то же самое почувствовала и Светлана, потому что посмотрела она на Семена чуть удивленно, а потом резко сказала:

— Не надо придираться к словам и выставлять себя таким умным.

— Просто я трезво смотрю на вещи,— строптиво возразил Семен, и лицо его приняло упрямое выражение.— Мы не так заражены идеализмом, как наши отцы. Верно, Андрей? Что ты отмалчиваешься?

— Дело не в идеализме отцов,— задумчиво ответил Андрей.— Просто нам надоело все принимать на веру. Хочется наконец самому кое-что проверить в жизни.

— Значит, сомневаешься в прописных, газетных истинах?

— Ты зря придаешь этому иронический смысл. Если хочешь знать, я эти истины уважаю. Почему? А хотя бы потому, что вера в них дорого далась нашим отцам. А вот нам... Не хочу принимать их на блюдечке. Хочу разобраться. Вот Федор Александрович говорит, что главное — свою пользу ощущать. А тогда скажите мне, к примеру, что важнее — долг или призвание, если приходится, скажем, выбирать?

Андрей говорил все злее, все упрямее. От размышлений и сомнений своих он все больше переходил на спор. И видел он сейчас перед собой не Семена, не Жгутина и не Светлану, а Люсю, с ней, ожесточась, в который раз уже заводил этот спор.

— ...И я, например, считаю, что важнее — долг. Раз надо, раз тебя послали — работай! Значит, нужен, значит, полезен.

— Работай из-под палки? — усмехнулся Семен.

— Нет. Из убеждения. Из дисциплины.

Семена все больше веселил этот спор.

— О, ты, я вижу, ортодокс,— тем же насмешливым тоном продолжал он.— Сейчас ты меня будешь призывать поехать на целину или вовремя платить членские взносы.

— Я тебя буду призывать не паясничать.

— И я тоже,— сухо промолвила Светлана.

Семен вдруг сразу посерьезнел и уже ядовито и многозначительно сказал, обращаясь к Андрею:

— Кстати, о принципах нашей жизни. Один из них, если не ошибаюсь, гласит, что слова не должны расходиться с делами. А вот насчет дел у тебя какая-то, я бы сказал, телефонная неувязка наметилась. Чуть не каждый день телефон звонит, тебя требует. И это с первых же... гм... суток, как ты сюда приехал.

— Какая телефонная неувязка? Что ты...— И тут вдруг Андрей осекся. «Семен намекает на Надю, на ее звонки,— подумал он.— Неужели ему что-то известно? Но откуда, как? Только этого еще не хватает!»

Но тут вмешалась Светлана.

— Мальчики, не ссориться,— строго скомандовала она и, обращаясь к Андрею, добавила: — Лучше расскажите, как вы сегодня контрабандиста поймали. Из папы я ничего не могла вытянуть.

— А это потому,— уже совсем другим тоном, весело и добродушно отозвался Семен,— что другой принцип гласит: надо изучать все по первоисточникам. Вот я его к вам и привел.— Он широким жестом указал на Андрея.

— Положим, я сама его привела,— засмеялась Светлана и снова взглянула на Андрея.

Взгляды их на секунду встретились, и Андрей прочел в глазах девушки столько тепла и доброжелательства, что ему вдруг на минуту показалось, что не так уж тяжело и беспросветно все в его жизни. И он, улыбнувшись, принялся весело описывать сегодняшнее происшествие в экспрессе «Берлин — Москва».

Светлана, дивясь и радуясь внезапной перемене в нем, с интересом слушала его рассказ, смущенно ловя себя на том, что ей нравится его голос, его лицо, его скупые жесты, вся его огромная и нескладная фигура в сером с искоркой пиджаке из дешевой ткани и голубой рубашке с расстегнутым воротом.

И Жгутину, молчаливо курившему в углу на диване, тоже нравился Андрей, но к этому чувству примешивалось какое-то беспокойство. «Что-то у этого парня неладно»,— подумал он.

Рассказывая про утренний случай, Андрей почти успокоился. Но куда бы затем ни сворачивал разговор, он все время ловил себя на тревожной мысли, что Семен знает о происшествии в гостинице «Буг» и что следовало бы увидеть Надю и раз навсегда покончить со всей этой историей.

Внезапно Андрей заметил, как слипаются глаза у Жгутина, каких усилий стоит ему борьба со сном, и предложил Семену уходить. Тот замялся, а Светлана стала убеждать их посидеть еще, ведь нет и десяти часов. Потом она обернулась к отцу и сказала ему ласково и настойчиво, чтобы он шел спать,

что гости это ее, а не его, и тот, тяжело поднявшись с дивана, добродушно ответил:

— И в самом деле. Устал я, братцы мои. Года, прямо скажем, не те.

В этот момент Андрей увидел, что Семен делает ему многозначительные знаки, давая понять, что он бы хотел остаться, а вот Андрею, наоборот, следует под любым предлогом уходить. Тут уже Андрею ничего не оставалось, как, повинуясь товарищеской солидарности, вдруг «вспомнить» о каком-то неотложном деле и начать прощаться.

Как ни просила его Светлана, как для вида ни уговаривал Семен, Андрей распрощался. Уже в дверях Семен с особым чувством пожал ему руку.

И вот Андрей снова один на улице. Ветер утих. Из бездонной черноты неба, медленно кружась, падали большие, как белые бабочки, снежинки. Было холодно и сыро.

Андрей посмотрел на часы. Только десять. Куда себя деть теперь? Возвращаться домой еще рано. Надо прийти, когда Люся уже будет спать, иначе опять вспыхнет ссора. Опять! Сколько еще может так продолжаться? Сколько еще могут выдерживать человеческие нервы?

Он всегда думал, что у него не нервы, а канаты. Они не сдавали в самые трудные минуты. Так было, к примеру, на всех сессиях и на госэкзаменах. И он всегда шел отвечать первым, чтобы дать успокоиться остальным. Так было однажды и в альпинистском походе, когда они заблудились, спускаясь с гор к морю. Ребята начали нервничать, ссориться и искать виновного, а Андрей молча искал дорогу, искал спокойно и упрямо и нашел ее. Так, наконец, было и в другом альпинистском походе, на следующий год, когда чуть не сорвался в ущелье Володька Федоров. В тот миг Андрей вдруг почувствовал, как что-то сжалось у него внутри, словно пружина, мысли заработали удивительно спокойно, движения стали решительными, быстрыми, ему сразу стало ясно, что надо делать, и он успел-таки зацепить Володьку ледорубом за лямку вещевого мешка. «Колоссально,— сказал ему тогда Семен Буланый,— у тебя нервы первый класс».

Теперь нервы начинают сдавать. Андрей это чувствует. Во время одной из ссор с Люсей на него вдруг накатила какая-то волна ярости, Андрея затрясло, и он почувствовал, что может сейчас сделать что-то ужасное, непоправимое, может крикнуть сейчас что-то такое отвратительное и грубое, чего никогда еще себе не позволял. Андрей тогда впервые почувствовал, что теряет власть над собой, и это было так страшно, это так потрясло его, что он в тот вечер впервые убежал из дому.

Нет, нет, Андрей сейчас ни за что не вернется домой! Но что же делать? Просто так ходить и ходить по улицам? А хотя бы и так! Что ему впервые, что ли, длинными холодными вечерами вышагивать по улицам города? Впрочем...

Андрей остановился и в нерешительности потоптался на месте, потом опять взглянул на часы. Не так уж поздно для визита. Решено! Он зайдет к Наде. Все равно это когда-нибудь надо сделать. Вот только вспомнить бы ее адрес. Надя однажды сказала ему по телефону, хотя Андрей и предупредил, что зайти не сможет. Это было давно, когда он еще подходил к телефону. Какой же у нее адрес? Кажется, улица Советских пограничников. Да, да, она. Дом не то четырнадцать, не то четыре, даже, может быть, двадцать четыре. А квартира один, это он точно помнит. Ну, что ж. Можно и поискать. Делать все равно нечего. В крайнем случае хоть будет какое-нибудь занятие, какая-нибудь цель.

Приняв решение, Андрей бодро зашагал по улице.

Расположение улиц в центре города он уже знал неплохо. Поэтому сравнительно быстро Андрей оказался на нужной улице и приступил к изучению всех домов, номера которых кончались на четыре. И тут ему повезло. Женщина, выходившая из ворот, сказала Андрею, что Огородникова живет здесь, в квартире номер один. При этом она с нескрываемым любопытством оглядела Андрея и добавила, не то спрашивая, не то утверждая:

— В первый раз вас вижу. Недавно, значит, познакомились.

Андрей пробормотал что-то в ответ и поспешил к воротам.

В самой глубине темного, без единой лампочки двора примкнула к двухэтажному домику небольшая пристройка. Где-то тут и жила Надя. Чтобы разыскать ее, Андрею пришлось зайти в двухэтажный дом и постучаться в первую попавшуюся квартиру. Оттуда высунулся длинный тощий старик с отекшим лицом и сивыми усами. Он хмуро выслушал Андрея, указал ему худым пальцем на пристройку и, закрывая дверь, проворчал:

— Ходють тут всякие. А ты из-за нее простужайся.

Андрей снова очутился во дворе. В кромешной тьме он добрался до пристройки и стал шарить по стене, стараясь нащупать дверь. Наконец ему это удалось, и он постучал.

Через минуту знакомый женский голос из-за двери спросил:

— Кто там?

— Андрей.

— Какой Андрей? — В голосе Нади послышалось удивление и радость.

— Шмелев.

— Батюшки, Андрюша! Сейчас, сейчас!

Андрей услышал, как Надя отодвигает засовы, что-то поворачивает и звенит ключами. «Ну и замков же у нее!» — насмешливо подумал он.

Наконец дверь распахнулась, и в светлом ее проеме появилась Надя. «Все-таки красивая она»,— невольно подумал Андрей, окинув быстрым взглядом Надину ладную фигуру в пестром домашнем платье, как всегда, сильно открытом. Пышные волосы ее были прикрыты косынкой, лицо светилось радостью, но Андрей успел заметить на нем и легкое замешательство.

— Не поздно я?

— Что ты! — махнула рукой Надя и лукаво добавила: — И позже приходил.

— Об этом и хочу поговорить.

— Об этом в другой раз, Андрюшенька,— сказала Надя, запирая дверь.— Гость у меня сейчас.

— Ну, так и я в другой раз приду.

Андрей сделал движение к выходу, но Надя обняла его за плечи.

— Нет уж. Раз пришел, то поужинай с нами.

— Сыт я.

— Все равно. Не отпущу.

И она начала проворно расстегивать на нем пальто. Андрею ничего не оставалось, как подчиниться. При этом он уже внимательно огляделся по сторонам.

Небольшая передняя была заставлена какой-то рухлядью. Колченогие стулья, старый буфет с выбитыми дверцами, облупленный шкаф, какие-то ящики, сундуки. В углу скромно притулилась вешалка. Андрей узнал Надину шубу. На соседнем крючке висело длинное черное пальто с бобровым ворот-

ником шалью. «Наверное, гостя»,— подумал Андрей, вешая рядом свою шинель. Черное пальто показалось ему почему-то знакомым.

Приглаживая на ходу волосы, Андрей двинулся вслед за Надей в комнату.

Там за накрытым столом расположился Засохо. Без пиджака и галстука, в расстегнутой у ворота сорочке, он жадно, с шумом обсасывал косточки мясного рагу, дымившегося перед ним в глубокой миске.

Когда Андрей вошел, Засохо поднял голову, и секунду они молча, с удивлением смотрели друг на друга.

Андрею было неприятно: Засохо не внушал ему симпатии, больше того, он был преступником, большим или малым, это не имело значения. Первым желанием Андрея было уйти, уйти и не видеть этой самодовольной, наглой рожи. Он даже сделал невольное движение к двери, но Надя потянула его за рукав, и вырываться было уже совсем глупо. И тут же мелькнула мысль: «Зачем ему нужна валюта? Вот бы попробовать узнать!»

А Засохо между тем обрадованно воскликнул:

— О, кого я вижу! Свидетель моего позора! А ведь я тебя сразу узнал. Ей-богу! Только вида не подавал. Зачем? Верно я говорю?

— Верно.

Засохо вылез из-за стола, подошел к Андрею и, чуть не упираясь в него толстым животом, добродушно пророкотал:

— Нет, ты мировой парень, ей-богу. И здорово вымахал!

Он с силой похлопал Андрея по плечу, потом взял под руку и увлек к столу.

— По этому поводу выпьем!

Тут только Андрей заметил полупустую бутылку водки на столе и рядом тоже начатую бутылку вина.

— Садись, Андрюша, садись,— радостно засуетилась Надя.— Артур Филиппович предлагает выпить.

— Да я, знаете, только что...

— И слышать ничего не хочу! — с пьяным упорством воскликнул Засохо.— Выпьем, тебе говорят!

Андрею пришлось подчиниться.

От новой рюмки Засохо неожиданно пришел в воинственное настроение.

Он рванул ворот рубахи, красное лицо его еще больше покраснело, щеки и нос, казалось, вот-вот лопнут под напором крови, она залила его округлившиеся в ярости глаза под стеклами очков. Страшен был этот человек в своем бешеном приступе.

— Задушу!.. Своими руками щенка этого!..

Засохо со злостью стукнул кулаком по столу.

— Да будет вам, Артур Филиппович,— попыталась успокоить его Надя.— Ну, что вы, в самом деле, кричите!

Андрей пришел ей на помощь и предложил:

— Выпьем?

— Верно! — обрадовался Засохо. Злость у него сразу пропала.

Они выпили, и Андрей самым миролюбивым и безразличным тоном спросил у Засохо:

— А к чему, например, вам доллары? Ведь все равно ничего на них не купишь.

— Какие еще доллары? — недовольно спросил Засохо.

— Как так «какие»? Да те самые...

Но тут вдруг Андрей заметил, что Засохо делает ему какие-то знаки. Он невольно взглянул на Надю. Та застыла в напряженном ожидании. «Он от нее это скрыл почему-то»,— мелькнуло в голове. Андрей понял, что Засохо все равно не ответит на его вопрос, настаивать было бесполезно.

— Вообще... иногда приобретают...— неопределенно закончил он.

Вскоре Андрей стал прощаться. Его не удерживали. Уже в самых дверях Андрей сказал Наде:

— До свидания. Поговорим в следующий раз.

Надя, поняв это по-своему, лукаво осведомилась:

— Когда же он будет, скоро?

Андрей понял ход ее мыслей.

— Ты ничего такого не думай, Надя. Я ведь серьезно.

— А я ничего такого и не думаю.

В это время в переднюю ввалился Засохо и, обняв Андрея за плечи, сипло, с усилием проговорил:

— Ты ей не очень, понял?.. Ты же парень с этой... с головой, понял?

— Понял,— еле сдерживая отвращение, ответил Андрей и торопливо кивнул Наде: — Ну, пока.

Во дворе он остановился, полной грудью вдохнул холодный сырой воздух и досадливо поморщился. И с Надей не поговорил и пил с этим мерзавцем зря, так и не удалось узнать, зачем ему нужны были доллары. А Надя, по-видимому, связана чем-то с ним. Да-а-а, такое знакомство не украшает и не бывает случайным.

Андрей вздохнул и медленно побрел к воротам. Ничего не поделаешь, надо было возвращаться домой.

В это время Люся сидела над кроваткой уже заснувшего Вовки и, комкая в руке мокрый от слез платок, думала о своей судьбе.

Какая она несчастная! Боже мой, если бы она могла только все это предвидеть! Ведь Андрей искалечил ей жизнь! Люся перебирала в памяти своих подруг по институту. Да, да, некоторые из них так счастливо устроили свою судьбу!.. А вот она... И мама еще пишет, что надо потерпеть, надо подождать. Чего ждать? Пока она, Люся, состарится, что ли? Ну, нет! Она ждать не намерена. Если Андрей не сумел ей составить счастья, она будет добиваться его сама, без Андрея. И тем хуже для него!

(Продолжение следует.)

Алексей Максимович

Екатерина Павловна Пешкова знакомит сегодня читателей «Юности» с письмами А. М. Горького к сыну Максиму.

Это лишь небольшая часть писем Алексея Максимовича к сыну, которые Е. П. Пешкова готовит к печати для одного из томов «Архива А. М. Горького». Но и публикуемые строки представляют исключительный интерес. Они помогают лучше увидеть одну из малоосвещенных сторон многогранной личности великого писателя: увидеть его как отца — любящего, заботливого и требовательного, глубоко чувствующего свою ответственность за юного, лишь вступающего в жизнь человека.

О том, как много думал А. М. Горький о сыне, свидетельствуют его письма к матери Максима — Екатерине Павловне. В 1907 году, когда Максиму было десять лет, А. М. Горький писал Е. П. Пешковой: «...БЫЛО БЫ ХОРОШО ПОПРОБОВАТЬ ЕГО — НЕТ ЛИ СКЛОННОСТИ К МУЗЫКЕ, РИСОВАНИЮ ИЛИ ТАКОЙ ДИСЦИПЛИНЕ КАК ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ? ОН ВЕДЬ ЛЮБИТ ВСЯКИХ БУКАШЕК, МОРСКИХ ЖИВОТНЫХ — МОЖЕТ БЫТЬ, СВОЕВРЕМЕННО ОБРАТИВ ВНИМАНИЕ НА ЭТУ СТОРОНУ, ТЫ ПОМОЖЕШЬ ЕМУ ОПРЕДЕЛИТЬСЯ?»

Беспокоясь о том, как будет учиться сын за границей, Алексей Максимович советовал отдать его в школу Фидлера (русского прогрессивного педагога, который был вынужден после поражения революции 1905 года эмигрировать в Женеву и открыл там школу для детей политических эмигрантов): «МАКСИМУ НУЖНО ОБЩЕСТВО ДЕТЕЙ; ВЕРОЯТНО, ОН НАЙДЕТ ЕГО В ЭТОЙ ШКОЛЕ; ЭТО ОБЩЕСТВО — САМОЕ ГЛАВНОЕ».

«РАД, ЧТО ТЫ ТАК НАПИСАЛА О МАКСИМЕ,— писал Алексей Максимович Екатерине Павловне в 1908 году,— УЖАСНО ХОРОШО, ЧТО МЕЖДУ ТОБОЙ И ЭТИМ СЛАВНЫМ ЧЕЛОВЕЧКОМ УСТАНОВИЛИСЬ, УСТАНАВЛИВАЮТСЯ ХОРОШИЕ ОТНОШЕНИЯ. БЕРЕГИ ЕГО И СЕБЯ... БЫТЬ МАТЕРЬЮ ЦЕННОГО ЧЕЛОВЕКА — РАЗВЕ НЕ ГОРДОСТЬ?»

Таких строк можно было бы привести очень много (письма А. М. Горького к Е. П. Пешковой составляют два больших тома «Архива А. М. Горького»; один из них — том V — уже издан, другой, откуда взяты выдержки, готовится к печати).

Алексей Максимович постоянно интересовался тем, что̀ читает Максим. Когда выяснилось, что у сына способности к рисованию и что из него может выработаться своеобразный художник-шаржист, А. М. Горький настойчиво советовал ему учиться — его беспокоило, что сын относится к своему дарованию недостаточно серьезно. Но, главное, Алексей Максимович стремился привить сыну правильный взгляд на мир, на общество, на труд. Десятилетнему Максиму он написал чудесные слова: «ЗНАЙ, ЧТО ВСЕГДА ПРИЯТНЕЕ ОТДАТЬ, ЧЕМ ВЗЯТЬ». Значение этих слов станет более понятно, если вспомнить, как в повести «Фома Гордеев» купец-миллионер Игнат внушает своему сыну Фоме: «Мы все для того живем, чтобы взять, а не дать». В этих двух отцовских наставлениях отразились два разных мира: новый, с его коммунистической моралью, и старый, с его моралью джунглей.

Двадцатилетний Максим Пешков восторженно встретил Октябрьскую революцию. Он работал в газете «Деревенская беднота», ездил в Сибирь за хлебом для Москвы, был (при содействии В. И. Ленина) назначен дипкурьером. Алексей Максимович писал тогда Екатерине Павловне: «МАКСИМ КРЕПКО ВЕРИТ, ЧТО ЖИЗНЬ И МОЖЕТ И ДОЛЖНА БЫТЬ ПЕРЕСТРОЕНА В ТОМ ДУХЕ, ТЕМИ ПРИЕМАМИ, КАК ДЕЙСТВУЕТ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ».

Сам А. М. Горький поверил в это, как известно, не сразу. Но Максим Пешков был счастлив уже в 1918 году написать В. И. Ленину: «ПАПА НАЧИНАЕТ ИСПРАВЛЯТЬСЯ — «ЛЕВЕЕТ». ВЧЕРА ДАЖЕ ВСТУПИЛ В СИЛЬНЫЙ СПОР С НАШИМИ ЭСЕРАМИ, КОТОРЫЕ ЧЕРЕЗ 10 МИНУТ ПОЗОРНО БЕЖАЛИ». А. М. Горький активно включился в культурное строительство молодого Советского государства — создал издательство «Всемирная литература», возглавил комиссию по улучшению быта ученых и т. д. По всем этим вопросам он часто обращался к В. И. Ленину. Нередко с поручениями отца к В. И. Ленину приезжал Максим Пешков. В одну из своих встреч с А. М. Горьким и его сыном В. И. Ленин подарил им по экземпляру своей книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» с надписями, воспроизводимыми в этом номере «Юности».

Когда в 1921 году В. И. Ленин настоял, чтобы А. М. Горький уехал за границу лечиться, Максим хотел остаться. Как вспоминают близкие, В. И. Ленин сказал ему, что он должен быть около отца. И Максим был около отца, помогая ему до конца своих дней в его огромной, многообразной и многотрудной деятельности.

Безвременная смерть сына (в 1934 году) была тяжелым ударом для Алексея Максимовича. Со всех концов нашей страны и из-за рубежа шли к нему письма с выражением соболезнования, со словами поддержки. А. М. Горький хотел после смерти сына издать отдельной книгой его рисунки со своим предисловием «Мой сын». Но написать это предисловие он не успел.

Б. БЯЛИК,
доктор филологических наук

Ек. ПЕШКОВА

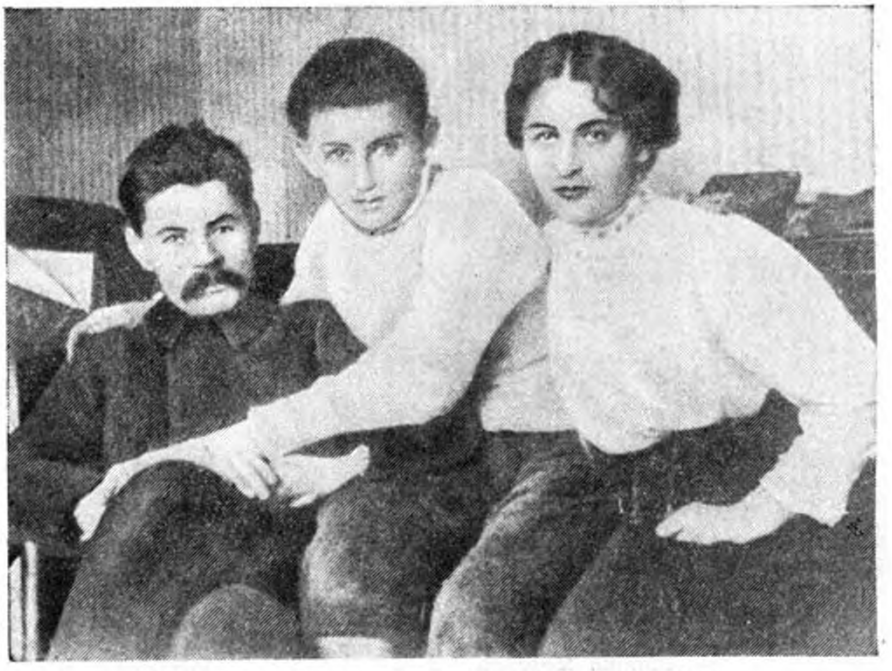
и Максим Алексеевич

Поздней осенью 1906 года Алексей Максимович покинул Америку, куда ездил по поручению партии. Прибыл он в Неаполь на пароходе «Принцесса Ирен» 26 октября 1906 года. Неаполитанцы горячо встретили его — казалось, весь город вышел на улицу.

Остановился он в отеле «Везувий» на набережной Санта Лючиа. Перед гостиницей толпился народ, люди указывали на окна и балкон его номера.

Где бы Алексей Максимович ни появлялся, возникали манифестации, собирались группы людей, раздавались возгласы «Evviva Gorki!» («Да здравствует Горький!»).

Еще в Америке Алексей Максимович знал, что в Россию ему ехать нельзя: там его ждал арест и суд. Он думал пожить во Франции, пока выяснится возможность его возвращения на родину. Общение с итальянцами, их радушие изменили его намерение, и он решил это время прожить в Италии. Красота природы острова Капри и его уединенное положение показались Алексею Максимовичу местом приятным и удобным для работы, и он поселился на Капри.

А. М. Горький, его сын Максим и Е. П. Пешкова.

Я с восьмилетним сыном Максимом жила в Москве, работала. Сын начал учиться. Мне передали просьбу Алексея Максимовича приехать в Италию, так как ехать в Россию ему было нельзя. Уладив дела, мы с сыном отправились за границу.

В начале января 1907 года приехали на Капри. Алексей Максимович только что оправился от плеврита. Радостно было свидание, но и тяжело было говорить о болезни и кончине нашей дочки Катюши, пяти с половиной лет умершей от туберкулезного менингита во время поездки отца в Америку.

В начале сентября 1906 года я получила от Алексея Максимовича письмо, в котором он писал:

«...Я прошу тебя — следи за сыном. Прошу не только как отец, но — как человек. В повести, которую я теперь пишу,— «Мать»,— героиня ее, вдова и мать рабочего-революционера — я имел в виду мать Заломова,— говорит:

«— В мире идут дети... идут дети к новому солнцу, идут дети к новой жизни... Дети наши, обрекшие себя на страдание ЗА ВСЕ ЛЮДИ, идут в мире — не оставляйте их, не бросайте кровь свою без заботы!»

Впоследствии, когда ее будут судить за ее деятельность, она скажет речь — в которой обрисует весь мировой процесс, как шествие ДЕТЕЙ к правде. Детей, ты это пойми! В этом — страшное усиление мировой трагедии...»

Рассказывал нам Алексей Максимович о своих впечатлениях, о людях и жизни в Америке.

Мы много с ним гуляли. Он показывал нам особенно красивые места этого чудесного острова и рассказывал историю Капри. Во время одной из прогулок Алексей Максимович и Максим остановились у агавы, и итальянец Энрико Моргано, знакомый Алексея Максимовича, их сфотографировал.

(Эти снимки см. на следующих страницах.)

☆

Время летело незаметно, пора было возвращаться в Москву. Перед возвращением в Россию Алексей Максимович уговорил меня не торопиться и посмотреть Италию, что мы и сделали.

Мне хотелось повидать Веру Фигнер, которая жила в Аляссио (Alassio), маленьком городке на севере Италии, недалеко от Генуи. Там нас ждали письма Алексея Максимовича.

В письме сыну он писал:

«Ты уехал, а цветы, посаженные тобою, остались и растут. Я смотрю на них, и мне приятно думать, что мой сынишка оставил после себя на Капри нечто хорошее — цветы.

Вот если бы ты всегда и везде, всю свою жизнь оставлял для людей только хорошее — цветы, мысли,

А. М. Горький на острове Капри. 1907 год. Фото Энрико Моргано.

славные воспоминания о тебе,— легка и приятна была бы твоя жизнь. Тогда ты чувствовал бы себя всем людям нужным, и это чувство сделало бы тебя богатым душой. Знай, что всегда приятнее отдать, чем взять».

Вероятно, вы уже читали выдержку этого письма в печати, но мне оно так нравится, что хочется, чтобы вы еще раз ее прочли.

☆

Вскоре были получены из России сведения, что и мне вернуться туда нельзя.

Было решено, что до возможности моего возвращения в Россию я с сыном останемся в Женеве, и Максим поступит в русскую школу, организуемую И. И. Фидлером. (Это директор реального училища в Лобковском переулке в Москве, предоставивший училище во время вооруженного восстания в 1905 году революционному штабу, после чего ему пришлось эмигрировать.)

Ряд лет с Алексеем Максимовичем мы лишь изредка виделись. Или он приезжал к нам в Париж, в окрестности которого была переведена школа, или во время летних каникул он приезжал в полюбившееся сыну и мне Аляссио.

Между нами началась переписка. В этом номере «Юности» — письма Алексея Максимовича к сыну 1910—1911 годов и начала 1912 года. Письмо о цветах — 1907 года.

В Аляссио сын сдружился с детьми аляссинских рыбаков, и они радостно встречали его во время наших приездов из Франции.

Алексей Максимович всегда был озабочен вопросами воспитания сына: давал советы мне, выписывал из Петербурга подходящие для него книги.

Вот одно из писем Алексея Максимовича к сыну:

«Милый мой старикан!

Книги я тебе выписал, но — не ВСЕ те, на которые ты указал.

Так, например, не выписал ни одного русского исторического романа, указанного тобою, потому что это все книжки бесталанные и лживые. Со временем я подберу тебе все русские исторические повести и романы, которые можно читать без скуки, без риска вывихнуть мозг и засорить память ложью. Таких книжек очень мало у нас: «Князь Серебряный» Ал. Толстого, «Чайковский» Гребенки, «Курские порубежники» Маркова, «Черная рада» Кулиша и еще книжки две, три не более. Да и то читать их следует, предварительно познакомившись с русской историей, чтоб самому видеть, где автор сочиняет и обманывает читателя.

Жюль Верна я выписал все 18 томов, то есть полное собрание сочинений, ибо отдельно книжки, тобою подчеркнутые, не продаются.

Теперь у тебя его книги некоторые будут в двух экземплярах — вторые экземпляры подари кому-нибудь из товарищей, когда получишь новые.

Выписал «Природу и люди» с Буссенаром, а Конан Д'Ойля не советую читать, это, братишка, литература плохая, по ней сыщики воспитываются. Со временем, когда у тебя разовьется вкус ко книге, сам увидишь, что я прав.

Майн Рида и Сальгари — выпишу, когда узнаю, у кого они изданы лучше.

Выпишу и полное собрание сочинений Уэллса; ты — прав, он не только не хуже Жюль Верна, но гораздо более художник, т. е. пишет красивее и убедительней. А какой милый человек сам он, если б ты знал! Удивительно славная душа! Я встречался с ним в Нью-Йорке и в Лондоне.

Рядом с этими книгами, т. е. Жюль Верном, Буссенаром и Уэллсом, тебе пора уже читать и серьезную, настоящую литературу, и постепенно я тебе буду ее подбирать.

Ты мог бы прочитать с удовольствием «В дурном обществе» Короленко, «Семейную хронику» и «Детские годы Багрова» Аксакова, «Севастопольские рассказы» Толстого, «Поликушку», «Холстомера», Тургеневские «Записки охотника» и т. д.

В этих книгах — правда, а она, друг, всегда интересней и значительнее всех фантазий и сказок. Да и нужнее нам с тобою.

А получил ты газету с моим очерком «Праздник» — я тебе послал?

Буду писать рассказы для детей в одном итальянском журнале[1] и присылать тебе рукописи мои.

Очень мне приятно, что ты любишь читать и хорошо начинаешь разбираться в книгах.

Ну, до свидания пока, дорогой мой, будь здоров, весел, счастлив.

Твой Алексей».

А вот еще часть письма Алексея Максимовича к сыну:

«И мне жаль, что я не мог приехать на Рождество, но — всё это время я писал не менее десяти часов в

[1] «Primavera» («Весна»).

сутки, так что спина скрипела. Сейчас у меня осталось спешной работы еще недели на три, на месяц.

Мне приятно знать, что ты будешь заниматься боксом, только следи, пожалуйста, за тем, чтобы упражнения не утомляли тебя, и — не рассчитывай, со временем, колотить меня.

Вообще я рекомендую тебе возможно больше физических упражнений, надо быть сильным и ловким, это чудесная штука!

Холодно мне, старик! Погода — отчаянная, до такой степени скверно стало в природе, что я скоро буду думать о конце мира и писать отвратительные стихи в таком роде:

Каждый день — дожди и бури!
В белой пене весь залив.
Воют стаи злобных фурий,
Горы снегом посолив — видишь, как
ловко выходит?

Погибаю от озноба.
Я готов в Везувий сесть!
И — мечтаю: хорошо-бы
Завтра утром — солнце съесть!

Но — затем ли от природы
Рот и зубы мне даны,
Чтоб лишил я все народы
Солнца, света и весны?

Видал, старичишко? Ну-ка, напиши-ка мне хоть четыре строчки стихов? Не можешь, француз! Авиатор! Велосипедист! Боксер! Вот как я тебя изругал, и все — от холода такая свирепость...

Ну, до свидания! Обещай, что когда я приеду, ты не будешь применять на моих боках знаний бокса. Я — не ты и не люблю, когда меня бьют. Это ты любишь, когда тебя мамашка колотит.

Я чепуху пишу, да? Милый мой, знал бы ты, как устал я за это время!

Обнимаю тебя крепко, будь здоров, весел, счастлив.

Береги себя и люби мамашку, она очень хороший человек.

До свидания.

А.»

Приведу еще коротенькую выдержку из другого письма:

«Милый мой мальчик —

в Париж я не поеду, против этого и здоровье мое и то, что я не мог бы работать там так успешно, как работаю здесь. Мне очень грустно сказать это, но — видишь ли что: жизнь человечья только тогда имеет смысл и оправдание, когда после нее что-нибудь остается. Мне же есть что оставить после себя, я много взял от жизни и много должен отдать ей. Я — сильно старею, надо торопиться, надо дорожить временем, его не много осталось...

До свидания, дорогой мой мальчик, любимый мой, хороший!

А.»

Максим вместе со своими товарищами по школе очень увлекался воздухоплаванием и следил за полетами Блерио и других. Ездили на аэродром.

Я волновалась: не вздумал бы он попросить летчика взять его с собой в полет.

О своих опасениях я писала Алексею Максимовичу. Видимо, письмо, которое я приведу ниже, относится к тому времени.

Максим Пешков на острове Капри. 1907 год. Фото Энрико Моргано.

«Дорогой мой,

это хорошо, что тебя интересует воздухоплавание, а не воздушных замков построение, но я тебе скажу — воздушные замки тоже хорошая штука,— когда их строишь.

Живи, мальчуган, интересуясь всем,— все и будет интересно, жизнь пойдет стремглав и не увидишь, как станешь сед, хром на обе ноги, плешив и т. д.

Читай побольше. Музыке учись.

У меня сойка померла: скушала 1/2 фунта сырого мяса и — скончалась — от жадности своей.

Недавно заходил в Салернский залив кит-касатка, поплавал двое суток и, напугав всех рыбаков, ушел куда-то по своим хищным делам.

Погода — великолепнейшая здесь, а я больше месяца не вылезал из комнаты — вот как!

Написал повесть со стихами[1], когда ее напечатают,— мама тебе прочитает одну главу о том, как человечек один сочинял стихи.

Спроси маму: читала она «Анатэму»[2]? Если — нет, пусть скажет мне, я пришлю.

Эх, мальчуган, хочется видеть тебя! А как я приеду,— сейчас ты меня, старичишку, замордуешь, затыркаешь, задергаешь — тут я, от старости, и рассыплюсь в пыль и прах.

А приеду ведь, только еще не знаю — когда.

Ну — пока — до свиаания.

---

[1] «Детство».
[2] Пьеса Л. Н. Андреева.

Крепко поцелуй маму и не давай ей скучать. А также и не серди ее — ладно?
Обнимаю тебя.

А.

Японскую марку — надо?
А мадьярских?»

Вот что он писал в одном из следующих писем:

«Дорогой мой!

Спасибо тебе за письмо, я так давно не получал от тебя ни строки и очень обрадовался.

Ты совершенно прав, говоря, что у героя «Овода» больше воли, чем у Кожухова...

...Когда я приеду, мы поговорим с тобою об этом подробно,— и об этом, и о многом другом.

Посылаю тебе Твэна и письма мальчиков, которым я посылал марки, один из них был болен и уже умер, не дождавшись тех марок, которые желал иметь. Мне очень грустно, что я опоздал выслать ему.

Посылаю также письмо-открытку на малорусском языке; это писала девятилетняя девочка из Чернигова, дочь писателя украинского, Оксана, рисунок ее же.

Огромное удовольствие чувствую я, переписываясь с ребятишками! Это, брат, самый лучший народище на земле; ты, как сам еще ребятишка, не можешь понять, как они хороши, но я тебе советую от всей души: никогда не теряй внимания к детям!

Милый ты мой мальчик! Очень это трудная должность быть взрослым да еще — русским, да в наше тяжкое время!

Впрочем,— извини, тебе это все не интересно пока, и преждевременно знать.

Буду я в Париже, вероятно, в конце марта, думаю, что к этой поре закончу мои спешные дела, которым нет конца и, видно, не будет!

Во всяком случае — скоро увидимся и — с какой радостью я тебя обниму, дорогой мой!

Очень люблю тебя, очень скучаю о тебе!

Будь здоров, сын!

А.»

☆

В письме сыну он обещал скоро увидеться. И действительно, в конце января 1911 года Алексей Максимович приехал к нам с Капри. Мы жили в Шатильоне, пригороде Парижа, против школы, в которой учился Максим. Несколько раз Алексей Максимович побывал в этой школе, познакомился с директором, преподавателями и учениками.

В Париже в этот приезд он бывал мало.

Ему надо было встретиться с Владимиром Ильичем, не обращая на себя внимания «наблюдающих» за ним.

Свидание их было обставлено конспиративно и состоялось в маленьком кафе, неподалеку от нашей квартиры, куда трамваем приехал из Парижа Ленин, а Алексея Максимовича проводил Николай Александрович Семашко (в то время учитель школы Фидлера, впоследствии Народный комиссар здравоохранения).

Прожил у нас Алексей Максимович в Шатильоне около двух недель и, получив известие, что к нему на Капри приезжает К. С. Станиславский, 12 февраля 1911 года уехал в Италию.

С Константином Сергеевичем Станиславским они встретились в Риме и вместе поехали на Капри.

Вскоре, 21 марта 1911 года, Алексей Максимович вновь приехал к нам в Шатильон.

Кажется, на другой же день он был у Владимира Ильича.

Следующие наши встречи с Алексеем Максимовичем состоялись в Алассио — местечке, которое я уже упоминала. Это курортный городок с прекрасным пляжем, расположенный между Генуей и Сан-Ремо.

Осенью 1912 года, в ожидании более длительного пребывания Алексея Максимовича, мы сняли изолированную виллу «Sonny Mount», где Алексей Максимович мог бы удобно работать.

Ввиду ожидаемой в 1913 году амнистии по политическим делам и возможности возвратиться в Россию было решено, что мы с сыном переедем на Капри, где Максим сможет заниматься по программе русской школы, чтобы поступить по приезде в Россию в 5-й класс средней школы.

С осени 1912 года до конца 1913 года мы прожили на чудесном острове Капри.

В одну из своих встреч с А. М. Горьким и его сыном В. И. Ленин подарил им по экземпляру своей книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» с собственноручными надписями.

Ек. Пешкова.

Борис КАМОВ

ПАРТИЗАНСКОЙ ТРОПОЙ ГАЙДАРА

А. П. ГАЙДАР.
Последний снимок, сделанный фотокорреспондентом С. Васиным в редакции «Комсомольской правды» перед отъездом писателя на фронт в 1941 году.

...Лет десять назад из очерка Рувима Фраермана, напечатанного в сборнике «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», я впервые узнал, где и когда погиб Гайдар.

Военный корреспондент «Комсомольской правды», Аркадий Петрович ушел на войну добровольцем. Он попал на Юго-Западный фронт, под Киев, где в 1919 году ему довелось получить первое боевое крещение. Незадолго до падения Киева Гайдару предложили место в самолете, в котором улетали в Москву его друзья-журналисты, но Аркадий Петрович отказался. «Прошу передать,— сказал он на прощание,— если случится что, я буду сражаться в тылу врага». Писатель покинул город с группой полковника Орлова. В лесу близ Леплявы группа встретила партизан из небольшого отряда, которым командовал первый секретарь Гельмязовского райкома партии Горелов. Через несколько дней Орлов с товарищами ушел, рассчитывая перейти линию фронта, а Гайдар остался в отряде Горелова. Тут он стал пулеметчиком.

26 октября 1941 года, когда Аркадий Петрович вместе с несколькими партизанами выполнял боевое задание, он был убит.

Вот в самых общих чертах что было известно о последних месяцах жизни Гайдара. Но даже те крупицы сведений, которые до нас дошли, рождали множество вопросов. Почему Аркадий Петрович не вернулся в Москву? Как он попал в группу Орлова? Кто входил в нее? Как они все оказались в Лепляве, в добрых 150 километрах от Киева? Почему Гайдар остался в партизанском отряде? Какова судьба отряда? Говорят, Горелов погиб, но может быть, кто-нибудь из бойцов все-таки жив?

И чем больше я размышлял над всем этим, тем сильнее утверждался в мысли, что в украинском селении Лепляве, до которого не более суток езды, кроется разгадка большой «военной тайны».

И вот стремительно-тревожный перестук вагонных колес. Описанная в «Судьбе барабанщика» панорама Киева. Речной вокзал. Глубокое, как на самолете, кресло «Ракеты».

...Автобус везет меня по желтому неровному шоссе к центру города Канева. У площади Ленина машина останавливается. Свежевыкрашенный указатель — широкая стрелка на металлическом штоке — повернут острием к воротам парка. На стрелке черным — «К могиле А. П. Гайдара». Я

вхожу в парк и медленно иду по аллее. Братская могила 141 парашютиста. Двигаюсь дальше, поворачиваю направо. За подстриженными кустами — тусклый блеск полированного камня. Шаг — и на постаменте красного мрамора бюст цвета вороненой стали: обнаженная голова, сильные плечи, обтянутые солдатской гимнастеркой, на ней орден. Над памятником чуть склонилась молодая разросшаяся береза, посаженная в 1947 году сыном писателя — Тимуром.

...В Каневской детской библиотеке имени А. П. Гайдара Елена Петровна Возная познакомила меня со скромной экспозицией, посвященной Гайдару, а потом вынесла самую большую реликвию — сбитую из двух кусков широкую доску, на которой ножом было вырезано: «А. П. Гайдар, писатель и воин, пулеметчик партизанского отряда. Погиб в октябре 1941 г.». Над словом «октябрь» было поставлено «26».

— Это с могилы Гайдара в Лепляве,— объяснила Елена Петровна.

— А вы не знаете, в Лепляве остался кто-нибудь, кто еще помнит Гайдара?

— К нам недавно приходила женщина, жена партизана. Она рассказывала о Гайдаре и отряде, где погиб и ее муж. Фамилия этой женщины — Степанец.

Итак, жена Степанца в Лепляве. Теперь на тот берег.

Афанасия Федоровна Степанец полола грядки с клубникой. «Здравствуйте, что скажете?» — улыбнулась она. «Скажу, что приехал из Москвы поговорить с вами». «Тогда пойдемте в хату».

Дом, ничем не выделявшийся среди других, оказался очень просторным. Из прохладных сеней я попал в большую комнату с высоким потолком и широченными дубовыми лавками вдоль стен. В правом углу — огромная печь с двухэтажными, уступом полатями. Дверь возле печи вела в другую комнату, поменьше. Здесь было тихо и очень чисто. Не верилось, что этот уютный дом с кисейными занавесками на окнах и взбитыми подушками на белоснежных кроватях несколько месяцев 1941 года был одной из главных баз партизанского отряда. А между тем с того дня, как Андриан Алексеевич Степанец — он был председателем соседнего колхоза — ушел с товарищами в лес, дом только и жил заботами и нуждами отряда.

Афанасия Федоровна — мать четверых детей (тогда старшему, Коле, едва минуло 12)— внимательно наблюдала за всем, что происходило в селе и его окрестностях. Узнав важные новости, тут же отправлялась в партизанский лагерь, за несколько километров. Однажды Горелов ей поручил узнать, где спрятан приемник, что был в сельсовете, в другой раз попросил разнести листовки.

Почти каждую ночь в хату приходили партизаны. Афанасия Федоровна доставала из печки еще днем сваренные щи, насыпала на стол сухари, а сама принималась стирать платки, рубахи, носки, портянки. К утру, когда партизанам нужно было уходить, все было сухим и чистым.

— Я хорошо помню день, когда Аркадий Петрович впервые появился в нашем доме,— рассказывает Афанасия Федоровна.— Мы с сестрой в тот вечер пришли домой печальные: хоронили двух парней, которые подорвались на мине. Смотрим — полна хата хлопцев. А в углу, на лавке, сидит крупный такой, совершенно незнакомый мужчина. Муж говорит: «О це, девчата, наш писатель, Гайдар, Аркадий Петрович». Я с тех пор перевидала, может быть, не одну тысячу людей,— добавляет Афанасия Федоровна,— но Аркадий Петрович стоит перед глазами, как живой. Гайдар попросил меня показать, где можно помыться, потом переоделся и лишь после этого сел вечерять. Я позавешивала окна одеялами и всякой одеждой, лампу поставила под лавку. Бабушка Устя вышла на улицу покараулить: боялись, заявятся немцы.

Аркадий Петрович во время ужина негромко беседовал с товарищами. Потом и мне сказал: «Вот, Феня, как дождемся прихода красных,— если будем к тому времени живы,— то напишу я книгу про наш партизанский отряд, и будет там про то, как Феня кормила нас ужином, как бабушка караулила у ворот. И будешь ты, Феня, читать книжку и сама себя в ней увидишь».

У Гайдара в нашей хате было любимое место, вот здесь, у окна. Бывало, придет, сядет и просидит весь вечер. Он часто рассказывал нам про книжку, которую думал написать, смешил забавными историями. Потом, случалось, замолчит, прищурит так вот глаза и долго думает о чем-то своем. А то расстегнет сумку, в ней всегда было богато бумаг, достанет тетрадь и подолгу в ней пишет. Или вдруг, поднявшись с лавки, зовет ребят, Колю и младшего моего, Витю, заберется с ними на лежанку, и до глубокой ночи втроем разговаривают там шепотом.

...Афанасия Федоровна называет новые для меня имена.

— Был в отряде комиссар — Моисей Иванович Ильяшенко. Убит. Воевал там и брат мой — Игнат Федорович Касич. Тоже убит. Начальник штаба Иван Сергеевич Тютюнник...

Зная трагическую судьбу большинства бойцов, я уже было собрался поставить против фамилии Тютюнника печальный знак, и вдруг:

— С Иваном Сергеевичем вы можете повидаться в Гельмязове...

Я взволнован радостной неожиданностью: шутка ли — жив начальник штаба отряда, который наверняка многое знает! Тут же выясняется, что совсем рядом, в Лепляве, живут и близкие комиссара отряда Ильяшенко: Акулина Филипповна Ещенко и ее сын Виталий Ильяшенко. У них тоже бывал Гайдар.

Избу Ещенко я отыскал довольно скоро. Дома были и Акулина Филипповна и Виталий.

— Вы насчет Гайдара приехали, из самой Москвы? — переспросила Акулина Филипповна. И вдруг навзрыд заплакала: — Аркадий Петрович — человек-то какой был! Бывало, все говорит: «Не дадимся подлецам в руки. Не они здесь хозяева!»

И пока Акулина Филипповна рассказывала о Гайдаре, слезы не просыхали на ее глазах.

— Аркадий Петрович,— вспоминает она,— всякий раз, как придет, сначала тихонько стукнет в окошко, а потом притулит свою большую ладонь к стеклу, и я уже знаю, что это он. Сколько помню, всегда он был веселый, шутил и еще — не мог спокойно видеть моего сына. Как войдет в хату, сразу схватит его на руки, расцелует и все спрашивает: «Что, Виталька, поедем до Тимура, поедем?»

Виталий Ильяшенко, который сидит здесь же, слушает рассказ матери и грустно улыбается.

— Гайдар всегда приходил к нам с батькой,— говорит он.— Мне тогда было шесть лет, но я все

хорошо помню. Однажды Аркадий Петрович приходит, снимает рюкзак, развязывает тесемки, а сам глядит на меня и улыбается. Потом достал из мешка целую утку, зажаренную на костре: «На, Виталька, это тебе от меня гостинец».

Скоро нам по секрету сказали, что за нашим домом следят: полицаи стали устраивать по ночам возле хаты засады. Мать дала знать об этом в отряд, а сама стала прятаться на болоте. Я ей туда носил еду, мне давала бабушка.

По соседству с нами жил полицай. Увидит меня, зазовет, сунет маковку, пару кислых груш и начинает выпытывать: «Что, тятька с дядей приходили?» «Ни, ни»,— говорю ему и мотаю головой. Вскоре полицаи повадились ходить к нам в хату каждый день. Помню, как один из них садился на табурет, ставил меня рядом, доставал из кобуры пистолет и, поигрывая им, спрашивал: «У твоего батьки такая цацка есть?» Я мотаю головой. «А где твой батька сейчас?» «Не знаю». «Как же ты не знаешь?» «Не знаю». «Ну, а где тот дядя, что приходил с твоим отцом?» «Не знаю никакого дяди».

Полицай давал мне сапогом такого пинка, что я летел в угол. В другой угол летела бабушка. Полицай, совсем уже разозлившись, совал мне в лицо пистолет и спрашивал: «А это видал?» Потом начинался обыск. Перерывали весь дом. Искали оружие.

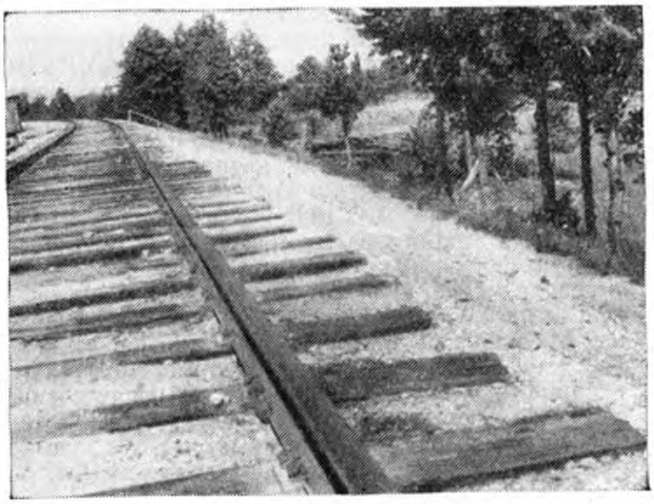
Когда Гайдар с отцом в следующий раз пришли опять, это было поздно, часа в три ночи, я проснулся и все рассказал им. Гайдар разволновался, схватил меня на руки, целовал, приговаривая: «Маленького партизана поймали? Маленького партизана повели на допрос? Так, Виталька?» А потом добавил: «Молодец, если в другой раз спросят, скажи: «Тятька давно не ходит. Я его давно не бачил».

В последний раз Аркадий Петрович был в доме Ещенко после гибели Ильяшенко, примерно 23 или 24 октября. Невеселой была эта встреча. Понимая, что они расстаются надолго, Гайдар подарил Витальке свою автоматическую ручку с золотым пером и металлическим корпусом («блескучую-блескучую», по выражению Акулины Филипповны) и оставил немного денег. На них после прихода Советской Армии Витальке был куплен костюм. И он долго с гордостью рассказывал, что деньги на этот костюм ему подарил дядя Аркадий Петрович. А ручка не сохранилась. Акулина Филипповна подарила ее старшему лейтенанту Воинову в знак благодарности за помощь, которую он оказал семье после прихода Советской Армии...

...В районный центр Гельмязово, расположенный в 30 километрах от Леплявы, я приехал с Афанасией Федоровной Степанец.

Иван Сергеевич Тютюнник, бывший начальник штаба отряда, бывший председатель Гельмязовского райисполкома, а ныне пенсионер, пригласил нас в просторную, по-городскому обставленную комнату, достал черную папку с завязочками, в которой у него хранились документы. От него я узнал краткую историю отряда. Он же рассказал, при каких обстоятельствах в отряде появился Гайдар.

— Ранним утром, это было в самом начале октября, Горелов, Ильяшенко, я и еще пять-шесть партизан шли гуськом по лесу в сторону шоссе Киев — Кременчуг. Мы должны были обстрелять колонну немецких автомашин и, если повезет, пополнить наши запасы продовольствия, снаряжения. Не успели мы еще отойти от лагеря, видим, за деревьями мелькнули фигуры четверых военных. Время сами знаете какое. Ну, разумеется, и мы и они взяли оружие на изготовку, защелкали затворами.

Здесь, в окрестностях села Леплявы, Черкасской области, погиб Аркадий Гайдар.

«Стой, кто идет?» — крикнул Ильяшенко.

«Свои, не стреляйте»,— ответили нам.

Подошли поближе, стали здороваться. Один из военных жмет руку Горелову, называет себя: «Гайдар». Горелов от неожиданности даже обомлел. «Вы,— спрашивает,— детский письменник, детский писатель Аркадий Гайдар?» «Да, он самый»,— рассмеялся Аркадий Петрович. Напряжение сразу спало. Люди оживились, без всякого недоверия стали знакомиться, засыпать друг друга вопросами.

Из рассказов мы поняли, что товарищи с боями выходили из окружения под Киевом. Пришлось им круто. Многих потеряли в больших и малых стычках. Устали, изголодались, потому что в деревни предпочитали не заходить.

— Кто был в этой группе, кроме Гайдара? — спросил я Тютюнника.

Иван Сергеевич открыл папку, достал листок бумаги, отпечатанный на машинке.

— С Гайдаром было семь или восемь человек. Среди них инженер авиации Горшунов, полковой комиссар Белан, батальонный комиссар Бугаев. (Между прочим, Бугаев недавно прислал в райком письмо. Его адрес можно узнать.) Командовал группой полковник, дважды орденоносец Александр Дмитриевич Орлов, насколько помню, летчик.

Орлова и всех, кто с ним был, мы тут же проводили в наш лагерь, накормили, дали переодеться во все чистое и теплое. Началась беседа. Полковой комиссар Белан сказал: «Мы к вам, собственно, совсем ненадолго. Побудем немного и начнем пробираться на Большую землю». «Я никуда отсюда не пойду,— возразил Гайдар.— Я буду жить в семье этих патриотов, в семье этих партизан». («Я привожу подлинные слова Аркадия Петровича»,— подчеркнул Иван Сергеевич.)

Вскоре Орлов, Бугаев, Белан и другие собрались в путь, решив перейти линию фронта. Мы дали им грузовик, только вот бензином были не-

богаты. «Ничего,— успокоил нас Орлов,— сколько проедем, столько и хорошо». И они уехали. А Гайдар остался, хотя видел — работать нам было очень трудно. Связи с другими отрядами мы не имели. С частями Красной Армии — тоже. Тут сказались промахи в общей подготовке партизанского движения по области, которые нам дорого обошлись.

В лесу мы жили с Гайдаром в одной землянке, спали под одним одеялом. Аркадий Петрович по натуре своей был такой человек, что очень привлекал к себе. Всегда веселый, всегда с улыбкой, всегда подбодрит людей, и люди тянулись к нему. Придет с задания — обо всем расскажет, да еще как — в художественной форме. Другой раз и говорит-то о вещах печальных, а послушаешь его — все легче становится. В быту он был особенно скромен: белье постирать, починку сделать, пуговицу пришить никому не давал. «Нет, я сам»,— говорил Гайдар.

Мы очень ценили его за отвагу. В отряде не хватало продовольствия. Кто-то сказал, что в далеком селе, где именно, мы сами толком не знали, сохранилась свиноферма, о которой немцы не имели ни малейшего понятия. Но как доставить оттуда мясо? И тогда придумали такой план: Гайдар и еще несколько бойцов сели в грузовик и, не таясь, поехали по дороге через деревни, занятые немцами. Расчет строился на том, что если фашисты и заметят машину, а не заметить ее они не могли, то им и в голову не придет, что это могут быть партизаны. Даже во время этой отчаянно рискованной поездки Аркадий Петрович продолжал шутить. Операция удалась. Вел машину великолепный водитель Игнат Касич.

Нам нужно было достать немецкую форму для наших разведчиков. Устроили на дороге засаду. У обочины с автоматом в руках сидел Аркадий Гайдар. В нескольких метрах от него — другие товарищи. Ждать пришлось долго. Наконец появились две автомашины. Мы начали стрелять из автоматов и винтовок. Троих фашистов убили, двоих взяли в плен: нам очень нужны были «языки». Связи с Большой землей мы не имели, а нам нужно было знать положение на фронте.

Но сравнительно спокойный период в жизни отряда,— продолжал Тютюнник,— скоро кончился. Нас предали. База отряда, как я уже говорил, была в глухом лесу. Фашисты не рисковали к ней даже приблизиться. И мы чувствовали здесь себя в полной безопасности. В трех-четырех километрах от землянок стояли посты. Они получали донесения связных, передавали задания. Посторонних в лагерь не пускали. Мы рассчитывали продержаться здесь до морозов, пока Днепр покроется льдом, чтобы двинуться к линии фронта. Оставаться под Леплявой уже нельзя было. Бойцов в окрестных деревнях хорошо знали. Кроме того, постоянно не хватало продовольствия.

На рассвете 22 или 23 октября мы проснулись от шума автомобильных моторов. Несколько грузовиков с карателями — человек двести — направлялись прямо к лагерю. Посты едва успели нас об этом предупредить. Привел гитлеровцев в лагерь один малодушный негодяй.

Фашистов было значительно больше, чем нас. Они окружили лагерь с трех сторон и открыли автоматный огонь. Стали рваться гранаты. Никогда еще наше положение не было таким опасным. Кольцо постепенно сужалось. Ильяшенко, который с автоматом выскочил из землянки, был сразу убит. В первые же минуты погибло еще несколько партизан. Мы с Гореловым разделили отряд на две части и начали медленно отступать.

Одна группа пошла через речку, другая — берегом. Прикрывал наш отряд Гайдар. Как это получилось, сейчас объясню. Когда начался бой, каждый занял свое, заранее отведенное ему место. Но Гайдар был единственным человеком в отряде, который умел стрелять из ручного пулемета Дегтярева. Стрелял он спокойно, короткими очередями, экономя патроны. Когда мы начали отступать, Гайдар остался. Никто ему не приказывал. Он сам взялся прикрывать наш отход. С ним были еще два или три добровольца, вооруженные винтовками. Они следили за тем, чтобы каратели не обошли Аркадия Петровича с боков и сзади.

Гайдар, как пулеметчик, принимал основную силу удара карателей на себя, не давая им приблизиться к лагерю, мешая начать преследование отступавших. Дав очередь, он перебегал к другому дереву, стрелял снова и делал перебежку опять. И мы, даже отойдя от лагеря на изрядное расстояние, продолжали различать характерный стук его пулемета. Гайдар отбивался... Аркадий Петрович оказал нам в тот день неоценимую помощь. Его самоотверженность позволила нам спасти людей, спасти отряд.

О дальнейшем рассказала Афанасия Федоровна Степанец.

— После боя Аркадий Петрович и еще несколько партизан пришли к нам. А наутро Гайдар вызвал моего сына Колю и батьку и велел им запрягать лошадь. «Отправляйтесь в лес,— велел он им,— как будто вы едете за дровами, и посмотрите, что делается возле нашего лагеря, нет ли там засады».

Коля с дедом уехали. Не было их долго. Наконец они вернулись и рассказали, что возле лагеря никого нет. Случайно на месте боя они нашли тела Ильяшенко и других бойцов. Выслушав разведчиков, Гайдар с товарищами отправился в лес, чтобы похоронить убитых.

Горелов и Тютюнник с большей частью отряда находились далеко от Леплявы. И Гайдар берет на себя командование той небольшой группой, которая после боя пришла в село. Аркадий Петрович понимает, что возвращаться на прежнее место теперь безрассудно.

Нужно создать другой лагерь. Партизан Сасько, который был родом из Прохоровки (она расположена в 8 — 10 километрах от Леплявы), предложил перебраться в лес близ своей деревни.

Наступило утро 26 октября.

Накануне партизаны повечеряли, отдохнули, а на рассвете пошли в разведку,— вспоминает Афанасия Федоровна.— Их было пятеро: Гайдар, работник милиции Александров, секретарь Сквирского райкома партии Никитченко, Скринник из Белой Церкви и еще один человек, фамилию которого я забыла. Мой муж Андриан Алексеевич и брат Игнат Касич вывели их из села, показали, куда идти, а сами пришли обратно.

Пятеро же партизан вышли к железной дороге. Им оставалось пройти 200 — 300 метров вдоль полотна, подняться на очень высокую, выше человеческого роста, насыпь, быстро спуститься на другую ее сторону и затем скрыться в лесу. По дороге партизаны постучали в хату к

дряхлому деду Кузубу, которому в ту пору шел девятый десяток. (Дед Кузуб живет там до сих пор. Только он теперь очень стар, болен и почти ничего не помнит.) Его дом находился около самой насыпи. Старик дал им картошки, налил в большое ведерко молока. Ведро взял Гайдар, картошку в мешке по очереди должны были нести остальные.

Ничто не предвещало беды. У самой железной дороги стояла небольшая дощатая будка. В ней путевой обходчик хранил ручную дрезину и свой инструмент. Сам он жил в каменном доме напротив будки. Деревья возле дома были вырублены. И партизаны решили перейти железную дорогу чуть дальше, где рос молодой сосняк и откуда было совсем недалеко до леса. Гайдар взобрался на песчаную насыпь. Сделал шаг, другой — и остановился. Справа, совсем близко от линии, он увидел семь подвод с гитлеровцами. Подводы двигались в наше село. Фашисты сразу заметили Аркадия Петровича.

Я не знаю,— продолжала Афанасия Федоровна,— как объяснить то, что случилось потом. Может быть, Аркадий Петрович, как в бою у лесопильного завода, хотел отвлечь внимание гитлеровцев на себя и дать уйти другим партизанам. Может быть, он просто решил, что бежать назад уже поздно, раз его заметили и он виден со всех сторон. Только Гайдар крикнул: «Вперед! Бей гадов-фашистов!» — и шагнул навстречу подводам.

Раздались выстрелы. Гайдар остановился, замер, постоял несколько секунд и упал. Люди говорили, что пуля попала ему прямо в сердце. Товарищи, которые были с ним, успели скрыться. Потом они рассказывали, что Аркадий Петрович, уже падая, громко сказал: «Я погибаю за Родину!»

С известием о том, что Гайдар убит, Александров прибежал в дом к Степанцам. Потрясенный случившимся, он не заметил, как потерял по дороге сапог.

Я взяла пустые ведра, как будто собралась за водой,— говорит Афанасия Федоровна,— и пошла к железной дороге. Гайдар лежал на спине. Орден, полевая сумка с его тетрадями и записями — все было снято. Много раз я просила Аркадия Петровича не носить эту сумку в лес, оставить ее в хате. И вот она пропала.

Фашисты не позволяли хоронить Гайдара до вечера. Видимо, ждали, что прикажет начальство. Только когда стемнело, они разрешили путевому обходчику Алексеенко предать тело Гайдара земле. Алексеенко вырыл могилу возле тропы, по которой Аркадий Петрович шел утром. Поклониться Гайдару поздно ночью пришли товарищи по отряду.

А через день или два по Лепляве разнесся слух, что фашисты собираются могилу раскопать. И тогда ночью снова явились партизаны. Они сровняли с землей могильный холм; место, где Гайдар был похоронен, замаскировали дерном. А рядом, в нескольких метрах, сделали другую, фальшивую могилу. Только после прихода Советской Армии Афанасия Федоровна Степанец сообщила, в каком месте покоится тело Аркадия Петровича Гайдара.

Кольцо вокруг партизанского отряда постепенно сужалось. Жертвой предательства пали Игнат Касич и Андриан Степанец. Героически погиб и командир отряда, первый секретарь Гельмязовского райкома партии Федор Горелов. Подробно об этом я узнал от жены Горелова, Ефросиньи Лаврентьевны Свистуновой, которая после войны объездила окрестные села и расспросила многих людей.

С группой наиболее отважных товарищей Горелов двинулся к линии фронта. По дороге они зашли ночевать в хату. Сестра хозяина хаты гуляла с полицаем. Она и выдала партизан. Бойцов схватили ночью, когда они спали, связали им руки и тут же начали бить. «Всех не перебьешь,— спокойно сказал Горелов и, повернувшись к хозяину, добавил: — Тебя же воспитала Советская власть, что же ты натворил?» Федора Дмитриевича Горелова перевели в районный центр Гельмязово и поместили в жандармерию, которая находилась в недавней служебной квартире Горелова, там он раньше жил со своей семьей. Фашисты хотели знать, где остальные партизаны. Начались пытки. Пытал Горелова предатель Семен Маргара. Напившись однажды пьяным, он показал машинистке райкома Марии Сергеевне Станиславской часы Горелова и проболтался о том, что вести «дело» первого секретаря райкома поручили ему. «Крепкий мужик,— с удивлением признался Маргара.— Кровь с него течет, вижу, что больно ему, а он молчит. Только раз так тихо-тихо сказал: «Отряд был. Отряд будет».

В Золотоноше Гореловым занималось уже гестапо. Рассказывают, что, когда наши войска освободили Золотоношу, партизаны нашли во дворе гестапо тело Горелова. Оно было все обмотано колючей проволокой.

История Гельмязовского партизанского отряда, в котором сражался и погиб Аркадий Гайдар, еще не дописана.

Некоторые страницы пока неизвестны, но живы люди, которые встречались с писателем в эти тяжелые первые месяцы войны. Надо надеяться, что они еще многое расскажут...

Леонид Мартынов

Год рожденья моего...

Тысяча девятьсот пятый,
Год рожденья моего!
Я не помню ни его набата,
Ни знамен и ни икон его.
И не помню, как экспроприатор
Вырывался из своей петли,
И того, как юный авиатор
Отрывался от сырой земли.

Где-то гибли, где-то шли на приступ.
Воздвигались новые леса.
Где-то Ленин целился в махистов,
В глубь вещей Пикассо ворвался,
Циолковский вычислял ракету,
Затрудняясь прокормить семью.

И Эйнштейн, еще неведом свету,
Выводил уж формулу свою.

Вот что над моею колыбелью
Колебалось, искрилось, лилось.
И каких бы стрел я ни был целью,
Сколько б их мне в тело ни впилось,
Сколько б трав ни выпил я целебных,
На каком бы ни горел огне —
Все же сказок никаких волшебных
Нянька не рассказывала мне.

Не могу похвастаться я этим,
Но зато похвастаться могу,
Что, взращенный молодым столетьем,
Вырос я в незримом их кругу...

Проблема перевода

Я вспомнил их, и вот они пришли. Один в лохмотьях был, безбров и черен: схоластику отверг он, непокорен, за что и осужден был, опозорен и, говорят, не избежал петли.

То был Вийон.

Второй был пьян и вздорен, блаженненького под руки вели, а он взывал: «Пречистая, внемли, житейский путь мой каменист и торен, кабатчикам попал я в кабалу. Нордау Макса принял я хулу, да и его ли только одного!»

То был Верлен.

А спутник у него был юн, насмешлив, ангелообразен, и всякое творил он волшебство, чтоб все кругом сияло и цвело: слезу, плевок и битое стекло преображал в звезду, в цветок, в алмаз он и в серебро.

То был Артюр Рембо.

И, может быть, толпились позади еще другие, смутные для взгляда, пришедшие из рая либо ада. И не успел спросить я, что им надо, как слышу я в ответ:

— Переводи!

А я сказал:

— Но я в XX веке живу, как вам известно, господа. Пекусь о современном человеке. Мне некогда. Вот вы пришли сюда, а вслед за вами римляне и греки, а может быть, этруски и ацтеки пожалуют, что делать мне тогда? Да вообще и стоит ли труда? Вот ты, Вийон, коль за тебя я сяду, и, например, хоть о Большой Марго переведу как следует балладу, произнесет редактор: «О-го-го! Ведь это же — сплошное неприличье!» Он кое-что смягчить предложит мне. Но не предам своей сатиры бич я редакционных ножниц тупизне! Я не замажу кистью штукатура готическую живопись твою!

А «Иностранная литература» [1], я от тебя, Рембо, не утаю, дала недавно про тебя, Артюра, и переводчиков твоих статью — зачем обратно на земные тропы они свели твой образ неземной подробностью ненужной и дурной, что ты, корабль свой оснастив хмельной и космос рассмотрев без телескопа, вдруг, будто бы мальчишка озорной, задумал оросить гелиотропы, на свежий воздух выйдя из пивной.

И я не говорю уж о Верлене — как надо понимать его псалмы, как вывести нес-

[1] «Иностранная литература» № 2, 1962 год.

частного из тьмы противоречий? Дверь его тюрьмы раскрыть! Простить ему все преступленья: его лирическое исступленье, его накал до белого каленья. Пускай берут иные поколенья ответственность такую, а не мы!

Нет, господа, коварных ваших строчек да не переведет моя рука, понеже ввысь стремлюсь, за облака, вперед гляжу, в грядущие века. И вообще, какой я переводчик! Пусть уж другие и еще разочек переведут, пригладив вас слегка!

Но если бы, презрев все устрашенья, не сглаживая острые углы, я перевел вас — все-таки мишенью я стал бы для критической стрелы; и не какой-то куро-петушиной, но оперенной дьявольски умно: доказано бы было все равно, что только грежу точности вершиной, но не кибернетической машиной, а мною это переведено; что в текст чужой свои вложил я ноты, к чужим свои прибавил я грехи и в результате вдумчивой работы я все ж модернизировал стихи. И это верно, братья иностранцы; хоть и внимаю вашим голосам, но изгибаться, точно дама в танце, как в данс-макабре или контрдансе, передавать тончайшие нюансы средневековья или Ренессанса — в том преуспеть я не имею шанса, я не могу, я существую сам!

Я не могу дословно и буквально, как попугай вам вторить какаду! Пусть созданное вами гениально, по-своему я все переведу, и на меня жестокую облаву затеет ополченье толмачей: мол, тать в ночи, он исказил лукаво значение классических вещей.

Тут слышу я:

— Дерзай! Имеешь право. И в наше время этаких вещей не избегали. Антокольский Павел пусть поворчит, но это не беда. Кто своего в чужое не добавил? Так поступали всюду и всегда! Любой из нас имеет основанье добавить, беспристрастие храня, в чужую скорбь свое негодованье, в чужое тленье своего огня. А коль простак взялся бы за работу, добавил бы в чужие он труды: трудолюбив—так собственного пота, ленив — так просто-напросто воды!

Обвал

Был
Безмятежен
Мир долины,
Покой заречной стороны,
Где в этот полдень грели спины
На солнцепеке валуны.
И в придорожных канавах
Спокойно подсыхала слизь,
И лошади в осенних травах
Стреноженные паслись.

И вдруг,
Как будто
От погони,
Все скопом через реку вброд
Заковыляли эти кони
В деревню до своих ворот,
Как будто задрожало поле,
Шурша заискрилось жнитво.
Откуда это? С неба, что ли?
Ведь мы оттуда ждем всего!
Нет!
Там
Не пахло потрясеньем —
Все авиавензеля
Висели в воздухе осеннем
Спокойно. Но сама земля
Заколебалась. Взмыли гривы,
И желтый лист забушевал.
Ведь все ж кругом не только взрывы.
Быть может, попросту обвал.

Сронил,
Быть может,
Праха груду
Обрыв какой-нибудь ползуч?
Ведь столько есть еще повсюду
Таких неукрепленных круч,
Что камни, пролежав, быть может,
Тысячелетия ничком,
Вдруг, будто что-то их тревожит,
Кувыркнувшись, встают торчком.
Но,
Как всегда,
Над головою
Висел обрыв береговой.

И вдруг там появились двое.
Он бледен был. Был сам не свой.
Да и ее лицо бесстрастно
Зияло бледностью. И врозь
Они пошли. И было ясно:
Меж ними все оборвалось

Трибуна „Юности"

В. СКОМОРОХОВ

«ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ»...

Два подростка хмуро слушают слова начальника отдела кадров завода.

— Понимаете, ребята, нет у нас мест... Все лимиты по приему подростков давно вышли. Знаю, вам нужны не мои сочувствия, а работа... Обещать ничего не могу...

Глядя на подростков, нетрудно догадаться, что у них рушится последняя тонюсенькая надежда. Начальник кадров, желая ободрить ребят, говорит:

— Может, сходите на «Кинап» или Автосборочный... Эти заводы больше нашего...

Один из ребят выдавливает угасшим голосом:

— Мы там были уже...

От начальника отдела кадров ребята выходят понурые. Я настигаю подростков у трамвайной остановки... Знакомимся.

— Виктор...

— А я Андрей...

Почему мы решили идти работать? — переспрашивает меня Андрей.— Прижало нас... У Виктора есть только дед да бабка. А у меня отец ушел из семьи. Матери трудно одной поставить меня и сестренку на ноги...

Виктор говорит с обидой в голосе:

— Знаете, повсюду на воротах длинные объявления: «Требуются, требуются...» Взрослых рабочих берут охотно. А нас, подростков... Придешь в отдел кадров, так от ворот поворот. Спросят: «Сколько лет?» И ответят: «А-а, семнадцать!.. Ну, приходи на следующий год». Мы кончили девять классов. Отделу кадров подавай готовеньких слесарей, а вот сами обучать пацанов не хотят, жмутся: дескать, мороки много...

— А почему вы, ребята, не обратитесь за помощью в горком комсомола?

Юноши замялись. Андрей ответил:

— А зачем? Наши ходили, не помогло...

☆

Андрей и Виктор не исключение. Немало их одногодков в Одессе напрасно обивают пороги отделов кадров. Особенно туго приходится тем, кто вышел из трудовой колонии.

Вале Д. семнадцать лет. У нее есть один близкий человек — мать. Вале горько смотреть, как катится под откос жизнь матери, которая пьянствует, опустилась. Предоставленная сама себе, Валя бродяжничала. Работники детской комнаты милиции, чтобы спасти девочку, направили ее в детскую колонию. Там Валю обучили профессии мастера массового пошива. Вернулась из колонии и... долго не могла устроиться на работу.

Валя говорит:

— Знаете, как мы, подростки, окрестили хождение по отделам кадров?.. «Хождение по мукам»... А таким, как я, особенно нелегко. Раз из детской комнаты милиции за тебя ходатайствуют, на заводе и фабрике встречают настороженно: «А, милиция просит? Ну, дело ясное... Будут ли из милиции звонить насчет обычного человека?» Вот и ходят ребята туда-сюда... А проку?

☆

Горком комсомола. Гарри Чернушенко, второй секретарь, говорит:

— Положение с подростками? Э-э-э, трудное это дело, но я, признаться, мало его знаю. Обратитесь к Игорю Кокареву, нашему инструктору. Он в курсе дел... Мы что-то обсуждали на бюро...

Игорь Кокарев рассказал мне, что в Одессе довольно трудно устроиться на работу. Ведь Одесса не чета другим городам. Здесь теплое море. Сюда в поисках романтики стекается много ребят из других городов. Поэтому здесь нелегко трудоустроить всех подростков. По настоянию комсомола совнархоз дал указание заводам принять на работу сверх лимита 250 подростков.

— А что же комсомольские организации? Проконтролировали, как заводы отозвались на это указание? Добились чего-нибудь?..

Игорь смущенно молчит. Потом предлагает:

— Давайте сходим вместе в совнархоз, узнаем, как заводы выполняют его указание о приеме подростков!

☆

В совнархозе нас ждет разочарование. Собственно, нет, не разочарование. После разговора с Игорем Кокаревым я ничего другого и не мог ждать. На указание о приеме сверх лимита большой группы подростков заводы ответили уклончиво. Мы читаем эти ответы. По ним трудно установить, за какое время и сколько безусых ребят принято на работу, все ли они закрепились на предприятиях, сколько отсеялось. В совнархозе спокойно положили ответы в соответствующие папки — и все. Достаточно требовательности здесь не проявили да и о самом указании успели позабыть.

Игорь Кокарев серьезно озадачен.

— Давайте,— говорит он,— пойдем вместе на несколько заводов, а на других побывают наши активисты. Проверим... Решено, а?

☆

По пути на первый завод Игорь «переживает» все то, что обнаружилось в совнархозе. Впрочем, он тешит себя надеждой, что заводские комсомольские организации не подведут...

— Об инициативе снизу забывать нельзя. Там не всегда ждут подсказок...

И вот мы на машиностроительном заводе «Красная гвардия». Разговариваем с секретарем комсомольской организации Григорием Моторным. Секретарь комитета комсомола не знает, сколько подростков работает на заводе. Его выручает начальник отдела кадров завода Дмитрий Семенович Никитин:

— Мы приняли двадцать два подростка...

Спрашиваем у Гриши:

— Доводилось вам беседовать с кем-нибудь из подростков? Разъяснили ли ему его права и обязанности, говорили ли с ним о его рабочей чести? Какие у него нужды, запросы, устремления?..

— Как же! Вот недавно говорил с одним кадром... Спрашиваете, из какого цеха? Как зовут? Ну... Как его... Вертится его фамилия на языке...

Гриша мучительно вспоминает. Щелкает пальцами, а вспомнив, пристыженно умолкает. Оказывается, «кадр» давно уволился с завода.

— Почему? Какая причина?

— Кажется, другой завод оказался ближе к дому... Аллах его ведает...

Снова на выручку спешит начальник отдела кадров Никитин:

— Мы, конечно, могли принять еще подростков, но только серьезных, которые не станут бегать с места на место. На лимит бы не посмотрели... Что и говорить, растить смену надо.

Вот диво: Дмитрия Семеновича Никитина пугает текучесть среди подростков. Но кто же должен заботиться о том, чтобы для безусых ребят были созданы такие условия, при которых они быстро входили бы в коллектив, учились бы своей профессии? Ведь не от хорошей жизни бегают подростки с места на место.

«Забывчивость» Гриши Моторного показательна: комсомольская организация на заводе «Красная гвардия» не очень-то печется о нуждах рабочих-подростков.

☆

Начальник отдела кадров другого завода Андрей Семенович Жижа, узнав о цели нашего прихода, сказал:

— Говорят, у нас лучше с подростками, чем на других заводах... Но ведь они, чего скрывать, плану большая помеха. То да се... Хлопотное дело!..

☆

— Ну, а теперь куда пойдем?..

Игорь после некоторого замешательства решает:

— На завод имени Октябрьской революции...

Первая встреча. Саша Нестеренко. Ему шестнадцать лет. На этом же заводе трудится его отец. Все у него сложилось как будто хорошо. Но вот фраза, брошенная мимоходом, как бы в порядке вещей:

— Иной раз прихватываем сверх смены... но это, когда штурмовщина начинается...

— ?!

Все неловко переглядываются. Кто-то выдавливает:

— Ребят в таких случаях гонят из цеха. Но сознательные, те остаются...

Кто-то бросает:

— А чего тут особенного?

Опять неловкая пауза.

...Семнадцатилетний Федя Пыжов — вчерашний ремесленник. Он сетует:

— Плохо с общежитием... Мои друзья, с которыми я в ремесленном учился, зарабатывают не ахти. Хозяйки дерут за квартиру. Соблазнится парень что-нибудь купить не по карману — вот и сел на мель... На первых порах хорошо бы утрясти с общежитием. Еще не окрепли, не стали на ноги... Некоторые подростки бегают с места на место, думают: в других местах заботливее...

Перерыв. Завязывается разговор со старшим мастером Исааком Резником. Он молод, рассудителен.

— С подростками туго... У нас их немного. Но производство — дело серьезное. Бывает такое: план горит, дорога каждая пара рук. А тут пора экзаменов начинается. Не всегда отрегулируешь, кто кого может подменить. Конечно, подросткам во вторую смену нельзя, но... Как-то случилось: за месяц тридцать восемь человек ушли на экзамены. Начальство за голову хватается: что делать? А ребята, что ж, их дело правое, им учиться надо.

Уходят ли подростки? — продолжает Резник.— Не без этого... Ребята рассуждают: «Я расти хочу, в техникум поступить. А когда учиться? Нет условий».

И, обращаясь к Игорю, Резник спрашивает:

— А что думают об этом в горкоме комсомола?

Игорь не отвечает. Только делает в блокноте какие-то торопливые записи...

☆

Впрочем, Игорь, уповая на инициативу снизу, на находчивость заводской комсомолии, не так уж неправ.

Автосборочный завод. Здесь родилась хорошая идея создать совет помощи подросткам.

— И знаете, что к этому подтолкнуло? — рассказывает комсомолка-активистка Зина Постовер.— Большая текучесть среди подростков... Помню такой случай. Разговорилась я с Витой Наумцевой. Она, дуреха, собралась уйти с завода. Мастер ей без всяких разговоров подмахнул заявление. Уходит человек, дескать, вольному воля... Я к комсоргу: так, мол, и так. А он руками лишь разводит... Теперь такими делами будет заниматься совет помощи подросткам.

Хорошо, что комсомольцы с Автосборочного решили не ждать подсказки сверху, а действовать сообразно обстановке!

Как именно будет работать создаваемый ими совет, еще не совсем ясно. Но важно уже то, что они задумались над тем, какое это важное дело — повседневная забота о подростках.

☆

«Январка»... Так любовно называют в Одессе краностроительный завод имени Январского восстания. Здесь забота о подростках не вылилась еще в какие-либо устоявшиеся организационные формы. Но вот что мы увидели на этом предприятии.

В партийном комитете созвали совещание комсомольских активистов.

Заместитель секретаря парткома Анатолий Яковлевич Олещенко сказал:

— Мы решили собираться каждую пятницу и советоваться с вами о том, как нам лучше воспитывать подростков. Это ведь так же важно для нас, коммунистов и комсомольцев, как и план...

Затем говорили комсомольцы. Делегат XIV съезда ВЛКСМ рабочий Виктор Остапчук говорил:

— По-моему, воспитание надо начинать с заботы о подростках, с повседневной заботы о каждом из них...

А рабочий из механического цеха Борис Степаненко сказал:

— Нелегко приходится ученикам... Поставят мальца к станку — вкалывай... Никто не спросит, обедал ли хлопец. Может, он растратил свою скромную зарплату и сидит второй день голодный, без гроша в кармане. Думали ли мы, как научить «зеленых» ребят тратить деньги, экономить, покупать необходимые вещи?.. Если мы не подумаем, кто же позаботится о пацанах?!.

На «Январке» я познакомился с тремя семнадцатилетними подружками — Леной Ткаченко, Людой Липерт, Любой Круглиевой. Они работают в электроцехе. Девушки говорили мне:

— Вы знаете Красноштейна? Начальника цеха... Нет? А бригадиров Томиловского, Борща, Ромашкина?.. Не знаете? Обязательно познакомьтесь. Вот это люди!.. Настоящие воспитатели подростков.

Они рассказали о таком случае. Семнадцатилетний Леня Лещенко работал в бригаде Владимира Томиловского, не доставляя ей никаких хлопот. И вдруг в цех пришла классный руководитель и рассказала, что «тихоня» Леня пропускает занятия, связался с нехорошей компанией.

В тот же день бригада осталась после работы на свое «вече». После обмена мнениями пришли к такому решению: «Леня должен бросить дурную компанию, непременно окончить девятый класс и перейти в десятый».

Член цехового комсомольского бюро Анатолий Погожин предложил:

— Я собирался идти в мае в отпуск. Но пусть сейчас идет Леня. Мы поможем ему догнать одноклассников... А я пойду в отпуск позднее...

Леня с помощью товарищей по бригаде перешел в десятый класс!..

На «Январке» я беседовал со старым мастером Николаем Куприяновичем Андрушкевичем, проработавшим на заводе сорок лет. Николай Куприянович говорил:

— Тот хозяйственник, который уклоняется от приема подростков, только показывает, как он близорук. Помню, во время войны в цехах завода работали подростки. Иной, бывало, не достает до станка — ему ящик поставят. Но как работали эти ребята! Они всегда перевыполняли планы. Нет резона чураться подростков, сумей только привить им интерес к делу. Они же смена наша, будущие хозяева завода!.. Как же может хозяйственник не думать о завтрашнем дне своего завода или цеха?!

А другой мастер, Леонид Расторгуев, человек молодой, но уже имеющий большой жизненный и трудовой опыт, сказал:

— Иной руководитель обеспокоен лишь тем, что среди подростков велик отсев. Но его мало волнует, отчего это происходит. Придет подросток на завод — дают ему первую же попавшуюся работу, а работа эта ему пришлась не по нутру. Вот он и старается отделаться от нее, а то и вовсе уйти.

Леонид закурил, задумался. Потом стал дальше развивать свою мысль:

— Мне приходилось беседовать с некоторыми из опустившихся ребят... Отчего парень сбился с пути? Довольно просто. Нелюбимая работа. Неорганизованный отдых. Все надоело. Отработал свои часы — куда пойти? Все друзья учатся, заняты... Вот и прибился к шпане. Лучший способ перевоспитать такого юнца — помочь найти ему работу по душе. У парня появится интерес к делу, его приохотят к учебе — другим человеком становится... Сколько я видел таких!..

В цехе, где работает Леонид Расторгуев, произошел такой случай. Николай П., взрослый, опытный рабочий, дурно влиял на подростка Сергея Жвалебского. Паренек заметно менялся к худшему. Руководители цеха решили оградить Сергея от скверного влияния. Для начала поговорили с Николаем П., но он не хотел менять своего поведения. Тогда пришли к выводу: надо расстаться с этим рабочим, чтобы спасти подростка. Так и сделали — перевели Николая в другой цех. А Жвалебского определили в одну из лучших бригад, создали условия для занятий спортом.

В цехе думали не только о том, как выполняется план, но и о судьбах младших товарищей.

☆

Как жаль, что огромная сила — авторитет и влияние коллектива — не на всех одесских предприятиях используется, чтобы поставить на ноги, подготовить к трудовой деятельности будущую рабочую смену, завтрашних хозяев наших заводов и фабрик. Как жаль, что для некоторых «зеленых» ребят первый путь в трудовую самостоятельную жизнь, поиск работы оказывается «хождением по мукам»!..

Одесса, октябрь 1962 года.

Лира АБДУЛЛИНА

✲

Как всхлип короткий, оборвалось
детство
С известием о гибели отца.
...Упругий и тугой комочек сердца
Вдруг захлебнулся тяжестью свинца.

В лицо плеснуло нестерпимой болью,
Качнуло, как на палубе, назад,
Упал, закинув в небо голубое
Нерусские, раскосые глаза.

Обнюхал ветер жесткие погоны,
Сухие губы, щеточки бровей,
По смуглой, леденеющей ладони
Прополз неторопливо муравей.

А в этот миг заливисто и тонко,
Захлебываясь, душу леденя,
Заплакала раскосая девчонка,
Похожая немного на меня.

А тот фашист, он тоже чей-то фатер,
Укравший радость у раскосых глаз,
Насвистывая «Лунную сонату»,
Готовит снова пулю про запас.

Но даже в море музыки и света
Всегда ношу я ненависти груз,
Как будто бы по скользкому паркету
Хожу и расплескать ее боюсь.

За все мои великие печали,
За песни, недопетые отцом,
Та ненависть, не спящая ночами,
Когда-нибудь сочтется с подлецом!

Эльмира КОТЛЯР

✲

Мать стирает, стирает,
рубаха на ней сырая,
а я, как неживая,
сижу, «переживаю».
Хватит жевать —
переживать!
Что было,
то было.
Постираю с мылом
бельишко-белье,
житьишко свое.

Мою-мою,
мылю-мылю,
воду парную
из корыта вылью.
Сполосну все набело —
грязи, как не было!
Протяну веревку,
встряхну прóстынь...
Может, я задумалась просто?
Наглажу, наглажу,
может, все и налажу!

Инна КАШЕЖЕВА

Екатерина ШЕВЕЛЁВА

Инна КАШЕЖЕВА

О чем говорят мужчины

О чем говорят мужчины,
Оставшись наедине?
О женщинах, женах
чьих-то,
А может быть, о войне?

Но это лишь два предела,
Две крайности, два конца...
Они говорят про дело,
Суровое, как кирза.

Мужчины — такие люди.
У них есть один закон:
Чтоб тело сливалось в гуде
Не с танком, а со станком.

Чтоб радостно сталь гудела,
Подставив резцу бока...

Тяжко мужчинам без дела,
Как Теркину без табака.

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

Кобры

Они не лезли друг на друга
В открытой ярости атак.
Казалось, хватит им досуга
Годами извиваться так —
Дипломатично, эластично,
Подтянуто, как на посту.
Как будто бы вполне прилично
И пакостно по существу.
Все становились злей и злей.
У каждой высунуто жало,
Как кончик острого кинжала,
Оружья дерзких, а не змей.
А джунгли — мощный гомон
птичий,
Слоновий шаг, тигриный скок —
Скрывали это неприличье,

Кто как умел и кто как мог...
Предпочитают драться кобры,
Когда никто не видит их,
Но мы раздвинули, как шторы,
Кустарников колючих вихрь.
Дралось лукавство, а не сила.
И вот сквозь блестки чешуи
Хвост
кобра
кобре
прокусила,
Наверно, в нем — душа змеи.
У побежденной сникло жало,
Легли все петли вкривь и вкось.
Змею на уровне кинжала
Поддерживает только злость.

Очерк

Лев КОВШОВ

Справа налево: Фердус Хасбиуллин, Иван Резвых, в центре Лев Ковшов, дальше Михаил Мелеш, Петро Коваленко.

А дорога все дальше идет...

Рисунки А. Святского.

I

Рассказать вам о том, как рельсы врываются в тайгу? Как внизу, у свежесработанного железнодорожного полотна, ревут пропыленные самосвалы и снуют полные до отказа грузовики с рабочими, как девушка машет нам снизу рукой из кабины грузного автокрана и кричит что-то весело и отчаянно? Как Ленька Домрачев, наш Ленька-Жиган, чертов непоседа, задира и насмешник — одним словом, душа бригады,— вскакивает в рост на передний буфер трактора-путеукладчика и радостно-торжествующе провозглашает на всю тайгу: «При-вет!»?

Мы все сейчас на этом путеукладчике, что медленно движется по рельсам, уложенным нами только вчера. На тележке, прицепленной к трактору,— новая партия звеньев; их мы сейчас начнем стелить прямо перед собой. Разместились кто где, да не «разместились», а просто облепили со всех сторон и трактор и тележку. Мы с Ленькой на переднем буфере, а на «задней площадке», той, что перед тележкой, сразу четверо: Фердус Хасбиуллин с мечтательно-удивленным взглядом синих, как саянское небо, глаз; Генка Бахтин, квадратный Генка, вечно спокойный и неторопливый в каждом своем движении; Поликарп Хлыбов, юркий тихоня, ищущий случая незаметно кинуть кедровую шишку в спину соседа, сохранив при этом абсолютно безучастное лицо, и Ваня Резвых, исконный сибиряк, как всегда, хозяйственно озабоченный, не забыли ли чего в дорогу.

Миша Мелеш и Петро Коваленко прицепились сбоку, над гусе-

ницами. Мише эта позиция нравится: здесь он в безопасности от шишек Хлыбова и ядовитых замечаний Леньки Домрачева. Эти два парня используют каждый момент, чтобы подразнить длинного, как жердь, и почему-то на редкость боязливого Мишу Мелеша. Что касается Петро, то поутру он всегда неразговорчив, видно, ночью опять снилась родная Кубань.

На правом крыле трактора, тоже один, сидит хмурый Антон Четырбок, бригадир, основатель нашей бригады коммунистического труда. Не надо обращать внимания на то, что он хмур: он всегда хмур — и когда пасмурно («Того и гляди, дождь испортит музыку»), и когда солнечно, как сейчас («Опять жара, из глаз будет пот давить»), и когда мы, обессиленные вконец, падаем под густую кедровую тень («Или я вас отучу сидеть, или вы меня сидеть научите!»), и когда в конце месяца мы вновь получаем вымпел «Лучшей передовой бригаде строительного поезда № 38» («Вымпел... Вымпел теперь и на Луне есть... Работать надо похлестче — вот что!»). Неистовая одержимость работой у этого невысокого, с рыжими пристальными глазами человека в вечно засаленной кепке вызывает у нас попеременно то злость, то восхищение. Когда один приезжавший в нашу бригаду корреспондент писал о том, что, мол, мы «не знаем ни времени, ни усталости»,— это он имел, конечно, в виду Антона: ни секунды человек не сидит сложа руки.

Сверху, со штабеля звеньев, то и дело раздается переливчатый смех Кости Неделько. О Костя, Костя! Какой веселый ветер странствий вырвал тебя из родной Белоруссии и пошел швырять по всей стране? За свои 24 года Костя уже рубал уголек в Донбассе, валил лес под Иркутском, поднимал целину в Казахстане, искал алмазы в Якутии... И везде он смотрел вокруг простодушными серыми глазами и везде смеялся так же, как и сейчас на нашем ударном «Абакан — Тайшете». «Да где же ты осядешь, Костя?»— спрашиваем мы его. Он смеется: «Саянскую ГЭС еще строить надо...» Вместе с ним на штабеле Бабкин, практичный и рассудительный Коля Бабкин.

А кругом хорошо! Идет наш путеукладчик, как корабль, сквозь набегающие зелеными волнами таежные сопки, поросшие кедром, елью и пихтой. И Саня Родькин — машинист путеукладчика, как капитан на мостике, в своей открытой, без потолка, кабине. И он тоже улыбается, наш курносый Саня. Рядом с ним в кабине — «механизатор-два» Володька Виноградский. Впрочем, он не Володька, а Владислав, польский паренек, посланный Прибалтикой на стройку комсомола, шофер, механик и тракторист, а теперь и путеец. Окрестили его Володькой — так проще; Фердуса Хасбиуллина тоже все зовем Федей. Широкий по натуре, любитель посорить деньгами, необузданный танцор, Владислав — общий любимец всех девчат поезда. Ребятам же нравится его душевная отзывчивость, жесткая хватка, умение разобраться до винтика в любом заумном механизме.

...Мы вгрызаемся все дальше и дальше в тайгу. Уже исчезла дорога, обнимавшая плечи сопок, и вот наконец за поворотом холм из красной скальной породы. На его вершине деревянный постамент, на нем жестяная звезда. Медные дощечки с фамилиями и датами рождения. Все разом замолкают. Взрывники. Они пришли сюда раньше нас, их было девять — на три человека меньше, чем нас. Самому старшему — 48 лет, младшему — 18. Одна девушка, ей был 21 год. Они погибли здесь все вместе три года назад, погибли, сооружая вот это полотно, на которое мы кладем сейчас рельсы. Трасса идет дорогой трагически погибших первых изыскателей — Кошурникова, Журавлева, Стофато. И вот еще девять человек — первых строителей. Мы завершаем дело, ради которого они отдали свои жизни. Позади нас разъезд Журавлево, впереди— станция Кошурниково. Туда мы ведем путь...

Все молчат. Кедр на вершине таежной сопки сурово глядит на нас. «Помните! Трасса идет дорогой отважных!»

Еще один поворот — и путеукладчик со скрежетом тормозит. Рельсы обрываются, будто обрезанные невидимыми ножницами. Впереди голое желтое полотно. Пора начинать!

Мы знаем свои места. Нас с Фердусом Антон Четырбок бросает вперед: мы вбиваем вешку — ось пути — и ждем. У наших ног — угольник, для того чтобы определять, ровно ли лежат рельсы; пудовая кувалда — чтобы подбивать «убегающий» рельс; лом — рихтовать конец звена, заносить его по оси. Фердус насвистывает что-то сквозь зубы.

— Эгей!—предостерегающе кричит Антон. Над кабиной трактора, придерживаемое стальными тросами, скользит первое звено. Сзади, от тележки, бегут с баграми Ленька-Жиган и Поликарп. Они только что зацепили это звено, слезли, как акробаты, со штабеля и бегут «принимать» его вниз. Багры нужны, чтобы в случае неравновесия прижать какой-то конец вниз. Но звено опускается совершенно ровно, и Ленька комически пожимает своему напарнику руку, не забывая свое победоносное «Привет!». Отцепив звено, они вновь, как кошки, карабкаются на штабель...

На левом стыке звеньев орудуют гаечными ключами Антон Четырбок и Володька Виноградский, на правом — Ваня Резвых и Гена Бахтин. Четыре человека, совершенно разные и по характерам, и по возрасту, и по жизненным взглядам, даже разных национальностей: белорус, поляк, русский и мариец. А в работе, в любой выполняемой операции схожи друг с другом, как близнецы. Сейчас их движения автоматизированы до предела.

Костя Неделько и Петро Коваленко «подвешивают» шпалы лапчатыми ломиками: чтобы сходились точно отверстия у рельсов и соединяющих накладок.

Наступает наша очередь. Не переставая насвистывать, Фердус бьет кувалдой по рельсу. Это вопрос: «Подбить?» На другом конце Антон, не оборачиваясь, кивает головой. Фердус начинает с маху, с полного поворота бить кувалдой в «подошву» рельса. Ритмичное «Дзынь! Дзынь! Дзынь!». С каждым ударом рельс уходит назад.

«Хорош!» — кричат оттуда. Фердус передает мне кувалду, движением плеча смахивает пот.

Я бью долго, аж в спине ломит.

Наконец все. Теперь рихтовать. Антон командует, на глазок, по вешке определяя ось. Мы налегаем на ломики. «Раз-два... Взяли!» Интересно, когда придет конец этой команде, родившейся еще во времена строительства первой «чугунки» — из Петербурга в Москву? Неужели здесь нельзя что-то механизировать? До сих пор рихтовка, а попросту говоря, выравнивание рельсов ручным способом, составляет, выражаясь слогом Антона, «альфу и амебу» строителя-железнодорожника.

Ладно, дело сделано. Уже опускается второе звено, а на только что уложенное въезжает наш путеукладчик. Еще двенадцать с половиной метров вперед, к Тайшету! Опять то же самое. Хотя нет, на этот раз звено висит криво, к тому же его надо повернуть на все 360 градусов, по «шнуровой». Ленька-Жиган и здесь находит выход. Презирая все правила, изложенные в «технике безопасности», он влезает на один конец звена, уравновешивает его своим телом

и, стоя, с неотразимой белозубой улыбкой совершает полный оборот на пятиметровой высоте. Ну и, конечно, опять без «привета» не обходится...

...Он мне как-то рассказывал, Жиган, почему его так вдохновляет это приветствие. Тогда он был в Казахстане на уборке в целинном совхозе под Петропавловском. Вместе с Поликарпом Хлыбовым работали трактористами. Гоны там большие, по нескольку километров. Доведет комбайн до круга, а навстречу Поликарп со своим комбайном. Оба привставали, снимали кепки и орали ликующе на всю степь: «При-ве-ет!»

Вообще интересный парень — Жиган. И откуда только у него эта воровская кличка? Ведь ничего, ровным счетом ничего «блатного» нет в этом небольшом, цепком, с орлиным не по комплекции носом пареньке. Ни минуты не остается он спокойным. То примется бороться с тихим Мишей, доводя того чуть не до слез, то обойдет каждого, чтобы дернуть за замок «молнии» на вельветке (мы здесь все в вельветках — рабочая форма!), то кинет камешком в кого-нибудь и тут же спросит: «Кто там, извиняюсь, безобразничает?»

Он из Марийской республики, Жиган. Работал там в колхозе трактористом. Приехали они сюда по комсомольской путевке: Ленька, Генка Бахтин, Генка Загайнов, Поликарп Хлыбов — и с ходу влились в бригаду укладчиков, боровшихся за звание бригады коммунистического труда. Десятки километров проложили они, много пролили пота, но добились почетного звания. И Ленька Домрачев был одним из первых, несмотря на свой озорной характер, привычку «полежать в тишине, пока тебя никто не видит», и всякие другие проделки. Это он, между прочим, внушает Коле Бабкину, что в него влюблена Гутя, «ну, та девушка, ты не гляди, что у нее бородавка, у нее 8 тысяч новыми на книжке. Давай, Бабкин, жми!» Практичный, подумывающий о женитьбе Бабкин действительно принял вначале все это всерьез, чем доставил немало потехи и Леньке и его друзьям. Каждое утро Ленька вежливо осведомляется: «Ну как, Бабкин, сколько там осталось на книжке?»

Ну, скажите, при чем же здесь кличка «Жиган» или эта пессимистическая наколка «Нет счастья в жизни», что красуется у Леньки на кисти? Нет человека счастливее и жизнерадостнее Леньки Домрачева — это так!

Обедаем мы на полотне. Обедаем пряниками, купленными в ближайшем сельпо. «Вахта», что должна была везти нас в столовую, почему-то не пришла, да, откровенно говоря, и неохота трястись в такую жару несколько километров туда и обратно, а если еще учесть и очередь в столовой... Поэтому едим пряники, запивая водой, набранной в горной речушке. Поглядываем на сопки. Старый, одинокий кедр остался уже далеко позади. Но около него небольшое облачко, и мы с надеждой обсуждаем: будет дождь или нет? Только Антон все сильнее хмурится...

Вот Антон, ну что за человек! Даже в редкие перерывы, когда мы обессиленно опускаемся на рельсы, когда у Кости Неделько соль выступает на висках, он продолжает еще ковыряться. Мы зло думаем: «Черт с ним! Будем отдыхать!» Но уже через минуту не выдерживаем: нельзя же, чтобы только один вкалывал. Проклиная и Антона и свою уступчивость, мы вновь включаемся в работу. Но мы и гордимся им, таким же рабочим, как мы, и все-таки особенным. Кажется, нет такого дела, которого он бы не знал и которое бы не спорилось в его почерневших от металла руках...

Как-то разговорились ребята о том, будет ли еще война и какой она будет. Говорили всякое, и все сошлись, конечно, на том, что предотвратить ее можно, и люди добьются этого... В разговор вмешался Антон и повернул его по-своему.

— Не знаю,— говорит,— будет война или нет, только знаю, что работать надо вовсю! Не терять времени! Этим и только этим драться с войной! Вот (он кивнул на сопку) видишь, гора. Надо ее, например, занять! И лезешь на эту треклятую высоту, теряешь кровь, жизнь... Да я лучше все 24 часа буду работать, как вол, все 24 часа, понимаешь? Боюсь, думаешь? Нет, не боюсь, а ненавижу, понимаешь, сердцем ненавижу войну!»

И сплюнул с ожесточением. И мы поняли его, бывшего фронтовика, единственного «старика» в нашей молодежной бригаде, поняли, что войне не бывать, если только ее ненавидеть активно, так, как Антон. А это значит — труд. Вдохновенный труд во имя Родины.

— Пора, хлопцы! — говорит Антон, поглядывая на часы.

Кульки из-под пряников выпотрошены дочиста. Встаем, неторопливо беремся за гаечные ключи. Последним, понятно, встает Ленька.

...Кончаем поздно, когда солнце дает длинные тени, и даже тихий Миша Мелеш начинает недовольно ворчать. Собираем инструменты, вновь облепляем со всех сторон трактор. Назад едем уже значительно дольше по времени, чем утром...

II

Вам рассказать, как мы судили своим судом Ивана Резвых?

То было холодное, донельзя прокисшее, мокрое утро. Дождь колошматил всю ночь, и рыжая глина килограммами лепилась на сапоги. Мы сидим в «вахте», заспанные и злые. В самом деле, какого черта наш шофер-лихач Вадим Жуков не может как следует укрепить скамейки: на каждом пово-

роте доска выскальзывает из углубления в кузове, и мы сваливаемся друг другу под ноги!

Иван сидит тихонький, робкий. Сзади сидит, где всего больше трясет. Задобрить, что ли, кого хочет этим? Нет, милый, все. Достаточно. Будет. «Привет», как говорит Жиган.

Ну как же все-таки ты дошел до жизни такой? Ты, Иван Резвых, путеец, строитель четвертого разряда, не какой-нибудь стильный маменькин сынок, а трудяга, свой в доску товарищ, член нашей бригады, бригады коммунистического труда?

Вот ты сидишь, большой, неуклюжий, плотно сбитый парень, с широким, открытым лицом. А помнишь, каким оно было у тебя вчера? Отвратительная гримаса коверкала слюнявый рот. Жиденькие волосенки топорщились, как перья, ноги по колено в грязи... Удивительно, что с человеком вытворяет водка!

Ты что думаешь, мы здесь все аскеты собрались, что ли? Кто из нас не любит в хорошей компании под праздник или в субботу после получки осушить стаканчик-другой, не торопясь, с чувством, толком, расстановкой? Может быть, Петро, что курит сейчас одну папиросу за другой? Кстати, почему он так часто закуривает, а, Иван? Не знаешь? А почему Ленька Домрачев потускнел? Тот самый Ленька-Жиган, который свой рассказ об отпуске обычно начинает так: «Приехали, посидели, выпили браги, поехали, приехали, посидели, выпили браги, поехали...» Так почему же притих Жиган? Не знаешь?

И Володька Виногродский ни о чем не говорит с Фердусом, своим другом. Сидит и смотрит вперед, не мигая, словно не видит никого. Почему это, не знаешь?

Нет, все ты знаешь, Иван. И не дождь виноват и не грязь, а ты, ты, Иван Резвых! Давай разберемся, как это все получилось.

Вообще все было просто. Получка вечером, ты пропал, а утром появился на дороге, ожидая нашей машины; но, завидев тебя, твою согнутую под 45 градусами к земле фигуру, Четырбок приказал дать полный газ. И он был прав. Отоспишься, придешь на другой день. Но на другой день тебя опять не было в домике. А глубокой ночью мы проснулись от бессмысленного крика. Это ты пел песни. Тебе было очень весело. И ты стоял перед нами с дико перекошенным лицом, изгвазданный в глине, с выпуклыми глазами. «Хорош!»— жестко заключил Антон и велел тебя уложить. И вот ты выспался и вот едешь с нами. Два прогула — не слишком ли много для члена бригады коммунистического труда? Да слушай, совместимы ли эти понятия?

Вот о чем думаем мы, сидя в машине, ревущей по грязи и подпрыгивающей на ухабах. Антон сегодня сказал: «На ваш суд, ребята!» И мы обдумываем решение. Каждый про себя.

Да, звание члена бригады коммунистического труда обязывает. Нам это звание присвоено не формально и досталось не задаром. Зайдите в контору прорабского участка, в маленький вагончик на станции Курагино, и вы увидите на грифельной доске запись крошащимся мелом: «Четырбок — 126%». Это месячный показатель. И так почти за каждый месяц. Не ниже 120.

Быт? И в быту. У нас в бригаде нет девушек — слишком тяжелый труд. У нас никто не женат, кроме Антона и Миши. Но разве кто-нибудь из нас посмел бы обидеть девушку или выругаться при ней? Никогда. В других-то бригадах это случается сплошь и рядом...

Учеба. Да, здесь у нас неважно. Хочет учиться Генка Бахтин, мало ему семи классов, и не учится. Не может. Судите сами: формально живем на станции Курагино, а в позапрошлом году жили в Кордове, затем подвинулись на восток — в Журавлево, сейчас еще дальше — в Кошурниково. Средних школ здесь еще нет, поселки только родились, а дорога все идет дальше.

Так вот, как же мы дальше пойдем сквозь тайгу? С Иваном или без?

А все водка, все проклятая водка! Скажем прямо: мы не во всем согласны с «сухим законом», что властвует здесь, на стройке. Мало ли что бывает: именины, проводы товарища в армию, просто желание посидеть вечерок в кругу друзей,— а вина нет и «не предвидится». Обидно тем более, что рьяные любители выпивки почему-то всегда находят спиртное. Нигде в магазинах нет, а у них есть! А как быть нам, далеко не приверженным к «зеленому змию»? Костя Неделько придумал было выход: в своих странствиях он приобрел кое-какие познания и однажды в субботний вечер угостил приятелей «резалем» — спиртовой жидкостью от выпадения сухих волос. Ну, и чего он добился? Ничего, кроме нового предмета насмешек для Жигана. Ленька долгое время подходил к каждому, всей пятерней щупал волосы, озабоченно спрашивал: «Не сухие? Если что, так ты выпей, поможет. Вон у Кости, гляди, всегда мокрые!»

Но здесь, с Иваном, смехом не обойдешься. Мало того, что он тоже научился «доставать», он пошел дальше — прогул за прогулом.

— Выгнать! — Это говорит Геннадий Бахтин, неподкупный наш Генка, всегда честный и справедливый. Он ни в чем не выносит «халтуры» — ни в работе, ни в быту. Генка просто не понимает, как это можно, живя бок о бок с товарищами, пьянствовать, увиливать от работы!

Мы молчим: конечно, Генка прав. Но в то же время...

Выгнать — это просто. А где же были мы раньше, мы, бригада коммунистического труда? Разве мы не замечали, что Иван по воскресеньям сидит в столовой, «назюзюканный» настолько, что встать не может, только улыбается глупо? Мы просто посмеивались: «В нерабочее же время!» И проходили мимо. Кто-нибудь хоть раз серьезно поговорил с Иваном? Так теперь, если его выгонять, с нами-то что надо делать? Если принципиально — так уж до конца!

И не в том дело, что этот случай с Иваном первый. Он уже подготавливался, этот случай, исподволь, полегоньку, и мы могли бы его предотвратить. Мы должны были его предотвратить. Ведь кто такой Иван? Начнем с того, что трудолюбием и упорством он немногим уступает Антону; недаром у него четвертый разряд. Так же, как и Антон, он способен без отдыха вкалывать несколько часов подряд на сквозном морозном ветру, в жару, когда кипящий креозот черными струями бежит со шпал, обжигая лицо и руки. Иван — сила бригады и ее опыт, когда-то он начинал вместе с Антоном, остальные пришли позднее...

А вся мелюзга в станционном поселке? Когда дети видят Ивана, возвращающегося с работы, они гурьбой бегут к нему, они любят этого большого и сильного дядю, который сажает их на свою широкую спину и носит по палисаднику, дядю, который катает их на велосипеде, с азартом участвует в незатейливых ребячьих играх. Плохого человека дети любить не могут...

Да и среди нас... Кто безотказнее и добродушнее Ивана? Наколоть дров, принести бачок воды — Иван никогда в жизни не счел бы это за повинность, не в укор будь сказано Жигану! Пошел в тайгу за шишками — значит, жди, принесет на всех кедровых орехов. Лю-

бовь к природе, к животным — вот что отличает Ивана.

Да, ну так как же все-таки быть с Иваном?

Машина останавливается. Мы вылезаем тихо, по очереди. Четырбок отдает необходимые распоряжения трактористу, подзывает нас.

— Иван,— говорит он,— становись сюда, в круг. Чтоб тебя все видели!

Иван глядит под ноги, переминается неловко.

— Говори! — бросает Четырбок.— Говори, как с тобой поступить. Что ты об этом думаешь?

Молчит Иван. Он, конечно, слышал, что сказал в машине Бахтин. И вдруг поднимает лицо. Беспомощное, растерянное.

— Что хотите, ребята... Разряд снимите... Только я без бригады... В общем, не могу один...

— Так! — желчно произносит Четырбок.— Жалко мне стало тебя, Иван. Но ведь я не один. Здесь вся бригада.

...Заговорили все разом. И все ниже и ниже опускает Иван голову. Нет, не видать ему здесь пощады!

А когда все высказались, Фердус подвел общий итог:

— Значит, так. В бригаде оставляем. Разряд оставляем. Водку бросаем. Если же хоть чуть — даем направление в отдел кадров... Без обсуждений. Навсегда.

— Ребята! — Иван смотрит на всех ошеломленно-благодарным взглядом.— Да я... Ладно... Спасибо, ребята... Увидите... Вот! — И он, спотыкаясь и пряча лицо, отходит в сторону.

— За инструментами! — будничко приказывает Антон.

А потом мы работали: врезали стрелку. Погода разошлась, и солнце рванулось с вершин кедрача неудержимо к нам вниз, на полотно. Иван работал за троих, о чем-то упорно думал и время от времени глубоко вздыхал. С ним никто не разговаривал, и только под вечер Жиган не выдержал, услышав очередной его вздох.

— Что, тяжело? — сочувственно спросил он.

Иван не смеялся. Он смотрел на нас так, будто увидел вдруг что-то новое.

Солнце, играя, стирало с полотна последнюю грязь...

III

Вам рассказать, как мы встретили день рождения Фердуса Хасбиуллина, нашего Феди? Нашего товарища и профорга?

Стояла жестокая жара. Что поделаешь, в августе всегда жарко!

Приехали мы в тот день, разбежались по комнатам общежития и первым делом, конечно, прилегли на прохладном, свежевымытом полу. Вы никогда так не отдыхали от жары?

Потом мы вымылись, переоделись и стали решать, что же купить «к столу». Но у Фердуса все уже было продумано заранее. Прежде всего он принес ведро пива. Большое эмалированное ведро, которое он выпросил у какой-то «хозяйки». Неудобно ведь день рождения встречать с обычным ведром. Нужно, чтоб было красиво и нарядно.

Так вот, мы сидим в комнате Фердуса за большим прямоугольным столом, на краю которого торжественно возвышается эмалированное ведро. Кроме пива, есть еще огурцы и хлеб. Считаете — скудно? Мы считаем — отлично!

Быт общежития, быт палаток и быт вагончиков! Кто не прошел сквозь это, тот лишился совершенно неожиданных приключений, курьезов, сильных, тревожных испытаний и неуловимой радости.

Через все палаточно-барачные испытания прошел Фердус Хасбиуллин. Сегодня ему 22. Ему есть что вспомнить. Он прибыл сюда сразу после десятилетки. Собрался ехать на комсомольскую стройку весь его десятый класс. Но как часто это бывает, получив аттестат зрелости, многие поостыли: одних отговорили родные, других соблазнила работа на месте, третьи подались в институты. И Фердус, лучший ученик школы, остался в единственном числе. Он решает: «Еду!» Директор, хорошо знавший успехи Фердуса, предлагает ему взять на себя преподавание истории в младших классах. Сразу же по окончании! Не каждому такое предложат, не каждый откажется. А Фердус сказал: «Нет!» Мама упрашивала: «В институт! С такой головой ты прорвешь конкурс!»

Фердус ласково улыбался — он пока ничего не говорил маме. До тех пор, пока в райкоме не вручили путевку. «Теперь, мама, уже нельзя отказаться...»

Он приехал сюда в 1958 году. Стройка еще только начиналась. Их привезли в Артемовск. Несколько десятков человек стояли посреди пыльной улицы, которую неторопливо пересекали в разных направлениях свиньи, гуси и куры.

Скоро он понял, что в Сибири мало еще больших городов. Потому-то и посылает комсомол лучших своих питомцев, чтобы они строили их, новые города и новые поселки.

Фердус начал с Кошурникова. Тогда еще только спорили, в каком месте его строить. И Фердус декламировал, стоя с друзьями на вершине мрачной сопки: «Здесь будет город заложен!»

Первым строителям всегда тяжело. А тут мороз, от которого трескается кожа на руках и лице, убогая комнатушка в первом, наскоро сколоченном бараке, заиндевелый холст палатки, гордо именующейся «столовой» — в ней варили одни только щи, и то только на обед... Народ подобрался разный, и порой случались драки. Восемнадцатилетнего юношу, скромного, впечатлительного, выросшего в культурной семье, подтачивала по холодным утрам тоска:

может, уехать? А уезжали многие... Но он убеждал себя, твердил себе: «Нет, ни за что! Буду жить до тех пор, пока не услышу первый гудок тепловоза в Кошурникове!»

И Фердус работал, трудно изучая все ремесла, какие требовала стройка и каким так щедро учила. Землекоп, бетонщик, арматурщик, плотник... По трассе от Курагина до Кошурникова немало найдется домов, срубленных бывшим десятиклассником. И всякий раз, когда наша бригада двигается в путь и слева и справа мелькают станционные строения, Фердус вспоминает: «А вот это мы клали в феврале 59-го... Или нет, раньше, в 58-м...»

А само Кошурниково, этот белый островок в зеленом море тайги? Тот самый поселок, в котором мы сейчас живем, где есть почта, клуб, спортплощадка, до сотни жилых домов, где в песке роются дети, в чьих метриках значится «Красноярский край, Кошурниково»?..

— Твое здоровье, Федя! — говорим мы и поднимаем свои кружки и стаканы. Только у Леньки Домрачева в руке литровая банка — и где он такую раздобыл?

Фердус улыбается, и мы, не чокаясь, пьем. Пивом не положено чокаться.

Вот он сидит перед нами, широкоплечий, черноволосый, синеглазый, в модной красной рубашке и достаточно зауженных брюках. Он всегда так одевается, Фердус, и всем это нравится, и все стараются одеваться так же, как он.

У него часто просят на вечер то цветастый джемпер, то легкую куртку на «молниях»... Дело доходит до того, что ему редко приходится носить свои вещи, а когда он наденет наконец джемпер, приятель на улице спрашивает: «Это ты у такого-то взял?» «Да!» — смеется Фердус...

Кое-кто пытался было поначалу называть его стилягой, но быстро осекался, видя его руки, привыкшие к холоду стального лома и теплу топорного обушка...

Вот таков наш Фердус. Там, где он, всегда собираются ребята: интересно! Идет разговор о покорении космоса, об изумительных подвигах Гагарина и Николаева, Титова и Поповича — Фердус точно называет все данные об их полетах, с жаром обсуждает план облета Луны. Недавно он побывал в Ленинграде и Риге, и он может часами рассказывать об исторических памятниках, виденных там, восхищаться удивительной красотой Петродворца...

А вечерами он ведет дневник. Что там, в этом дневнике? Ленька как-то завладел им, но остановился на первой странице, где крупно выведено: «Стоп! Брось читать!» Но мы догадываемся, что там и наши уложенные километры, стужа, жара, ветер, и дружба, и хорошие, чистые мысли человека-строителя, глубинное корчагинское содержание в новой, современной форме. Как и теми, кто строил Турксиб, воздвигал Магнитогорск и Комсомольск, прокладывал русло для Волго-Дона, сооружал плотину Братской ГЭС, им владеет одна большая идея — идея строительства коммунизма...

Когда он после двух лет работы узнал, что скоро начнется укладка пути — конечный этап стройки, он не раздумывал долго. Неважно, что у него уже есть четвертый разряд плотника, что опять начинать сызнова. Он пришел к Четырбоку и на первый вопрос: «На путях работал?» — отвечал весело: «Нет, научусь! Я услышу первый гудок тепловоза в Кошурникове!»

Не хватало опыта — брали выносливостью, силой. У Антона учились мастерству, у Фердуса — культуре работы.

...Мы говорим о нашем девизе «Километр путей за день!» С ним мы прошли от Красного Кордона до Кордова, от Кордова до Каспинского туннеля. И как прошли! Вовка Виногродский говорит просто: «Голой пяткой». Это верно, у него, у Вовки, были худые валенки, и не было времени зашить их...

А теперь мы идем, чтобы услышать первый тепловозный гудок, идем на Кошурниково.

— На Тайшет! — уточняет Ленька, аккуратно наливая себе полную банку. Все-таки где он достал такую?

— Талант надо иметь,— смеется Федя.

— За будущее! — провозглашает Антон, и мы поднимаем «бокалы». Мы — каждый! — верим в свое будущее, мы сами его строим. Сбывается же мечта Фердуса — услышать первый тепловозный гудок в Кошурникове! Едет же наконец Генка Бахтин учиться в Свердловск на курсы бригадиров: мы будем электрифицировать нашу комсомольскую трассу...

Мы сидим все вместе, крепко обняв друг друга за плечи. Все: и не знающий усталости Четырбок, совесть бригады — Бахтин, ее сноровка и умение — Бабкин, ее юмор и веселье — Домрачев, ее ум и интеллект — Фердус Хасбиуллин.

За занавесками опускается солнце. Мы запеваем нашу любимую:

Зной, жара, креозот...
Нелегко нам приходится здесь,
Но дорога все дальше идет
На тайгу,
на Тайшет!

Трасса Абакан — Тайшет, строительный поезд № 38.
Курагино — Кошурниково.
Май — август 1962 года.

Человек рядом (с тобой

Каждый день почтальоны приносят в редакцию «Юности» по нескольку мешков писем. И каждый день в этой почте мы находим не одно письмо, подобное тому, что написали в отчаянии Таня В. или Валя Ф.

Вот письмо Тани:

«Мне шестнадцать лет. Я учусь в 10-м классе. В прошлом году я начала ходить с одним парнем. Ему было 17 лет. Ведь это правда, что любовь вспыхивает в любом возрасте? Я полюбила его и сейчас люблю. Он очень хорошо относился ко мне. Помню, как мы поцеловались в первый раз. Это был мой первый в жизни поцелуй. Мы с ним почти никогда не разлучались. И один раз у нас зашел разговор о доверии. Он спросил меня, верю ли я ему. Я ответила: «Верю!» «Ты должна доказать мне, что веришь!»— сказал он. Я говорила ему, что я верю ему и что это не нужно доказывать. Он настаивал, и я уступила.

После этого прошло четыре месяца. Вдруг он перестал приходить ко мне. Сейчас, когда я встречаю его на улице, он отворачивается. Мне сейчас очень трудно. Очень хочу, чтобы мне посоветовали, что делать дальше. Я в первый раз полюбила человека, но он оказался не тем, за кого я его принимала. Конечно, виновата в случившемся и я сама. Но я была совсем молоденькой девчонкой и думала, что все люди одинаково добры и правдивы. Что мне делать? Мне кажется, что я уже никогда никому не поверю. Ну, как можно поверить человеку теперь, если меня обманул человек, которого я и сейчас люблю больше всех? Если бы это случилось со мной в более зрелом возрасте, я бы сама, наверное, знала, что делать дальше. Но мне всего шестнадцать лет, и я ни с кем не могу посоветоваться. Мне стыдно перед школой, перед учителями и подругами.

Я должна знать, что мне делать дальше и как жить.

С приветом
ТАНЯ В.»

А вот что пишет Валя:

«Дорогая редакция! Начинаю пятое письмо к вам, надеюсь, это письмо будет отослано.

Мне сейчас очень, очень тяжело, а посоветоваться не с кем: маме — не хочу, сестре — боюсь, подруга знает, но что она мне скажет, такая же неопытная девчонка.

Мне семнадцать лет, я перешла в десятый класс. В этом году я решила идти работать и учиться в вечерней школе, но все вышло по-другому.

Однажды я познакомилась с юношей, который мне нравился очень давно.

Мы долго бродили в лесу и говорили обо всем. Но потом...

Потом случилось то ужасное, ради чего я пишу. Мне стыдно писать об этом, но что поделаешь... С тех пор он ни разу не пришел ко мне. Все это время для меня было сплошным кошмаром. Я ждала его, хотя и ругала себя за это, но сегодня я поняла, что больше нечего ждать.

Сейчас в голову лезут мысли о смерти, и с каждым днем они все смелей и проще. Я понимаю, кончать жизнь самоубийством глупо, но что делать,— жить, когда жизнь в тягость, я не могу.

Вообще, таких, как я, у нас много. Они гораздо проще переживают все, но я не могу иначе.

Валя Ф.»

В некоторых письмах говорится: «...А теперь я жду ребенка».

В большинстве писем — вопросы: «Могу ли я еще надеяться на счастье?», «А есть ли на свете настоящая, чистая любовь?», «А можно ли вообще верить людям?».

И, конечно: «Что же, что же мне делать?»

Редакция отобрала ряд таких писем и обратилась к писателю Р. Фраерману, автору известной повести «Дикая собака динго», с просьбой ознакомиться с ними и поделиться своими мыслями с читателями журнала.

Передо мной пачка писем. Это письма девушек, адресованные в редакцию журнала. Одни пространные, другие совсем коротенькие. Но в каждом жизненная драма, трагедия обманутого доверия, крушение надежд, разрушенная любовь, отчаяние, разочарование в людях и жизни.

Древняя, как мир, история: я поверила его словам о любви. И вот теперь я несчастна, брошена. Что делать? Хочется умереть.

За каждым письмом — живой человек, трепещет живая, молодая, неопытная жизнь.

Но как же все это случилось? Какие жизненные дороги скрестились и привели к этим встречам, сближению и к такому печальному концу?

Грустно. Но приходится сказать: нет, это не была любовь и тем более не была дружба, хотя некоторые очень юные девушки, встретившие всего лишь свою шестнадцатую весну, склонны принять все, что случилось, за первую юношескую любовь.

Нет. Юношеская любовь — чувство светлое, чистое, поэтическое, когда любят не только пылко и горячо, но самоотверженно и высоко.

Эти чувства не имеют никакого отношения к легкой жизни, малодушию, беспечности и бездумным поступкам. «Встретила на танцах. Понравился. Сблизились. Потом он меня бросил. Значит, нет любви. Один обман. Нельзя верить ни людям, ни книгам».

Оскорбленное молодое сердце готово обвинить всех. И меньше всего покинутая размышляет о себе. Почему? Почему так беспечно она вручила себя чужому, в сущности, случайному человеку? Просто встречному.

И не с кем даже посоветоваться! Одна со своим горем. Подруга глупа и тоже не подготовлена к жизни. Матери сказать страшно. Учителей стыдно.

А самой за себя неужели не стыдно? Так вот, ни за что позволила растоптать свою душу!

И почти все эти знакомства произошли на танцах. Ни одно письмо не упоминает, что встретились молодые люди в библиотеке, в кружке, на занятиях, у хороших знакомых, у друзей.

Не потому ли это бывает, что какая-то часть молодежи ищет и ждет от жизни прежде всего удовольствия и веселья?

А ведь именно юность — пора, когда одолевает человека жажда знаний, желание осмыслить свою жизнь, осмыслить всю сложность, глубину человеческих чувств, проникнуть и понять всю возвышенность этих переживаний.

Мы живем в эпоху осмысления жизни. Поэтому надо учиться думать и размышлять: зачем ты живешь? Чего ждешь от жизни? И что в жизни считаешь хорошим? Находишь ли это хорошее в себе самом?

Задумывалась ли хоть раз девушка, которая была обманута, чем привлек ее молодой человек? Постаралась ли хоть немного его узнать и понять? С кем он дружит, что читает, как думает о жизни? И стал ли он лучше после того, как она его полюбила? А сама она? Узнала ли о себе что-то новое, что раньше ей было неизвестно? Стала ли душевно богаче, сблизившись с другой душой? А вместе, идя рядом по ступенькам жизненной дороги, помогли ли они друг другу подняться хоть ступенькой выше, чем были?

«Мы гуляли,— рассказывает письмо,— бывали на танцах, посещали кино».

Этого достаточно для обычного знакомства. И слишком мало, чтобы сближаться.

Невольно задумываешься: какую роль сыграли в формировании этих характеров люди и книги? В письмах удивляет какая-то духовная нищета, душевное одиночество молодого существа. Жизнь словно идет мимо. Словно дело происходит в каком-то дремучем лесу, где не видно ни синих манящих просторов, ни пленительных далей, ни высокого, великого неба.

Человек покоряет космос. Над тайгой, надо льдами — всюду летают волшебные корабли. И вдруг на нашей земле кто-то так одинок, что ни в семье, ни в школе, ни на работе не видит вокруг ни одного настоящего человека, кто мог бы помочь добрым словом.

Вероятно, тут дело в другом. Когда скрутит беда, трудно признаться в своей ошибке. Это нелегко. Но признаться надо. И прежде всего себе самой. Ничего от себя не скрывая и не щадя себя. Все понять, осудить плохое и после этого постараться подняться выше. И не отчаиваться. А начать жить иначе, достойнее.

Отчаяние понятно на Западе, где молодежь, утомленная бессмысленностью своей жизни в мире, лишенном величия и надежд, бросается словно в омут жизни и презирает нравственные устои. Это поколение поражено ядом неверия и нигилизма. Но и там лучшие люди борются за счастье человека.

А в нашей стране не может быть места отчаянию ни для кого!

Всюду — на север, на восток, на юг,— на все стороны света белого лежит советская земля. И всюду ждет тебя работа, всюду нужны твои молодые руки, светлая голова и честное сердце. И всюду живут хорошие советские люди. Твои друзья. Нужно уметь доверять хорошим людям.

«Есть ли в поле жив-Человек?»—кричал когда-то русский богатырь на распутье. Кричит и больная, измученная молодая душа, когда ей впервые тяжко. Но Человек есть. И в Человеке есть добро. Надо только помочь прорваться к добру. Надо внушить себе веру в себя. Ее нельзя терять.

Конечно, мне могут возразить: а обман, а разбитое сердце, утраченные надежды — разве это легко забывается!

Нет. Нелегко. Но время — великий целитель: все проходит. Хотя это не значит, что все забывается. И это к лучшему. Это тоже опыт жизни. Пусть не поймут это как призыв к равнодушию. Я хочу лишь сказать, что тот, кто испытал на своей судьбе всю тяжесть лжи, измены, жестокого обмана, пусть поищет причину беды и в себе самом — в своем эгоизме, малодушии, одиночестве. Одиночество — всегда плохой советчик. Особенно в юности, когда человек больше, чем когда-либо, нуждается в участии и заботе старшего, умудренного друга, будь то мать, учитель, товарищ, даже умная, добрая книга.

Если сам не можешь помочь себе уцепиться за то хорошее, что есть в глубине души, найти его, то старший друг поможет открыть этот источник душевной жизненной силы. Это трудно. Но хорошее всегда трудно.

Легче всего пасть духом, перестать бороться за себя и думать о смерти.

Характер закаляется в преодолении эгоизма и себялюбия. Надо помнить и о других, близких и товарищах. Надо дорожить святым чувством товарищества. Это самая надежная, крепкая броня в невзгодах жизни. И мужество рождается из верности и дружбы. Люди есть везде. А где люди, там не бывает и не может быть страшно.

Некоторые девушки пишут и сетуют: «Он говорил мне: «Значит, ты не доверяешь, если не хочешь быть моей».

Но кто, истинно любящий, станет требовать от девушки такого доказательства? Думаю, что только человек, который не уважает себя. А ведь еще Белинский сказал: если человек не уважает другого, он вызывает негодование. А если он не уважает себя, он вызывает презрение.

Такого рода молодые люди, слишком опытные в жизни, легко узнают душу, ничем не защищенную, когда встретившаяся девушка не защищена ни девичьей гордостью, ни сознанием своего человеческого достоинства, ни долгом, ни привязанностью к семье, ни страхом потерять уважение тех, кто ей дорог.

Такой душевный мир, словно оголенный фронт: он не способен устоять в борьбе. А туда, где пусто, всегда может прийти беда.

Вот, к примеру, на танцах подходит к девушке развязный и даже подвыпивший молодой человек с папиросой во рту. И, не спросив ее, сразу берет за руку и увлекает танцевать.

Девушка вырывается и отходит. А другая, рядом, соглашается, не задумываясь.

Такую неразборчивую девушку легко склонить и к худшему. А самонадеянный парень по этой девушке судит и плохо думает о других.

Но там, где в сердце живет любовь, любимая женщина для мужчины — прежде всего друг, самый нужный, самый надежный, верный товарищ, необходимый как воздух. Когда приходит такая настоящая любовь, все в жизни приобретает другой, какой-то преображенный свет. И человек становится лучше. Любовь, даже торжествующая, не заслоняет для него остальной мир, других людей. Любовь помогает видеть и боль и тревогу чужую. Какое это счастье сознавать, что ты нужен другим! Эта большая, глубокая, горячая любовь может возвысить и переродить даже сбившегося с честного пути человека.

Но для этого надо оберегать чистоту своей души и не растрачивать ее безрассудно. Без такой чистоты человек никогда не познает ни красоты, ни поэзии, ни прелести любви.

И все же, испытав горе и даже отчаяние и сумев победить его в себе, человек тоже становится сильнее. И сердце его начинает понимать больше, и глаз видит дальше и вернее. Он учится, преодолев свою ошибку, залечив свою рану, понять и чужую боль, чужую невзгоду, помочь в беде, поднять споткнувшегося человека.

Так возникает у человека душевная потребность не отделять себя, своей жизни от жизни других, не искать только своего маленького счастья. И помнить о счастье для всех.

Героями не рождаются. Героями становятся. И истоки героизма диктуются самой жизнью. Как не увидеть, как не найти в нашей жизни человека!

Кругом шумит такая буйная жизнь.

Сейчас самый простой, обыкновенный человек не отделяет своей жизни от жизни всего общества. И не только своего народа, но и всего человечества.

Как никогда, поднимается ответственность каждого за все, что делается на земле.

Нужно вместе со всеми идти к общей цели и делать свое дело.

Человек вовсе не песчинка в жизненном великом потоке, как это было принято думать прежде, чтобы умалить веру человека в себя.

Бесследно не проходит ничто. Но каждый поступок каждого человека, каждое его намерение, доброе или злое,— все влияет на общий жизненный процесс: или мешает, или же помогает утверждению счастья и мира для всего мира.

Р. ФРАЕРМАН

Григорий МЕДЫНСКИЙ

ПОД СУДОМ— РАВНОДУШИЕ

Фото Б. Покровского.

Москва. Широкий Ленинский проспект, проспект-красавец, гордость столицы, и вдруг в морозные декабрьские дни 1962 года его залихорадило: за три дня — четыре дерзких ограбления. Грабили девушек, пожилых женщин, отнимали сумки, деньги, часы, снимали туфли. Орудовала группа подростков от 14 до 18 лет, а возглавляла их девушка 24 лет. Энергичными действиями уголовного розыска группа была быстро раскрыта и задержана, и началось следствие. Следствие как следствие, и закончилось бы оно так, как обычно: ребят бы просто осудили и потом забыли о них, а уголовный розыск, милиция, прокуратура занялись бы другими делами. Но на этот раз дело повернулось по-другому. Параллельно юридическому следствию Октябрьский райком ВЛКСМ г. Москвы повел свое комсомольское следствие: как же так получилось, что довольно большая группа подростков, из которых несколько были членами комсомола, пошла на такие грязные дела? Как, по каким ступеням человеческого падения она дошла до этого?

Мне хочется отметить прежде всего этот самый факт. Когда в 1956 году я так же в течение двух месяцев вел свое писательское «следствие» по делу, которое потом легло в основу моей повести «Честь», и когда затем почти две недели шел процесс над этой группой учащейся и рабочей молодежи,— на этом процессе не было никого ни от комсомола, ни от роно, ни от какой-либо другой организации.

Я потом ходил по школам, был в райкоме комсомола, в райисполкоме, чтобы выяснить: кто интересовался этим делом, кто изучал его, анализировал и сделал ли кто-либо из него какие-то выводы. И выяснил я тогда только одно: никто не изучал, никто не интересовался и никто никаких выводов не

В зале заседания. Выступает секретарь Октябрьского райкома ВЛКСМ Николай Рогатин.

делал. Наоборот, дело постарались замолчать, а ребят, 13 человек, просто вычеркнули из списков школ и ремесленных училищ, «списали», как списывают, вероятно, пустые ящики из-под апельсинов. (Если их вообще списывают!)

И то, что теперь комсомольская организация большого района столицы не прошла мимо этого случая, не замолчала, а наоборот, вскрыла это явление, занялась им, исследовала, продумала его и собрала около тысячи людей — комсомольского актива и «пассива», и родителей, и представителей общественности, и учителей — для того, чтобы вместе разобраться в этом деле и сделать какие-то выводы, в этом уже большая заслуга комсомола и, я бы сказал, своеобразное знамение времени.

Давайте говорить прямо. Всех нас беспокоит этот большой и больной вопрос, и мы не всегда твердо знаем, как к нему подступиться и что с ним делать.

А все оттого, что с этим общественным злом мы до сих пор хотели справиться, минуя общественность, голыми административными средствами: «Куда смотрит милиция? Куда смотрит прокуратура?» А сами хотели бы отсидеться от всего этого в сторонке. Одни говорили: «Это нас не касается». Другие: «Неудобно, мол, выносить сор из избы». Третьи: «Как начальство посмотрит» и т. д. С такого рода позицией невмешательства, кстати сказать, нередко приходится встречаться и в редакциях газет и журналов, да и наш журнал как-то сторонился этих вопросов — скажем об этом прямо и честно.

А сторониться этого нельзя, не имеем мы права уходить от вопросов, которые связаны с жизнью нашей юности. А здесь целый комплекс этих вопросов, здесь и пережитки капитализма, и влияние Запада, и влияние притаившихся рецидивистов. Все это бесспорно: есть и пережитки, есть и влияния. Но почему ЖИВУТ пережитки и почему ВЛИЯЮТ влияния, вот в чем вопрос. И ответ на этот вопрос нельзя «вычитать» из ходовой цитаты. Его можно найти только в жизни, только изучением, исследованием ее. Этим и занялся сейчас московский комсомол.

И еще одно очень важное обстоятельство: секретари всех райкомов комсомола столицы собрались как-то утром и поехали в одну из московских тюрем, в отделение для несовершеннолетних, разошлись там по камерам и в беседах с заключенными провели много часов. Очень хорошо! Пусть общественность ближе, вплотную подойдет к этим явлениям и прежде всего к людям, к их жизни, думам и настроениям, и тогда окажется, что дело обстоит значительно сложнее того, нежели это иной раз рисуется по схеме: где-то сидят притаившиеся рецидивисты, соблазняют невинных юнцов и затягивают их своими щупальцами

На трибуне — Ю. А. Лернер, член родительского комитета школы № 2.

в омут преступности. Значит, все дело, мол, сводится к тому, чтобы ловить этих рецидивистов, а самим можно ходить «руки в брюки» и ругать милицию и прокуратуру.

А на этом суде выяснилось, что в данном случае, например, никаких рецидивистов не было, а были самые обыкновенные наши ребята, но очень «запущенные», упущенные нами. И вот они сидят на сцене, в клубе передового московского завода «Красный пролетарий», под охраной четырех милиционеров, на глазах у сотен людей. Самый младший — Коля Хвостов, ему 14 лет. У него большой выпуклый лоб, сосредоточенный взгляд. На лице его какие-то болячки, помазанные «зеленкой». Вот два брата Федоровы, братья-преступники,— от этого становится жутковато. Вот другие, из них три комсомольца,— от этого тоже не по себе.

За длинным столом — суд: представители комсомола, общественность. Председательствует секретарь Октябрьского райкома комсомола Николай Рогатин.

Нет, судят сейчас не этих преступников, их будет судить народный суд обычным порядком. Сейчас ответ держат те, кто упустил этих ребят, кто довел, а иной раз и толкнул их на преступление.

На трибуну один за другим выходят общественные следователи — посланцы комсомола, рабочие завода, учителя, родители — и докладывают о том, что они видели и установили, о фактах равнодушия и бессердечия, цинизма и бюрократизма, которые способствовали моральному падению ребят.

Следователь Ладейщиков, ведущий дело, докладывает о всех его обстоятельствах. Высокий, стройный, больше похожий, пожалуй, на артиста, чем на следователя, он очень ярко рисует собранию образ этого самого Коли Хвостова, который, уставившись глазами в пол, сидит в центре группы преступников.

Он самый молодой, но и самый дерзкий. Это он первым бросался на жертву и сбивал ее с ног. Это у него в воротнике пальто был спрятан нож.

И в то же время это очень умный, живой мальчик, интересующийся и радиотехникой и музыкой,— так характеризует его следователь.

Но когда к нему в семью, в дом заглянули люди, посланные комсомолом, они пришли в ужас: вечно пьяный, звериного образа отец, хулиган, все пропивающий и всех избивающий, и (недостойная этого имени) мать, женщина низкого поведения. Уже два сына их сидят в тюрьме, и теперь отец был арестован за хулиганство на день позже своего третьего, младшего сына, как сообщил об этом следователь.

И вполне резонен вопрос, который был задан этому следователю: почему на день позже, а не на день раньше? Почему этого зверюгу, губившего своих детей, держали на свободе и давали ему возможность растлевать молодые души?

Но вот выступает представительница родительского комитета школы Ю. Лернер и с гневом, страстью обрушивается на мать:

— Мы изучили эту Хвостову. Она источник зла. У нее вечные пьянки, гулянки, чужие вещи. По-

чему на нее милиция смотрела сквозь пальцы? Вы подумайте только: у нее уже два сына в тюрьме, теперь муж в тюрьме, и третий сын сидит перед нами на скамье подсудимых, а она снова вышла замуж, справляет сейчас медовый месяц и на этот суд даже не явилась. От нее все несчастье!

Потом выходит комсомолка учительница Тамара Левина и продолжает исследование этого несчастья.

Она была в школе, где учился Коля Хвостов, говорила с директором, но директор ничего толком не мог о нем сказать.

— Почему? — спрашивает Тамара.— Почему следователь разобрался, а директор не разобрался? «А что вы делали?» — спрашиваю я его. «А что в этих случаях делают? Вызывали, говорили». Вызывали, говорили! — с гневом повторяет Тамара.— Форма! А ведь когда отец Коли напивается, он бывает страшен. Вы это знали? Почему же не вмешались, не пресекли это безобразие? Ну и естественно: сначала мальчик обшаривал карманы в раздевалке, потом стал воровать шапки. Так и пошло.

Так и пошло — одно за другим, одно за другим.

Но все-таки понимали эти ребята, что творят нехорошие дела. Они сами решили себя спасать и однажды, собравшись вместе, сами для себя написали обязательство:

«Мы, нижеподписавшиеся, обязуемся раз и навсегда покончить со всеми делами, которые влекут к уголовной ответственности. В случае невыполнения обязательства провинившийся будет привлечен к уголовной ответственности через милицию».

Дальше идут подписи и оттиски пальцев — мизинца правой руки. Это значит: если кто нарушит обязательство, мы сами его выдадим милиции.

Мы читаем этот совершенно необычный документ и видим, как на наших глазах колеблются неустойчивые весы добра и зла.

Но зло все-таки победило. Как? Почему?

Надумали ребята из какого-то сарая сделать красный уголок. Но где взять материалы — доски, краски? «Доски?» — переспросил техник ЖЭКа Истомин и многозначительно кивнул ребятам на соседнюю стройку. Ребята пошли ночью на стройку и вместо досок утащили 26 готовых дверей. Пропажа была, конечно, раскрыта, двери возвращены по принадлежности, а раз возвращены, то работник милиции Никитин решил не принимать никаких мер и даже не сообщил о случившемся родителям этих зарвавшихся мальчишек.

Следующая ступень: ребята украли у некоего художника краски. Но вместо того, чтобы, обнаружив это, принять какие-то меры, он, взрослый и как будто бы культурный человек, предложил «мировую».

Владимир Кудрявцев, комиссар штаба оперативного отряда Октябрьского райкома ВЛКСМ, сотрудник Института физической химии.

«Ладно, ребята! Хотите, чтобы я не поднимал дела, поставьте пол-литра — и концы!»

Ребята собрали между собою деньги и поставили два пол-литра, которыми оценил свою гражданскую совесть этот, с позволения сказать, «художник», а потом вместе с ним они их и распили.

Из озорства ребята угнали машину такси, бросили ее за Москвой и... сами же сообщили об этом шоферу. Счетчик «набил» четыре рубля.

И тоже — вместо того, чтобы сообщить об этом родителям или заявить в милицию, снова «мировая».

— «Ладно, ребята! Гоните шесть рублей — и дело с концом».

Об этом рассказал комиссар штаба оперативного отряда Октябрьского райкома ВЛКСМ мастер спорта Володя Кудрявцев.

«Как же так? — спрашиваю я шофера Мусина, а он отвечает: «Мне своя шкура дороже каких-то ребят». Так и получается: одному шкура дороже, другому — пол-литра дороже, а третьим и вообще ничего не дорого, как руководителям депо Артамоновского троллейбусного парка, где работал подсудимый Греков. «Мы бы могли его выгнать, да он еще трех лет не отработал». Как будто все дело в том, чтобы выгнать! Куда выгнать? А дальше? Что с ним дальше будет? Кто его будет воспитывать?

Так из-за безразличия, потакательства, а то и прямого наталкивания ребята, уже забыв собственное обязательство, снова пошли по пути преступлений и, наконец, докатились до грабежей.

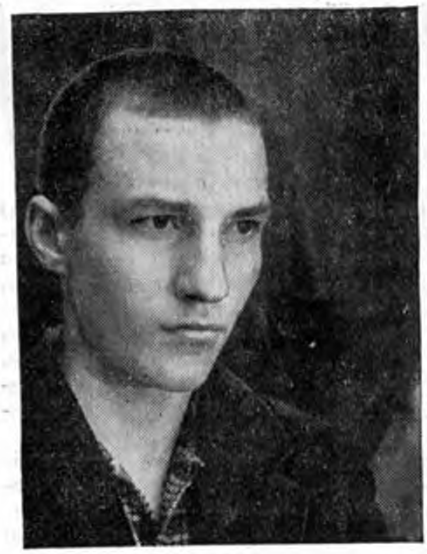
Вот после этого милиция спохватилась, вспомнила о краже дверей и задним числом потребовала составить об этом акт, чтобы «подключить» его к обвинению.

Получается, что работников отделения милиции не интересовала судьба живых людей, они думали не о том, чтобы предотвратить, предупредить преступление, чтобы воспитать у ребят святое чувство ответственности и порядочности.

Они смотрели на них с одной только точки зрения: посадить или не посадить? Одних дверей для этого им показалось мало, ну и пусть гуляет братва, «статью нагуливает». Вот они и «нагуляли».

Так на этом общественном суде на глазах сотен людей были рассмотрены и исследованы все звенья этой цепи. Со слезами в голосе анализировал свои ошибки Г. Соболев, отец одного из преступников, сидевшего здесь же, на скамье подсудимых. С гневными, обличительными словами выступали представители общественности. Очень умно и взволнованно говорил бывший воспитанник А. С. Макаренко, ныне директор Егорьевского детского дома, А. А. Калабалин.

Словом, это было совершенно необычное и необыкновенное собрание людей, встревоженных и объединенных гражданской заботой и стремлением разобраться в волнующем всех вопросе. Собрание продолжалось пять часов, и никто не встал, никто не ушел,

Александр Соболев. 17-летний учащийся Политехникума хлебопищевой промышленности.

все напряженно слушали, ловили каждое слово, горячо аплодировали одним, так же горячо и гневно обрывали других, кто пытался «объясниться», «оправдаться» и замазать свою вину. Это была настоящая общественность — живая, сознательная, активная, готовая на все, что потребуется для преодоления зла. Вот почему так единодушно «именем юности» был вынесен этим собранием «приговор равнодушию».

«Равнодушие! Ему не место в нашем обществе, построенном по законам чести и совести!»

Пусть этот приговор прозвучал, может быть, слегка декларативно. Пусть, может быть, не все было до конца додумано и доделано в организации этого «процесса». На нем не было, например, подлинного разбирательства и доказательства, были только обвинительные речи в адрес виновников. Со стороны некоторых из них были ответные упреки в адрес комсомола, были попытки оправдаться, и то, что эти попытки были приглушены, а не опровергнуты, в глазах кое-кого могло подорвать достоверность и самого «приговора» равнодушию,— а приговор должен быть неопровержимым. Но, несмотря на упущения, которые в дальнейшем, вероятно, будут учтены, дело, начатое московским комсомолом, заслуживает самого большого общественного внимания и поддержки.

И мне остается еще раз пожелать, вернее, подтвердить то положение, которое было высказано на этом знаменательном собрании.

— В этом нашем суде над равнодушием есть ростки чего-то нового,— сказал тот же Володя Кудрявцев.

И пусть из этого действительно вырастет новое. Пусть это не будет случайным, единичным «мероприятием». Пусть оно послужит началом перелома в подходе нашей общественности к проблеме преступности: не только требовать, чтобы судили и «сажали», но и исследовать и предупреждать, привлекать к ответственности и тех, кто совершил преступление, и тех, кто стоял за их спиной, а порой и толкал их на это преступление. И пусть эта ответственность будет не символическая, а самая настоящая, реальная.

Пока для этого, может быть, и нет еще закона, но законы тоже дело рук человеческих, и общество, если найдет нужным, эти законы может установить. И их нужно установить. Почему у нас люди отвечают за сбор металлолома, бумажной макулатуры, за сбор членских взносов в общество озеленения, почему указом верховной власти установлена ответственность за порчу сельскохозяйственной техники, а почему безнаказанной остается «порча», развращение

Отец Александра Соболева — Георгий Михайлович Соболев, главный инженер одного из московских заводов.

и растление молодых и не окрепших еще человеческих душ? Почему?

Нашу светлую, чистую юность нужно воспитывать, нужно направлять, закалять, но ее нужно и охранять, а порою и просто защищать от злых ветров, откуда бы они ни дули. И нужно запомнить раз и навсегда: никакими чисто административными мерами мы этого не сделаем. Не сделаем этого мы и в том случае, если будем валить ответственность друг на друга: школа — на семью, семья — на школу, обе вместе — на милицию, а милиция, в свою очередь,— и на первую и на вторую.

Мы ВСЕ за это отвечаем, и каждый на своем месте вносит свою лепту в дело воспитания молодежи. И от того, какова эта лепта, зависит и то, что из этого получается.

ПЕРВАЯ КНИГА

Трудно припомнить время в нашей литературе, когда бы так бурно входили в жизнь молодые писатели. Припомните лишь последние годы — сколько состоялось знакомств, сколько самых первых книг оказалось не просто робкой пробой сил, а смелым и оригинальным вкладом в литературу!

В № 7 за 1962 год в «Репортаже из издательств» «Юность» писала о таких литературных дебютах, как сборник прозаика Ильи Крупника «Снежный заряд», талантливая и острая повесть Георгия Владимова «Большая руда», первые книжки поэтов Беллы Ахмадулиной («Струна»), Светланы Евсеевой («Женщина под яблоней»), Николая Анциферова («Подарок»).

В этом номере мы рекомендуем читателям познакомиться с новыми дебютантами. Итак — первые книги!..

1. Само название книги стихов ленинградца **Александра Кушнера — «Первое впечатление»** («Советский писатель», 1962 год)—знаменательно. Это уже вполне профессиональная книга; мысли и чувства ее автора — мысли и чувства зрелого человека, хотя Кушнер — один из самых молодых представителей нового поэтического поколения. Но в том-то и дело, что философичность, выношенность и зрелость книги в особенности привлекательны потому, что стихам Кушнера и впрямь свойственны острота, свежесть и неповторимость «первого впечатления».

2. Прозаик **Евгений Шатько,** вероятно, хорошо известен читателям «Юности»: в ней в 1957 году был напечатан его первый рассказ. Пять лет спустя — срок внушительный, а потому обязывающий — вышла его первая книга — **«О чем кричат ласточки»** («Молодая гвардия», 1962 год). Это книга пристального, раздумчивого и талантливого человека.

3. Совсем маленькая книжечка стихов **Майи Румянцевой** вышла в 1962 году в Липецке. Стихи эти о разных людях. Чего стоят одни названия их: «Плотогон», «Рыбаки», «Мелиораторы», «Доярки», да и сама книга называется **«Грузчица»** (среди нескольких профессий, испробованных Румянцевой, была и такая). Но главное в стихах — характер самой поэтессы: ее голос, то суровый, когда Румянцева пишет о нашем трудном недавнем прошлом, то нежный, когда она говорит о любви или о нелегкой женской доле, уже свежо и смело пробивается через несамостоятельное, несвое, заемное.

4. **«Каким быть?»** — этот вопрос вынесен молодым критиком **Феликсом Кузнецовым** даже на обложку его первой книги («Советский писатель», 1962 год). Кузнецов — критик-спорщик, критик-публицист. И на главный вопрос, поставленный им перед собой и перед читателями, он отвечает, споря и доказывая, обращаясь и к самой жизни и к различным явлениям литературы.

5. И содержание этой книги, и ее оформление, и само название — **«Актерский цех»** (Ташкент, 1962 год) — все это связано с одной темой. Не удивительно: автор книги — молодой актер **Владимир Рецептер.** Это его литературный дебют. Рецептер умеет, говоря об искусстве, многое сказать и о жизни. Потому его стихи об «актерах второй категории» или о суфлере могут зазвучать как утверждение достоинства и ценности скромных, неприметных людей. И вся его книга проникнута дыханием молодости, неуспокоенного раздумья, современности.

6. **Василия Рослякова** трудно причислить к литературной молодежи. Он принадлежит к поколению молодых конца тридцатых годов, к поколению, чью юность опалила война. Но повесть **«Один из нас»** («Советский писатель», 1962 год) — его первая прозаическая книга. И написана она как раз о тех годах, о студентах ИФЛИ, о молодежи, которая вместе со старшими шла в бой, принимая на свои двадцатилетние плечи великую тяжесть войны.

«Один из нас» — хорошая и искренняя повесть.

7. А вот еще один человек того же поколения. Но ему так и было суждено остаться двадцатидвухлетним. Это один из талантливейших молодых поэтов предвоенных лет, **Николай Майоров,** убитый на фронте осенью 1941 года.

В его книге есть стихи о погибших летчиках:

Им не воздвигли
мраморной плиты
На бугорке, где гроб
землей накрыли,
Как ощущенье вечной
высоты
Пропеллер
неисправный положили,
И надписи отгранивать
им рано —
Ведь каждый,
небо видевший,
читал,
Когда слова высокого
чекана
Пропеллер их на небе
высекал...

Что ж, это правда: лучший памятник пилоту — пропеллер. И лучший памятник поэту — книга. Таким памятником Майорову и стала книга его стихов **«Мы»**, любовно изданная «Молодой гвардией».

На стендах «ЮНОСТИ»

М. Митурич.

И. Бруни.

У отрогов Восточного Саяна

На очередной традиционной выставке в «Юности» в январе — феврале с. г. были представлены рисунки, акварели, наброски художников **И. Бруни** и **М. Митурича**, выполненные во время поездки по отрогам Восточного Саяна (Тувинская АССР).

И. Бруни окончил художественный институт имени Сурикова, а М. Митурич — Московский полиграфический институт. Оба они известны как иллюстраторы и книжные оформители.

Их поездка в Тувинскую АССР была организована редакцией журнала «Юность» совместно с Московским отделением Союза художников РСФСР.

1. В поисках удивлений

Зачем мы поехали в Туву? Я затруднялся ясно ответить на этот вопрос. Случайно, читая автобиографию Эйнштейна, я наткнулся на интересную мысль ученого: он говорит о том, что мышление начинается с удивления. Мы удивляемся раньше, чем можем сформулировать, чему удивляемся. Мышление — по формулировке Эйнштейна — есть сопротивление удивлению.

Матис, который говорил: «Я хочу смотреть на мир глазами ребенка»,— думал, по-моему, именно об удивлении. Мне кажется, что факт удивления в соединении с чувством неповторимости момента очень стимулирует работу художника и с лихвой оправдывает неудобства и трудности, неизбежные в поездках, подобных нашей. Мы отправились в Туву, чтобы удивляться. И это вполне нам удалось.

Первый раз мы удивились пять лет назад, когда писатель Г. Снегирев приехал из Тувы и рассказал нам об этом крае.

Вторично мы удивились, когда «картина, корзина, картонка» и лайка Чуна, принадлежащая И. Бруни, были погружены в самолет и мы отправились (на этот раз вместе с Г. Снегиревым) в Туву. Летя навстречу солнцу, обогнали время на четыре часа и в тот же день прилетели в Кызыл — столицу Тувы. Там стоит столб, отмечающий географический центр Азии.

В Кызыле мы устраивали какие-то свои дела, любовались кызыльскими красавицами тувинками. Затем погрузились в другой самолет, только совсем маленький, и перелетели в Хамсару. Это промхоз, где охотники и рыбаки сдают государству пушнину, рыбу, получают деньги, продукты и т. д. Мы увидели два ряда домов для семей промысловиков. Самолет совершил посадку на широкой поляне. Когда самолетов нет, там пасутся коровы. Сами промысловики большей частью живут в далеких, неведомых избушках на берегах рек и горных озер.

Один старик тувинец сказал нам: «Тува — это маленький уголок Советского Союза». В этом проявилось понимание необъятности на-

М. Митурич. Олени.

М. Митурич. Отдых охотника.

шей страны. Нам говорили так: «Вы москвичи, у меня родственник в Ленинграде, зайдите к нему и скажите, что я жив, здоров». А на самом деле Тува — страна величиной с приличную европейскую державу!

Мы были в Тодже, одном из районов Тувы. Проплыли по реке Хамсаре. Это река, которая не течет, а падает с гор. Поднимались по Енисею. Жили на озере Азас, на оленьей ферме.

Тувинцы — прирожденные охотники. О рыбе говорят пренебрежительно: «У рыбы следа нет, как ее поймаешь?» Сумма знаний, необходимых для охоты, наверное, могла бы составить курс вуза. Школьники в Туве на производственное обучение отправляются вместе с учителем в тайгу на месяц-полтора «белковать» — охотиться на белок.

У тувинцев есть такой обычай: когда несколько человек идут тропою и первый убил, скажем, соболя или марала, то добыча принадлежит последнему. Этим как бы оказывается уважение каждому, уверенность, что каждый оказался бы таким же метким, будь он впереди. Тувинцы действительно — рыцари тайги.

Мне хочется вспомнить о наших тувинских друзьях, которые так гостеприимно приняли нас на своей чудесной земле: это Николай Темпер Оол, Алексей Седобол, его жена Зоя и трое их ребят; фельдшер Самбу; бригадир Курбештей и его жена Клара; Ак Шинголай, Кол Дуганчи и его семья: Кол, Хуралбай, Бэра. Русские: лесничий Стрельцов и его жена Люба, Саша Бочкарев. Спасибо им и многим другим хорошим людям, с которыми мы повстречались в Туве!

Май МИТУРИЧ

М. Митурич. Бэра.

М. Митурич. Енисей.

2. Край рыбаков и охотников

Я очень люблю охоту и, пожалуй, в Туву поехал не только рисовать, но и по-настоящему охотиться. Меня очень интересовало, как живут там промысловики.

Жизнь охотника очень сложная, нелегкая, но в то же время приносит немало радостей. И вот о трудностях и радостях этой жизни мне захотелось рассказать в своих работах.

Летом, когда кончается нерест, начинается рыбачья пора — в основном ловят хариуса. В качестве приманки используют искусственную мушку из медвежьей шерсти. На озерах рыбу ловят неводами, сетями.

Летом тувинцы из поселка отправляются вверх и вниз на сто, двести километров по реке на моторных лодках. Мотор «Москва» вошел в быт. Без мотора ничего нельзя сделать. Несколько лет на-

зад охотники еще пользовались шестами как единственной двигательной силой. Сегодня мы часто слышали, как говорили о моторе: его хороший человек придумал!

Коротко о людях, их традициях, об отношении к посторонним. Както мы подъехали на лодке к берегу. Стоит избушка, около нее дощатый навес, бочки с горючим, яма под навесом — там стоят бочки с соленой рыбой. В избушке живут две семьи с детьми.

Кстати, в конце лета всех детей отправили в поселки по домам, потому что медведи так свирепствовали, что женщины боялись оставлять ребят одних.

Нас не спросили, кто мы, откуда и зачем приехали. Тут же на железную печь поставили котел, куда бросили голову тайменя. Через двадцать минут была готова уха, и только тогда начались расспросы. Приезжий, по местным обычаям, может жить неделю, две — сколько нужно. А если он не знает дороги, его проводят или очень подробно расскажут, как нужно идти.

На заборах и стенах избушек были развешаны медвежьи шкуры. Дело в том, что мы попали в Туву в необычайный год. Неурожай кедра в горах и поздние заморозки, погубившие ягоды, вызвали массовую миграцию медведей, которая приняла угрожающий характер. В поисках корма звери подошли к населенным пунктам, нападали на скот и даже людей, утратив обычную осторожность. Местные газеты пестрели заголовками «Медвежье нашествие», «Смелому и медведь не страшен», «Автобус и медведь» и тому подобными. «Медвежье нашествие» осложнило и без того не-

И. Бруни. Кедры.

И. Бруни. Промысловик Д. Соколов с женой.

простую жизнь охотника-промысловика.

Лишь наступает лето — по горной, стремительной реке охотник завозит продукты и тару на свой участок. Позже в поселок повезет он заготовленную рыбу, пушнину. А на Хамсаре много опасных мест: мели, перекаты, «разбои», потоки,— где вечно гудит сдавленная каменными щеками вода. Мы несколько раз проплывали по этим местам, а охотнику-рыбаку приходится это делать два-три раза в месяц. Эти пороги и «разбой» называются Куцый, Рябой, Кабачок, Соленый, Катушка... Проход по ним всегда связан с риском для жизни.

Когда наступает осень, примерно в октябре, охотники опять уходят в тайгу. На этот раз за белкой, соболем, горностаем. Идут — один верховой олень, два вьючных. Впе-

И. Бруни. Обработка пушнины.

реди долгий путь с тремя — пятью ночевками, два-три месяца одиночества и напряженной работы.

Дорога в тайгу тяжелая, обратно еще тяжелее. Иногда надо идти пешком и с грузом. На северном склоне гор приходится брести по колено в снегу.

Два слова о прекрасных людях, которые встретились нам.

Это Саня Бочкарев — лесник. По европейским понятиям, на его участке должны быть сосредоточены два лесничества со штатом минимум в сорок лесников. Саня работает один. Ему помогают лишь летчики вертолетов, которые следят за пожарами в тайге.

У меня есть рисунки охотника Соколова и его жены. Мы гостили в их избушке. Подружились мы также со смелыми медвежатниками, замечательными промысловиками Гаврилой Блиновым, Дмитрием Дорофеевым, Алексеем Загуменным и многими другими. Мы очень дорожим этой дружбой и благодарны им за нее.

Дмитрий Дорофеев, Александр Капустин выручили нас из беды, когда мы, едва живые от усталости, случайно набрели на их избушку. Мы их благодарили, а они отнекивались: «Перестаньте об этом говорить». А я всю жизнь не забуду этой встречи.

Можно, конечно, рассказывать еще очень много. Но для меня легче все впечатления и переживания воплотить в рисунках.

Иван БРУНИ

✲

На обсуждение выставки И. Бруни и М. Митурича в редакции «Юности» собралось свыше ста живописцев, графиков, искусствоведов — представителей разных поколений.

Обсуждение выставки открыл член редколлегии «Юности» **В. Горяев.** «Начало сегодняшнего разговора,— сказал он,— было положено примерно полгода назад, когда И. Бруни и М. Митурич пришли в редакцию и сказали, что хотят поехать в Тувинскую АССР. Эта выставка — результат поездки.

До сих пор Бруни и Митурич были известны как книжные иллюстраторы. В поездке они были вынуждены сами выбирать объекты и темы для изображения. Вот почему выставку этих работ, исполненных в трудных и непривычных условиях, следует рассматривать как новый этап в творчестве графиков».

«Я хорошо знал отцов молодых художников — Петра Митурича и Льва Бруни,— продолжил разговор **Г. Горощенко.**—В работах сыновей ощущается творческая преемственность. Но вместе с тем у них есть и свое лицо, своя манера.

Сейчас в живописи многие очень увлекаются декоративностью. И это неплохо. Но сплошь да рядом мастерам не хватает достаточной глубины. На этой выставке мы видим работы, в которых чувствуется стремление очень тонкими средствами раскрыть образ человека. Это ценно».

О продолжении традиции отцов, о дальнейшем их развитии, о собственном видении мира подробно говорили **К. Елисеев, П. Захаров, Д. Павлов.**

С большим вниманием выслушали собравшиеся выступление **А. Гончарова.**

«Когда думаешь,— говорил он,— что происходит сейчас в нашей жизни, в нашем искусстве, то мне кажется, что истинный художник со всей остротой чувствует необходимость чистыми и ясными глазами взглянуть на действительность. Взглянуть без всякой замутненности привычками, правилами.

Именно так М. Митурич и И. Бруни увидели жизнь. И мне приятно, что в представленных здесь работах, которые почти все мне нравятся, есть ощущение чистой непосредственности».

О мастерстве художника говорил искусствовед **М. Иоффе.** Он отметил, что «даже в беглых набросках чувствуется высокая профессиональность и мастерство». Эту тему продолжили в своих выступлениях графики **И. Голицын, Г. Бершадский, В. Медведев, Ю. Цишевский.**

«Я мысленно сравниваю эту экспозицию с многочисленными выставками-отчетами после различных зарубежных поездок,— сказал молодой график **И. Обросов.**— И возникает ощущение, что еще мало знаем мы нашу Родину, редко бываем в далеких ее уголках. А они не менее интересны и прекрасны, чем рекламируемые красоты Запада.

Представленные здесь работы И. Бруни и М. Митурича открывают новый, увлекательный мир охотников, рыбаков, мир тайги, озер и гор».

Желая художникам дальнейших творческих успехов, собравшиеся советовали им, чтобы привезенные из Тувы эскизы и наброски послужили основой для создания серьезных, законченных работ.

В конце обсуждения своими мыслями поделились М. Митурич и И. Бруни.

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРНЫМ ГЕРОЯМ

В февральском номере «Юности» за 1962 год мы рассказали читателям о памятниках героям книг Сервантеса, Марка Твена, Шиллера, Андерсена и других зарубежных писателей. Сегодня мы познакомим читателей с памятниками героям народного эпоса, установленными на территории нашей страны.

Давид Сасунский

Сказания о могучем защитнике крестьянских интересов — Давиде Сасунском — бытуют на армянской земле более тысячи лет. В отдаленных селениях, у пастушьих костров, на берегах высокогорных озер — повсюду народные сказители столетиями передавали из уст в уста легенды о его богатырских подвигах. Давид Сасунский — воплощение упований и надежд всего народа, его мечты о радостной и свободной жизни. Каждое новое поколение делало героя своим современником, участником своих бед и радостей.

На одной из площадей Еревана 3 декабря 1959 года сказочному герою воздвигли памятник. Скульптор Ерванд Кочар запечатлел в меди образ воина-победителя: всадник с мечом-молнией в руках летит на вздыбленном, огнедышащем коне Джалали.

Пастух и мудрый правитель, Давид Сасунский берется за меч лишь тогда, когда переполняется чаша народного терпения. Это символически выражено разбитой чашей на скале-постаменте, у копыт коня. Из чаши тонкой струей вода стекает в бассейн вокруг статуи.

Памятник, исполненный в традициях национального искусства, вызывает восхищение тысяч зрителей — гостей и жителей Еревана. «...Я не встретил ни одного человека,— писал Геворк Эмин в первые дни после открытия монумента,— кто бы не восхищался этим подлинным произведением искусства».

Фотография памятника Давиду Сасунскому напечатана на вкладке этого номера нашего журнала.

Линда

Кто побывал в Таллине, тот знает, что древнейшую часть столицы Эстонии называют Тоомпеа, или Вышгород. В эстонском народном эпосе «Калевипоэг», собранном и обработанном в середине прошлого века Ф. Р. Крейцвальдом, есть прекрасное сказание о возникновении Тоомпеа как могильного холма легендарного героя Калева.

Этот холм, место, где «почиет муж могучий, старый Калев отдыхает», воздвигла его вдова Линда. Сюда носила она каменные глыбы в своем переднике. Однажды Линда споткнулась, и огромный валун упал на землю. Женщина устало присела на него.

Этот момент и запечатлел скульптор Август Вейценберг в мраморной статуе, созданной им в 1880 году: измученная Линда

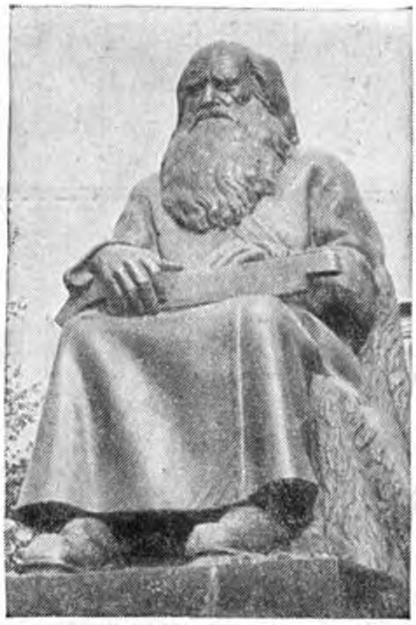
Линда.

на пьедестале-валуне, выскользнувшем из ее передника. Желание скульптора увидеть на склонах Тоомпеа бронзовую Линду, отлитую по мраморной модели, осуществилось лишь в 1920 году. Сквер в Таллине, где стоит статуя, ныне получил название «Горка Линды».

Вейнемейнен

В 1935 году в Сортавале — городе на берегу Ладоги — был установлен памятник герою карело-финского эпоса «Калевала» — Вейнемейнену. Автор памятника — скульптор Алпо Сайло.

На массивном постаменте сидит престарелый певец. Лицо его иссечено морщинами. Густые кустистые брови нависли над его вещими глазами. А. Сайло изобразил его в позе, ставшей традиционной: Вейнемейнен перебирает звонкие струны кантеле... Установка этого монумента связана с юбилейной датой — столетием со дня выхода в свет первого печатного издания величайшего произведения народного творчества.

Вейнемейнен.

☆

Не странно ли, что до сих пор памятники героям русской литературы не украшают площадей, парков, улиц наших городов и сел?

Время от времени видные деятели нашей литературы высказывают пожелания о необходимости таких памятников. Так, в 1955 году в Киеве под председательством академика М. Рыльского проходило Всесоюзное совещание по вопросам изучения эпоса восточных славян. В резолюции, принятой фольклористами, есть и такой пункт: «Совещание обращается к Президиуму Академии наук СССР с просьбой поднять ходатайство об установлении в Киеве памятника древнерусским былинным богатырям». Несколькими годами позже Петр Панч выступил в «Литературной газете» с предложением воздвигнуть в Киеве монумент Тарасу Бульбе. К. Паустовский в своей книге «Золотая роза» сетует: «Правда, почему не ставить памятников литературным героям?» Писатель называет тех, кого бы ему хотелось видеть на площадях наших городов: Павла Корчагина, Татьяну Ларину, Максим Максимыча, Бэлу...

Перечень литературных героев, заслуживающих воплощения в мраморе и бронзе, можно было бы продолжить...

Артур РУБИНШТЕЙН

МОСКОВСКИЕ УЛИЦЫ ЖДУТ ИХ РАБОТ

В центре Москвы, за кинотеатром «Форум», возвышается пятиэтажное здание школы. Обычная одиннадцатилетка с производственным обучением. Как и в других школах, ребята здесь наряду со средним образованием приобретают различные специальности: токаря, швейника, авторемонтника, стенографиста, краснодеревщика... Но есть среди них еще одна, которая отличает именно эту, 236-ю, школу от всех школ Советского Союза. Вот уже второй год многие выпускники ее вместе с аттестатом зрелости получают удостоверение, присваивающее им звание исполнителя художественно-декоративных работ.

«Подумаешь, — скажете вы,— что тут особенного? Ведь не художников готовят, а исполнителей, иначе говоря, грамотных ремесленников».

Не торопитесь с выводами. Лучше поднимемся на четвертый этаж школы. Здесь выставлены работы учащихся: плакаты, эскизы стендов, проекты витрин магазинов и киосков. Вот рекламный плакат к кинофильму «Америка глазами француза». Несколько вертикальных красных полос, вверху синие проемы окон. Цветовое сочетание и соотношение линий напоминает чем-то флаг США. По всему полю скупыми, выразительными штрихами очер-

На уроке рисунка в 236-й школе.

чены портреты: благопристойный обыватель, удачливый бизнесмен, девица с обручем хула-хуп, воинствующий политикан. Сдержанно и броско.

Или эскиз витрины магазина «Легкое платье». Воздушные рейки, легкие, изящные подставки, привлекающая взор цветовая гамма — все просто, лаконично, ярко и с большой выдумкой.

Как редко еще мы встречаем такое на наших улицах, в наших магазинах!

Все работы разные, с непохожими решениями, своеобразными почерками. Их авторы утверждают собственное видение мира, по-своему преломленное средствами декоративного изображения. Но есть в этих работах общее драгоценное свойство, которое пленяет с первых же минут знакомства с выставкой. Острое чувство современного стиля. Горячее желание привнести это современное в оформительское искусство, стремление разрушить установившиеся многими годами, устаревшие каноны и трафареты.

И еще одно нельзя не заметить — хороший вкус, профессиональную уверенность и богатое воображение.

Нет, не ремесленников готовят в школе, а истинных художников. Передо мной список специальных дисциплин, которые преподают учащимся. Рисунок. Живопись. Композиция (заметьте, отдельный предмет!). Шрифт. История изобразительных искусств. Основы производства. Я побывал на всех этих уроках. Мне показалось, что я не в школе-одиннадцатилетке, а в каком-нибудь художественном вузе.

Не только педагоги, но и сами школьники строго подходят к своему творчеству. Когда я разговаривал с заведующим учебной частью школы А. М. Поповым, в учительскую вошел одиннадцатиклассник Виктор Борисюк. «Посмотрите, Артем Михайлович,— попросил он его,— я тут сделал набросок объявления о комсомольском собрании. Как вы считаете, удачное решение?»

Речь шла о будничном, рядовом объявлении, но юноша и тут видел элемент оформительского искусства и тут считал необходимым приложить творческую фантазию.

С Виктором мы разговорились после уроков. Беседа была

Плакат работы школьника Б. Урбанского.

долгой и интересной. Пытливый, наблюдательный юноша не случайно и не бездумно избрал себе профессию. В классе постоянно идут споры и диспуты о путях советской рекламы. И по тому, как говорил об этом Виктор, я видел, что это не пустые словопрения, а глубокие раздумья над волнующими проблемами.

— Мы твердо знаем, что нам предстоит в нашем деле стать преобразователями. Понимаем, конечно, что задача трудная, но мы решили готовить себя к ней не на шутку.

Виктор помолчал, а потом с грустью добавил:

— Обидно только, что наши работы остаются лежать под спудом, в пыли школьного архива, и не находят себе должного применения. Нет, вы не думайте, что Московское управление городского оформления и рекламы относится к нам без внимания. Наоборот, на его комбинатах мы проходим толковую практику. Два раза в году в школе собирается большой художественный совет, на котором обязательно присутствуют представители управления. На совете разбирают творчество каждого ученика в отдельности. Разбирают строго, без всякой снисходительности. Хвалят, но... Да что далеко ходить, вот вам пример. Дали классу тему плаката «Не играйте на дорогах». В городе вы, вероятно, видели такие щиты: детально вырисованные, раскрашенные мальчики, кнопочки пешеходных переходов, мчащиеся автомобили — картинка, а не плакат. А посмотрите, как эту же тему решал Борис Урбанский!

Да, я видел эту работу. Громадное колесо грузовика, а под ним маленький красно-синий детский мячик. «В производство бы его пустить!» — сказал тогда начальник живописного комбината. Но благое намерение начальника не осуществилось.

Впрочем, не только работа Б. Урбанского заслуживает принадлежащего ей по праву места на московских улицах... Заслужили его и плакаты других учеников.

О многом еще узнал я в школе. Об организации собственного театра миниатюр, о первом остроумном и веселом спектакле «Этапы большого пути», где авторами, режиссерами, актерами, художниками-декораторами были сами ребята; о готовящемся большом феерическом представлении в трех действиях «Где черту не под силу», в котором предстанет вся жизнь школы в забавных шаржах и пародиях; о созданном школьным комитетом комсомола университете культуры и устном журнале «Страницы жизни»; о частых туристических походах. Где только не путешествовали ребята! Они побывали и в Прибалтике, и в Подмосковье, и в Крыму. По приглашению венгерских школьников они посетили Будапешт и Эстергом. Были на Балатоне, плыли по Дунаю.

— Сколько было впечатлений! — говорит Виктор Борисюк.— Принимали нас как дорогих гостей. Но самым ценным для нас, будущих художников, было знакомство с венгерской рекламой. Много полезного почерпнули мы там. Нам подарили толстую кипу плакатов, которые мы по-братски поделили между собой, и скажу, что эти плакаты стали для нас своего рода настольным учебным пособием. Есть чему поучиться у венгров в рекламе и искусстве оформления города!

Формула «уметь видеть жизнь» не стала абстрактной категорией в школе — она пришла на вооружение в каждодневной практике ребят.

К. НИКОЛАЕВ

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ПЬЕСА О КУБЕ

Сегодня все прогрессивное человечество внимательно следит за жизнью кубинского народа. Его чаяния и революционные настроения особенно близки и понятны нам, советским людям. Любопытно, что передовые граждане России интересовались жизнью кубинского народа еще в середине прошлого века. В 1858 году русский политический эмигрант И. Г. Головин написал драму «Ровира», в которой страстно протестует против рабства на Кубе. Пьеса вышла в свет в Лейпциге на русском и немецком языках.

И. Г. Головин — автор ряда произведений о России, печатавшихся в основном на французском, немецком и английском языках. В своих публицистических выступлениях он резко осуждал самодержавие и крепостничество, выступал против расовой дискриминации, за суверенитет и независимость народов. Около 50 лет прожил писатель в эмиграции, подвергаясь преследованиям не только со стороны царского правительства, но и правительств Франции, Англии, Германии, Италии. В 1855—1856 гг. ему пришлось уехать в США. Позже он писал, что эта страна «наполнена убийцами...». Деньги, подкуп и шантаж играют там решающую роль во всех сферах государственной и частной жизни.

Тогда же И. Г. Головин посетил Кубу, где стал очевидцем тяжелой жизни кубинского народа под ярмом испанских плантаторов и американских работорговцев. Наблюдения вылились в драму «Ровира», которую он посвятил выдающемуся немецкому естествоиспытателю и путешественнику Александру Гумбольдту.

Действие пьесы происходит в Гаване. Герой драмы молодой талантливый юноша Ровира изобрел паровую машину для переработки сахарного тростника. «Тысячи рук будут спасены от рабства, замененные машиной»,— думает юноша-патриот. Бедняк метис Ровира любит белую девушку, и она отвечает ему взаимностью. Но отец девушки богач Лоренцо в ответ на просьбу Ровиры выдать за него дочь подводит того к зеркалу, нагло указывая: «Ты видишь свой цвет лица?»

Узнав, что семья Ровиры — рабы, и желая поиздеваться над несчастным бедняком, Лоренцо решает купить их.

Чтобы спасти себя и семью, Ровира собирается продать свое изобретение спекулянту американцу Брауну. Мать, горячо любящая родину, гневно бросает сыну: «Куба не простит того, что твоя машина перейдет к американцам...»

Пьеса И. Г. Головина и сегодня является обвинительным актом против западного образа жизни, сущность которого не только осталась прежней, но и еще более бесчеловечной.

Т. КОЛОСКОВ

—•—

ЖАН ПОЛЬ САРТР В ГОСТЯХ У «ЮНОСТИ»

Французского писателя, философа, общественного деятеля Жан Поля Сартра хорошо знают советские люди.

Недавно Сартр и французская писательница Симона де Бовуар посетили редакцию «Юности». Им хотелось познакомиться с авторами журнала — молодыми прозаиками, поэтами, критиками.

На встречу пришли молодые прозаики В. Аксенов, А. Гладилин, М. Бременер, поэты Юнна Мориц, Н. Коржавин, О. Чухонцев, критики Б. Сарнов, С. Рассадин, Д. Урнов и другие.

Французские гости интересовались новыми произведениями и творческими планами молодых писателей. В. Аксенов и А. Гладилин подробно рассказали о содержании своих новых повестей, подчеркнув, что их интересует жизнь нашей молодежи, и в частности взаимоотношения со старшим поколением, лучшие традиции которого она продолжает.

— Взаимоотношения отцов и детей во Франции,— сказал Жан Поль Сартр,— обусловливаются, как мне кажется, исключительно причинами биологического характера. Меня интересует, в каких формах проявляется эта проблема у вас.

Подробно на вопрос гостя отвечали В. Аксенов, А. Гладилин, С. Рассадин, Б. Сарнов. В их выступлениях прозвучало твердое убеждение, что творческие дискуссии среди писателей и художников разных возрастов не являются спорами между поколениями. Это споры единомышленников. Молодежь у нас продолжает дело своих отцов и дедов. Вместе с партией, со всем нашим народом она активно борется с теми, в ком еще силен дух, порожденный культом Сталина, с догматиками и начетчиками, которые не могут понять, что после XX съезда КПСС в нашей жизни произошли колоссальные изменения.

В ходе беседы Ж. П. Сартр ответил на многочисленные вопросы, рассказал о молодых писателях Франции.

— Молодежь, — заявил он,— всегда старается выразить идеи своего поколения. Но, помимо таланта, для этого самому надо обладать твердым мировоззрением. А оно не всегда и не у всех бывает. В этом отношении очень характерен пример французской писательницы Франсуазы Саган. Ее первые романы, где она попыталась высказать взгляды 18-летних, интеллектуальная молодежь — студенты — не приняла совершенно. Основными читателями ее книг были родители, стремившиеся через эти романы понять своих детей. Сейчас, когда прошли годы, а писательница так и не обрела глубоких философских взглядов, не сумела подняться на следующую ступень в своем творчестве, книги Саган уже не пользуются популярностью во Франции...

Интересный разговор продолжался около трех часов.

БУДУЩИЕ ПРОГРАММИСТЫ

В кабинете директора московской школы № 444 порой можно услышать необычные телефонные разговоры. Вот, к примеру, звонок из научно-исследовательского института.

— Нам нужны опытные программисты. Просим выделить в будущем году...

С каких пор средняя школа готовит специалистов для исследовательских центров? Совсем недавно. Одиннадцатилетка на 8-й Парковой улице готовит вычислителей для работы на электронно-решающих устройствах. В школе были несколько изменены учебные планы, расширены специальные разделы. Сейчас выпускники знают основы высшей математики.

В школе создано несколько математических кружков. Причем старшеклассники проводят занятия с учениками из младших классов. Двое воспитанников школы — Лида Гончарова и Иосиф Бернштейн — заняли первые места на IV Международной математической олимпиаде школьников в Чехословакии.

На нашем снимке вы видите учеников 444-й школы у пульта вычислительной машины. В центре — Лида Гончарова; второй слева — Иосиф Бернштейн.

СОВЕТСКАЯ ГРАФИКА
НА ВЫСТАВКЕ В ИТАЛИИ

В конце прошлого года в древней Флоренции была устроена выставка работ молодых советских художников-графиков. Ее организовало флорентийское отделение общества «Италия — СССР». В первый же день в галерее Марчелли собралось так много народу, что к литографиям и офортам, развешанным на стенах, нелегко было пробиться. Вокруг звучала итальянская и русская речь. По-русски говорили молодые флорентийцы, активисты общества, с увлечением изучающие нашу культуру, наш язык.

Советские туристы, приехавшие в этот день во Флоренцию после осмотра сокровищ итальянского искусства в галерее Уффици и Академии художеств, с большой радостью встретились с работами своих молодых земляков — Анатолия Бородина, Виктора Вальцифера, Вл. Волкова, Ил. Голицына, Олега Кудряшова, Юрия Могилевского, Игоря Обросова, Алексея Шмаринова.

Зрители толпились около гравюр Иллариона Голицына «Московское утро», «В общежитии», которые всего несколько месяцев назад выставлялись в помещении редакции журнала «Юность». С большим интересом рассматривали они и гравюры Игоря Обросова, также выставлявшиеся у нас в редакции.

Посетители выставки искали в работах советских художников приметы нашего быта, черты национального характера, особенности русского пейзажа. Они обсуждали достоинства и просчеты выставленных гравюр, мечтали о поездке в Советский Союз, чтобы поближе познакомиться с нашей страной и ее людьми.

Многие прогрессивные газеты Италии отметили успех молодых советских художников, демонстрировавших свои произведения во Флоренции.

Обложка каталога выставки.

Спорт

В. БРУМЕЛЬ

ЦЕНА ОДНОГО САНТИМЕТРА

Валерий Брумель с матерью на аэродроме.

О ДРУЗЬЯХ-СОПЕРНИКАХ

Когда этот номер журнала будет печататься, я еще, по-видимому, буду «на другом краю света»... в Нью-Йорке. Там в феврале состоятся традиционные международные состязания по легкой атлетике в закрытом помещении. И снова — в который раз! — я встречусь со своим другом-соперником Джоном Томасом.

За последние два года корреспонденты замучили меня вопросом: «Что вы думаете о Томасе?» «Талантливый спортсмен и хороший парень»,— обычно говорил я. Но корреспонденты были явно недовольны столь лаконичным ответом. Они ждали от меня чего-то большего. Ну, что ж, попытаюсь рассказать подробнее сейчас.

Джон Томас — мой самый старый и самый главный соперник. Долгое время он был для меня отличным лидером. «Гонка» за ним началась пять лет назад. Тогда мне было 15. Я ходил в «рекордсменах» среди школьников Луганска, так как сумел прыгнуть в высоту на 175 см. Мое имя упомянули в местной газете. Я был окрылен первым успехом и чертовски доволен собой, как вдруг...

Газета «Советский спорт» сообщила, что на зимнем первенстве США (февраль 1958 года) 16-летний школьник Джон Томас прыгнул на 202,3 см! Значит, в мои 15 лет он прыгал по крайней мере на 195 см. Значит, мой рекорд ничего не стоит!

Очертя голову я приналег на тренировки и стал устраивать себе дополнительные занятия, пока тренер Петр Семенович Шейн не охладил мой непомерный пыл, запретив лишний раз приходить в зал. Узнав причину моего рвения, он довольно уверенно сказал:

— Не увлекайся, парень, не торопись, со временем и ты будешь так прыгать.

Действительно, когда мне исполнилось семнадцать лет, я перешагнул заветный двухметровый рубеж. Но за это же время Томас поднял планку до 2 м 13 см. Нас разделяли две «чертовы дюжины»: 13 см в достижениях и 13 месяцев в возрасте. Первые «13» не давали покоя, вторые «13» восстанавливали душевное равновесие, так как за год с лишним можно было многого добиться.

Однако в гонке за черным лидером наступил неожиданный «тайм аут». Остановился он—остановился и я. Из-за океана пришло сообщение, что Томасу во время ремонта лифта придавило ногу, и его дальнейшая спортивная судьба оставалась неизвестной. А у меня отразились на спортивных результатах выпускные экзамены в школе, подготовка к поступлению в институт, переезд из города в город. За сезон они возросли... на один сантиметр вместо ожидаемых тринадцати.

Зимой 1960 года моим спортивным наставником стал заслуженный тренер СССР Владимир Михайлович Дьячков. И 13 августа 1960 года на Центральном стадионе имени В. И. Ленина во время праздника, посвященного Всесоюзному дню физкультурника, я прыгнул сразу на 217 см. Очевидно, «чертова дюжина» — действительно мое счастливое число. Скажу по секрету, я родился в ночь с 13 на 14 апреля. В 13 лет начал занятия легкой атлетикой, и даже квартира, в которой я живу, имеет № 13.

В июле 1960 года мой заокеанский соперник покорил «фантастическую» по тем временам высоту — 222,9 см. Зарубежная пресса с большим бумом отметила это событие.

Однако я рассуждал так: «Не каждый день ставятся мировые рекорды, и не каждый раз спортсмен способен показать свой максимальный результат. А кроме того, одно дело — прыгать у себя дома и совсем иное — выигрывать первенство на всемирном спортивном форуме». Словом, на Олимпийские игры я отправился без робости.

И вот наконец в Риме на одной из тренировок состоялась долгожданная встреча с Джоном Томасом. Высокий, стройный и, на мой взгляд, красивый негр был очень приветлив. Он мне понравился.

Что произошло затем в памятный на всю мою жизнь четверг 1 сентября, общеизвестно. «Прыгающее чудо» — Джон Томас, в победе которого никто из западных комментаторов не сомневался, потерпел фиаско. Олимпийским чемпионом стал Роберт Шавлакадзе. И хотя я преодолел те же 2 м 16 см, что и Роберт, но... лишняя попытка отодвинула меня на второе место. Досадно было, конечно, но я тем не менее был счастлив победой советских прыгунов и личной победой над Томасом.

Вспоминая тот незабываемый и полный спортивного драматизма вечер на римском стадионе, нужно отметить мужество, с каким Томас перенес удар спортивной судьбы. В связи с этим мне вспоминаются замечательные строчки, прочитанные в одной из книг Э. Хемингуэя: «Спорт учит честно выигрывать. Спорт учит с достоинством проигрывать. Итак, спорт учит всему, учит жизни».

После Рима мне вскоре снова довелось встретиться с Томасом. 13 февраля 1961 года (заметьте, опять 13!) я вместе с Игорем Тер-Ованесяном и Евгением Момотковым совершил перелет из Москвы в Нью-Йорк. Мы были приглашены на три состязания, в том числе и на зимний чемпионат США в закрытом помещении. В США все рассчитывали на реванш Томаса за римское поражение, и наш с ним поединок склонные к преувеличению американцы окрестили «битвой столетия». В первом же состязании я преодолел высоту в 221, а Джон — 216 см. На следующий день, отмечая мой успех, ряд обозревателей в довольно резкой форме осуждали Томаса. Мне было очень досадно, что соотечественники Джона так сурово отнеслись к спортивной неудаче своего недавнего кумира. Все это, конечно, не могло способствовать его дальнейшему успеху. Через неделю он вновь проиграл 5 см, а вместе с ними и титул чемпиона США, что совершенно вывело парня из душевного равновесия.

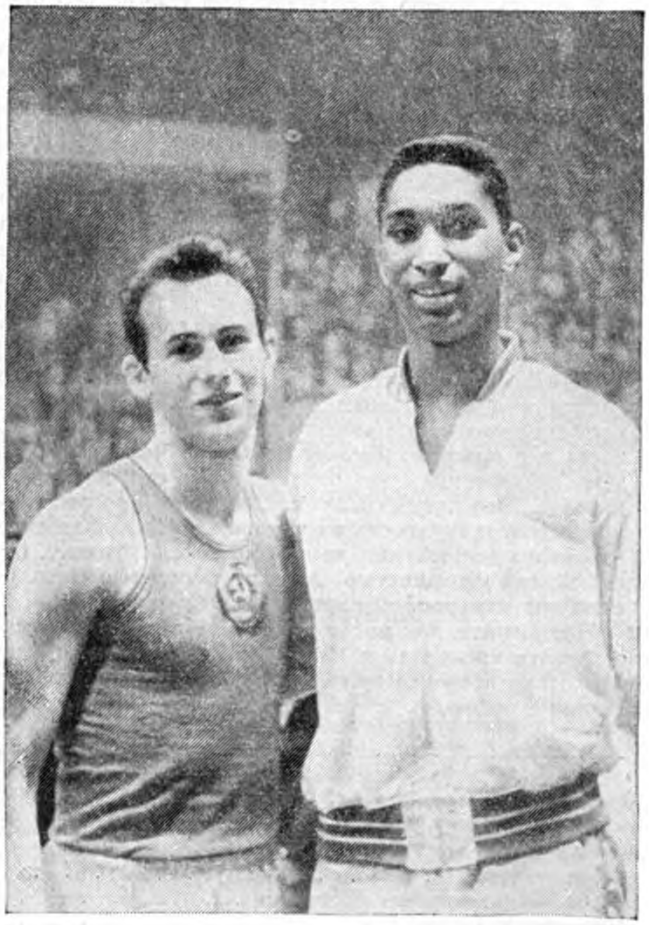
Четыре месяца спустя Джон приехал в Москву, и на Центральном стадионе имени В. И. Ленина состоялся «пятый раунд» нашей затянувшейся дуэли. Я вновь выиграл встречу, с новым мировым рекордом для стадионов — 2 м 24 см. Однако должен заметить, что к этому результату весьма близок был и Томас. Он перешел всем корпусом планку и лишь в последний момент задел ее стопой. Это свидетельствовало, что Джон располагает громадными возможностями. Отшлифуй он свою технику, улучши разбег — и он вновь станет грозным соперником. Во всяком случае, мне следовало быть начеку.

Летом 1962 года команда легкоатлетов СССР с ответным визитом прилетела в калифорнийский город Пало-Альто. Накануне традиционного матча СССР — США я решил уточнить, какая же у нас с Томасом разница в росте. Оказалось, я ниже на... 13 см. Опять «чертова дюжина»! Ну, значит, все в порядке. И я не только выиграл очередной «раунд», но, к великой радости американцев, установил на их земле новый мировой рекорд.

Я рассказал так много о Томасе потому, что он был и остается моим главным соперником, а борьба с ним, заочная и очная, в определенной мере способствовала моим спортивным достижениям. Однако не в меньшей степени я обязан нашим лучшим прыгунам: москвичу Игорю Кашкарову, ленинградцу Юрию Степанову, Виктору Большову из Грозного и тбилисцу Роберту Шавлакадзе. У первого я перенял манеру прыжка, у второго заимствовал быстрый разбег. Опыт Большова помог мне отточить технику, а Шавлакадзе стал для меня примером спортивного бойца.

В заключение несколько слов еще о двух моих сверстниках из США.

Очень многообещающ Джое Фауст, покоривший в минувшем сезоне высоту в 216 см. Но еще большее впечатление произвел на меня в Пало-Альто талантливый негр Джозеф Джонсон. Он прыгает стилем «перекат», который менее эффективен, чем перекидной. Тем не менее Джозеф сумел преодолеть 214,5 см. При

Два старых друга-соперника: Валерий Брумель и Джон Томас.

его феноменальной прыгучести парень способен добиться лучшего.

Рассказывая об этом, я хочу подчеркнуть, что, как бы ни был спортсмен одарен природой, выдающимися физическими способностями, как бы ни были велики его личные усилия, успех его всегда находится в определенной зависимости от уровня высших достижений главных соперников.

И еще одно: нам, представителям спортивной молодежи, никогда не следует забывать о заслугах спортивных предшественников. Ведь в своих творческих поисках они как бы проторили нам дорогу, по которой уже легче двигаться вперед. Благодаря им нам уже не нужно затрачивать много времени и усилий на поиски путей к подножию вершины спортивного мастерства. Сэкономленное время и силы мы можем использовать более рационально — на штурм самого пика спортивной славы. Поэтому в моем успехе заложен и труд моих предшественников в спорте. И конечно, всегда и во всем мы должны быть благодарны нашим учителям—тренерам. Я, например, очень многим обязан моим наставникам — П. С. Шейну и В. М. Дьячкову.

ЦЕНА ОДНОГО САНТИМЕТРА

Во многих письмах болельщики спрашивают меня, смогу ли я прыгнуть на 2 м 30 см.

Кое-кто из корреспондентов еще год назад дал за меня положительный ответ, хотя я и не отвечал утвердительно. Пользуясь случаем, хочу внести уточнение.

Я не раз говорил и подтверждаю сейчас, что прыжок на 230 сантиметров доступен, в том числе, наверное, и мне. Однако, как говорится, между возможностями и практическим исполнением — «дистанция огромного размера». Не подумайте, что я пасую перед трудностями. Вовсе нет. Я непременно собираюсь штурмовать новые высоты. Однако рискованно, да и нескромно давать заверение, что «космический рубеж» в прыжках (2 м 30 см) непременно будет покорен. Это дьявольски трудная задача, справиться с которой не так-то просто. А чтобы объяснить вам эти трудности, попытаюсь популярно изложить несколько теоретических положений.

Наука утверждает: если изменение какой-либо функции стремится к пределу, то степень изменения прогрессивно уменьшается. Эта закономерность наблюдается и в спортивных достижениях. Вначале прирост скорости бега, плавания, а равно прирост результатов и в прыжках бывает большим. Чем выше уровень достижений, тем этот прирост становится все меньше. Это происходит потому, что прогрессивно возрастает и трудность их улучшения. Следовательно, чем выше достижения, чем они ближе к пределу, тем с большей трудностью дается улучшение каждой единицы измерения спортивного результата.

Посмотрите, как росли результаты у меня начиная с первого «рекорда» в 1955 году. И вам станет ясно, насколько возросла цена одного сантиметра на рекордных рубежах.

В некоторых письмах задается такой вопрос: «Можно ли сократить срок достижения рекордных рубежей за счет повышения интенсивности тренировок и увеличения физических нагрузок?»

Думаю, что нет, и, ко всему прочему, это связано с неоправданным риском. Ведь допуская чрезмерную физическую нагрузку, мы причиняем громадный ущерб здоровью. Конечно, увеличение нагрузок, возможно, дает поначалу определенный эффект, но после неизбежно наступает упадок сил. А скорее всего и рекордов не добьешься и здоровье потеряешь.

Нет, друзья, возможности улучшения спортивных достижений следует искать не в безрассудном повышении интенсивности тренировок. Даже машины имеют предел мощности. Прогресс возможен только за счет усовершенствования методики тренировки, за счет филигранности техники выполнения упражнения и в данном случае техники прыжка. В этом и только в этом таятся скрытые возможности.

За последние годы во всех видах легкой атлетики по нескольку раз обновлялись мировые рекорды. То, что совсем еще недавно считалось маловероятным, фантастическим, стало действительным, реальным. Но как ни поразительны многие спортивные результаты, в них нет ничего сверхъестественного. Все они лишь логическое завершение эволюционных процессов, происходящих в спорте. Анализируя результаты последних сезонов, невольно обращаешь внимание на все возрастающую плотность в высших достижениях сильнейших атлетов мира. Это значит, что с каждым годом становится все больше и больше спортсменов экстра-класса. Их борьба за первенство неизбежно порождает новые рекорды. Результаты растут и будут расти. Но с каждым годом степень их обновления снижается. И, возможно, кое в чем наступит временный застой. Так именно случилось, например, в спринте и прыжках в длину у мужчин, где мировые рекорды знаменитого американского атлета Джесси Оуэнса были незыблемыми почти четверть века!

Еще раз прошу читателей правильно понять меня. Все сказанное не подготовка смягчающих обстоятельств на случай неудачного штурма новых рекордных рубежей. Нет. Я просто хотел объяснить действительное положение вещей и дать объективное представление о цене каждого «рекордного» сантиметра.

О НЕРВАХ

На XVII Олимпийских играх в Риме было немало сенсаций: значительная часть призов оказалась совсем не у тех, кому они «предназначались».

Чем же объяснить подобные «сюрпризы»? Мне кажется, прежде всего тем, что многие любители спорта привыкли оценивать соотношение сил претендентов по их рекордным достижениям. Мысленно сводя будущих соперников на спортивной арене, составители прогнозов сравнивают достижения спортсменов, стабильность показа высоких результатов, учитывают даже потенциальные возможности каждого. И все же подобные прогнозы, построенные, казалось бы, на со-

Годы	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962
Возраст	13	14	15	16	17	18	19	20
Высшее достижение за сезон	130	155	175	195	201	220	225	227
Прирост в см за год	—	25	20	20	6	19	5	2
В среднем на 1 см прироста затрачено тренировочных недель	2	2,5	2,5	—	4	—	10	26

лидной научной основе, часто рушатся уже в самом начале соревнований. Рушатся потому, что страдают существенным недостатком: в них не учтены такие решающие факторы, как нервы и сила воли!

Эти факторы не поддаются измерениям. Следовательно, невозможно объективно оценить, кто из спортсменов и в какой степени имеет преимущество. В единоборстве равных по возможностям и мастерству побеждает тот, у кого сильнее воля и кто лучше выдерживает нервное напряжение.

Нервничаю ли я перед встречами с опасными соперниками, спрашивают меня в письмах. Конечно, нервничаю, но не в такой степени, как некоторые спортсмены, порой теряющие самообладание. Помнится, многие «олимпийцы» в Риме, терзаясь сомнениями, страдали бессонницей, теряли аппетит. Должен сказать, что у меня подобного никогда не было. Даже в ночь на памятное 1 сентября 1960 года я спал безмятежно и, кажется, без сновидений. Поэтому встал бодрый и веселый. Только перед самым стартом появилось нервное напряжение, но не расслабляющее, а, наоборот, мобилизующее.

Многие товарищи откровенно делились со мной, что страдают «предстартовой лихорадкой». Но мне такое чувство малознакомо. У меня порой замирает сердце, но я не переживаю чувства страха и не ощущаю слабости в коленках, даже если соревнования проходят для меня не совсем удачно. Наоборот, каждая промашка вызывает спортивную злость и страстное желание преодолеть неподдающуюся высоту.

Накануне ответственных встреч, а также во время самих затянувшихся соревнований больше всего изматывает нервы томительное ожидание. И здесь очень важно уметь отвлечься, заставить себя меньше думать о предстоящем спортивном испытании.

В Риме, в дни, предшествующие моему выступлению, я много играл в настольный теннис, а по вечерам смотрел кино, особенно любил мультипликационные комедии.

Когда наступила моя очередь выйти на арену олимпийского стадиона, я прихватил с собой увлекательный роман У. Коллинза «Лунный камень». Заранее было известно, что соревнования по прыжкам в высоту из-за большого числа участников будут продолжаться около пяти часов. Все это время предстояло провести в секторе для прыжков. Книга помогла мне скоротать время. Укрывшись от солнца под тентом, я уткнулся в роман. Сознаюсь, что поначалу сосредоточиться было очень трудно. На стадионе бушевали страсти, и рев ста тысяч зрителей не раз поднимал меня с места. К счастью, события, описанные в романе, так увлекли меня, что я порой забывал, где нахожусь. К действительности меня возвращал только вызов спортсменов на очередную попытку. Лишь после взятой высоты в 2 м 09 см я отложил книгу. Тут уже было не до чтения. Надо было по-настоящему включиться в борьбу. Собственно говоря, только с этой высоты и началось мое нервное возбуждение, только с этого момента я начал «загораться». В то же время мои соперники, не имея возможности ничем отвлечься, давно томились в изнурительном ожидании. Это не способствовало хорошему настроению, и, судя по лицам, у многих было муторно на душе.

Многие из вас, конечно, помнят всю сложность ситуации, создавшейся в Риме для прыгунов в высоту. Всем тогда заранее было ясно, что судьба золотой медали предрешена в пользу «прыгающего чуда» из США — Джона Томаса. Его недавний «фантастический» рекорд не оставлял, казалось бы, никаких надежд для остальных прыгунов. Мой рекорд Европы был на 6 см ниже. Большов в своем достижении отставал на 8 см, а Шавлакадзе — на 11! Никто не ждал от нас золотой медали — курс наш был на «серебро» и «бронзу». Так что терять нам было нечего. Поэтому мы имели моральное преимущество перед Томасом. Он, конечно, был уверен в своей победе и, встретив вдруг упорное сопротивление, встревожился не на шутку. Последовала одна неудачная попытка на «пустяковой» для него высоте — 214 см, которую Шавлакадзе преодолел сразу и с большим запасом. Томас стал заметно нервничать. А в самый решающий момент он стал терять уверенность. Потеря уверенности — злейший враг спортсмена. Она ослабляет и нередко обрекает на поражение. И Томас проиграл. Шавлакадзе тоже остро переживал перипетии борьбы и тоже утомился, но он сумел «зажать первы в кулак» и проявил восхитительную выдержку. В те трудные минуты ему помогло умение расслабляться физически, морально и «взрываться» в нужный момент. Эти выдающиеся качества привели Роберта к заслуженной победе.

Нередко меня спрашивают: что я делаю накануне и за несколько часов до рекордных выступлений?

В конце января 1961 года в Ленинграде я впервые прыгнул на 2 м 25 см. В тот вечер я просидел три часа в кино и смотрел подряд две серии фильма «Граф Монте-Кристо». Так увлекся, что совсем забыл о предстоящих соревнованиях и прибежал в зимний манеж за пять минут до выхода на место прыжков.

В Пало-Альто в июле 1962 года на матче СССР — США я преодолел планку на высоте 2 м 26 см. День до этого события я просидел у телевизора: смотрел ковбойские фильмы. Картины, конечно, пустые, но здорово отвлекают.

Днем 29 сентября 1962 года я преодолел высоту 227 см. А перед этим провел все утро в Третьяковской галерее. Особенно долго пробыл я в зале, где экспонируются полотна Шишкина. Большое впечатление на меня всегда производит картина «Сосновый бор». Она напоминает мне детские годы, проведенные в Забайкальской тайге. Примерно такой же пейзаж, как изобразил И. И. Шишкин, я наблюдал ежедневно из окна нашего домика, расположенного на окраине маленького таежного поселка.

Некоторые интересуются: почему во время соревнований в ожидании своей очереди я сижу спиной к месту прыжков?

Дело в том, что, наблюдая за прыжком каждого соперника, невольно переживаешь в какой-то степени его состояние, начиная с выхода к месту разбега, а самое главное, во время полета через планку. И такие наблюдения постепенно создают излишнее напряжение. А зачем? Поэтому, чтобы избавить нервы от никчемной нагрузки, я обычно не обращаю внимания на происходящее до тех пор, пока меня не вызовут на старт.

ОБ ЭМОЦИЯХ

Известно, что в нашем организме таится колоссальная потенциальная энергия. Под влиянием определенных условий, под влиянием чувств и эмоций может быть вызван взрыв этой энергии, что порой и приводит к спортивному подвигу.

К этим «определенным условиям» относится подготовка мест соревнований, четкость организации соревнований и судейства, праздничность обстановки и тому подобное. Немалую роль могут сыграть и зрители, безусловно, влияющие на настроение спортсмена. Нередко желание тысяч людей, жаждущих победы, передается спортсмену и буквально удесятеряет его силы, возможности, стремления.

В мае 1960 года на соревнованиях в Туле я получил травму правой ноги и был вынужден продолжительное время посещать поликлинику. Но, избавившись от недуга, никак не мог добиться прогресса в достижениях, которые бурно росли у других претендентов на поездку в Рим.

С приближением XVII Олимпийских игр снижались мои шансы оказаться в числе участников всемирного спортивного форума. Что только я не предпринимал! Ничего не помогало — результаты упрямо не росли. Я не мог попасть в число призеров ни на соревнованиях в честь братьев Знаменских, ни на чемпионате СССР. А ведь в Рим могли поехать только трое лучших. Тем не менее я не терял надежд и тренировался с фанатическим упорством. На последней, решающей прикидке я прыгнул на 2 м 05 см и разделил 3—4-е места с ростовчанином Василием Хорошиловым. Возможно, потому, что я был моложе, или потому, что на тренировках не раз одолевал 2 м 10 см, тренерский совет утвердил меня третьим «олимпийцем». Узнав эту новость, я почувствовал необыкновенный душевный подъем, и мне казалось, будто у меня за спиной выросли крылья. Внутренний «альтиметр» стал показывать начавшийся подъем.

13 августа на Центральном стадионе имени В. И. Ленина состоялся большой спортивный праздник, посвященный Всесоюзному дню физкультурника. «Олимпийцы» демонстрировали свою готовность к борьбе за мировое первенство, и я приехал на стадион с огромным желанием хорошо прыгнуть. Я был спокоен, уверен в своих силах, а на душе радостно и празднично. Неподатливые ранее высоты оказались удивительно покорными, и сто тысяч зрителей дружными аплодисментами помогли мне. Я взлетел на 2 м 17 см. Это было новым рекордом континента.

Успех в Риме вселил еще большую уверенность в силы, и мне хотелось прыгать и прыгать.

Через неделю после возвращения на Родину я выступил в Одессе, и... в таблице всесоюзных и европейских рекордов появилась новая цифра — 2 м 18 см.

Три недели спустя в Луганске мне устроили такую встречу, будто я олимпийский чемпион. Мне очень, очень захотелось чем-то отблагодарить любителей спорта, до отказа заполнивших стадион, где когда-то начинался мой спортивный путь. И, несмотря на ненастную погоду, удалось взять 2 м 19 см.

Затем в Киеве состоялось командное первенство СССР, организованное не лучшим образом. Прыгунам пришлось заканчивать свои выступления в осенних сумерках, прожекторы бездействовали, трибуны были почти пустыми. Это не был спортивный праздник, это было календарное мероприятие, и многие утомленные «олимпийцы» лишь отбывали свои номера. Такая безотрадная обстановка подействовала и на меня. Прыгнув всего лишь на 2 м 06 см, я занял третье место. На другой же день в газете «Советский спорт» появился отчет, где утверждалось, будто я переоценил свои силы. Прямо досада берет, с какой легкостью у нас порой обвиняют спортсмена в «смертных грехах».

Совсем иначе, чем в Киеве, было организовано городское первенство в Ужгороде. Был ясный, солнечный день, и на стадионе собрались тысячи горожан, тепло встретивших гостей-спортсменов из других городов Украины. Хотя накануне прошел дождь, но грунт в секторе прыжков находился в идеальном состоянии. Словом, все способствовало успеху, и я одолел высоту в 2 м 20 см.

Начались занятия в институте, а затем подошла зимняя сессия. Больше всего я опасался за экзамены по анатомии и был страшно обрадован, когда их выдержал. Тут же отправился в Ленинград на зимние студенческие соревнования. Мне очень хотелось прыгать: ведь я так засиделся, не выступая более трех месяцев. Я приехал в приподнятом настроении и взял высоту 2 м 25 см. Немало я обязан и ленинградским зрителям, их энтузиазму. Как известно, тогда свой рекорд я установил далеко за полночь, но трибуны зимнего стадиона все время были заполнены зрителями. Они-то и помогли мне в штурме планки на рекордной высоте.

Через три недели после ленинградского «взлета» я выступал в Нью-Йорке. Самочувствие было прескверным. Большая разница во времени, на 8 часов сдвинутом назад, и повышенная влажность воздуха властно давали о себе знать. Ко всему прибавились тяжелые и непривычные условия соревнований. В громадном зале «Мэдисон сквер-гарден» чуть ли не все 16 тысяч зрителей курили. В горле першило от табачного дыма. Нелегко было привыкнуть к беспрестанно гремевшему джазу да и к свисту, которым в США принято выражать свой восторг. И я выступил ниже своих возможностей.

Совсем иными были условия в калифорнийском городке Пало-Альто в июле минувшего года.

Оба дня традиционного матча легкоатлетов СССР и США проходили в идеальных условиях. Небо безоблачное, беговая дорожка и сектора в идеальном состоянии, воздух чист и прозрачен, а главное, теплая, дружеская обстановка, царящая на спортивной арене и вне ее. На трибунах — сто тысяч объективных ценителей спорта. Сто тысяч глоток снова скандировали мне (как и 1,5 года тому назад в Нью-Йорке): «Семь и пять!», «Семь и пять!» Они страстно хотели, чтобы я прыгнул на 7 футов 5 дюймов (2 м 26 см), хотели стать свидетелями рождения нового мирового рекорда. И добились своего.

Примерно то же самое повторилось и три месяца спустя — 29 сентября — в Москве, на Центральном стадионе имени В. И. Ленина.

В тот день я чувствовал себя превосходно, меня распирало от желания прыгать, словно во мне раскручивалась какая-то пружина адской силы. Мне захотелось поднять рекордную планку еще выше. Того же очень хотели и сто тысяч москвичей, собравшихся на футбольный матч.

Погода была хорошей, сектор — в идеальном состоянии, и мой рекорд мира стал равен 2 м 27 см.

Думаю, что это не предел.

Г. ПАТАРИДЗЕ

ВОКРУГ ДА ОКОЛО...

Рисунки И. Оффенгендена.

Недавно я побывал на экзаменах в университете.

Принимал экзамены мой старый друг.

Когда он надел очки, лицо его стало таким холодным, что я легко представил себя его студентом...

Он повернулся к студентке и спросил:

— А ну-ка, что вы скажете мне про Шиллера?

Девушка начала:

— Шиллер родился во второй половине восемнадцатого века. Он был в близких отношениях с Гёте и именно по этой причине в 1799 году переселился в Веймар, где Гёте был первым министром. Именно в этом году родился великий французский романист Оноре де Бальзак...

Тут девушка с такими подробностями и знанием дела разобрала творчество Бальзака, что привела в восторг экзаменатора (не говоря уже обо мне).

В зачетной книжке появилась пятерка.

Застенчиво вошел второй студент.

— А-а-а?! — с упреком начал экзаменатор.— Это вы пропустили семинар по Гюго? Посмотрим, как вы подготовлены. Что скажете про романтизм Гюго?

— Гюго,— начал, спотыкаясь, студент,— величайший французский романтик... Впрочем, в это время во Франции было другое литературное направление, в частности реалистическое, блестящий представитель которого Оноре де Бальзак был замечателен тем, что и по теоретическим взглядам он был реалист, что указывает на то, что для Бальзака реализм не был чем-то стихийным...

С этого момента студент заговорил так восторженно и быстро, что мой друг экзаменатор никак не мог его остановить, пока не вписал в зачетку пятерку...

Вот уже седьмой или восьмой студент стоял перед экзаменатором, а ответы все до одного были похожи один на другой.

— Шекспир,— коротко обращается мой друг к студенту.

— Великий английский драматург Вильям Шекспир родился во второй половине шестнадцатого века. В своих сонетах, комедиях и трагедиях он оставил нам величайшее литературное наследство. Как замечательно изобразил великий Шекспир в «Тимоне Афинском» всесилие золота в тогдашнем обществе! Не лишним в связи с этим будет вспомнить блестящее произведение Оноре де Бальзака «Гобсек»...

И снова доскональный разбор Бальзака.

В матрикул вписана седьмая или восьмая пятерка.

— ...Величайший поэт Италии Данте Алигьери,— так начал, кажется, пятнадцатый студент,— родился в конце тринадцатого века. Он оказал большое влияние на европейскую литературу, в особенности его шедевр «Божествен-

ная комедия». Интересно также то обстоятельство, что Оноре де Бальзак серию своих романов назвал «Человеческая комедия». Так что Бальзак... следовательно, Бальзак...

Одним словом, опять Бальзак, что принесло обычную пятерку.

— ...Свифт, величайший сатирик Англии, родился в семнадцатом веке. Среди его произведений сверкают «Путешествия Гулливера». Сам Свифт был физически силен, точно так же, как Оноре де Бальзак...

Пятерка.

Была поставлена последняя пятерка. Экзамены кончились.

— Неужели ты не заметил, что все студенты сдали Бальзака? — спросил я своего друга.

— Знаешь, что я тебе скажу? — ответил он мне авторитетным тоном.— Нет? Так слушай. Мне в руки попалось неизвестное письмо Оноре де Бальзака, в котором гениальный романист пишет, что основательное знание одного вопроса уже есть знание, а поверхностное знание многих вопросов не есть знание... Вообще Бальзак был настолько гениальным писателем, что...

Но я уже не мог больше слушать про Бальзака...

Я вспомнил, что наш уважаемый лектор защитил недавно кандидатскую диссертацию о Бальзаке, и пришел к выводу, что студенты отлично учли это обстоятельство.

Перевел с грузинского
В. КУГОТОВ.

В НОМЕРЕ:

С. МАРШАК. Из лирической тетради. Стихи 3

Манолис ГЛЕЗОС. Любить, мечтать, бороться, побеждать! (Статья написана по просьбе «Юности») 5

Георгий САДОВНИКОВ. Суета сует. Повесть 8

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Памятник солдату Алеше в Пловдиве. Разговор с горой Карадаг. Письмо про дождь. Парни с поднятыми воротниками. Стихи 38

С молдавского

Эмиль ЛОТЯНУ. Баллада о напрасно прожитом дне. Риск. Стихи 41

Аркадий АДАМОВ. Личный досмотр. Повесть 42

Ек. ПЕШКОВА. Алексей Максимович и Максим Алексеевич (Предисловие Б. Бялика) 66

Борис КАМОВ. Партизанской тропой Гайдара 71

Леонид МАРТЫНОВ. Год рожденья моего... Проблема перевода. Обвал. Стихи 76

Трибуна «Юности»

В. СКОМОРОХОВ. «Хождение по мукам»... 78

✲ Лира АБДУЛЛИНА. «Как всхлип короткий, оборвалось детство»... ✲ Эльмира КОТЛЯР. «Мать стирает, стирает...» ✲ Инна КАШЕЖЕВА. О чем говорят мужчины ✲ Екатерина ШЕВЕЛЕВА. Кобры. Стихи . . . . . 81—82

Лев КОВШОВ. А дорога все дальше идет... Очерк 83

Почта «Юности»

Р. ФРАЕРМАН. Человек рядом с тобой 89

Григорий МЕДЫНСКИЙ. Под судом — равнодушие 92

Первая книга (репортаж) 96

На стендах «Юности»

У отрогов Восточного Саяна (Выставка работ И. Бруни и М. Митурича) 97

Заметки и корреспонденции

✲ Артур РУБИНШТЕЙН. Памятники литературным героям ✲ К. НИКОЛАЕВ. Московские улицы ждут их работ ✲ Т. КОЛОСКОВ. Первая русская пьеса о Кубе ✲ Жан Поль САРТР. в гостях у «Юности» ✲ Будущие программисты ✲ Советская графика на выставке в Италии . . . . . 101—105

Спорт

В. БРУМЕЛЬ. Цена одного сантиметра (Литературная запись Г. Еленского) 106

«Пылесос» (Страницы сатиры и юмора)

Г. ПАТАРИДЗЕ. Вокруг да около 111

На 1-й и 4-й страницах обложки рисунок В. ЩАПОВА.

Художественный редактор
Ю. Цишевский.

Технический редактор
Л. Зябкина.

Адрес редакции: Москва, Г-69, ул. Воровского, 52. Телефон Д 5-17-83.
Рукописи не возвращаются.

А 00344. Подп. к печ. 12/III—1963 г. Тираж 600 000 экз. Изд. № 529. Заказ № 130. Формат бумаги 84×108 1/16. Бум. л. 3,63. Печ. л. 11,89

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 40 коп.

Главный редактор Б. Н. ПОЛЕВОЙ.

Зам. главного редактора С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

Редакционная коллегия: В. П. АКСЕНОВ, В. Н. ГОРЯЕВ,
Е. А. ЕВТУШЕНКО, Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ (отв. секретарь), С. Я. МАРШАК,
Г. А. МЕДЫНСКИЙ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. С. РОЗОВ.

Индекс
71950